**НОВОСИБИРСКИЙ ВОЕННЫЙ ОРДЕНА ЖУКОВА ИНСТИТУТ
ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ И.К. ЯКОВЛЕВА
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

№ 1 (10)

СИБИРСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

**НОВОСИБИРСК
2026**

Научный журнал
«СИБИРСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ»

Издатель:
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

Размещается в базе РИНЦ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Косухин Валерий Викторович
кандидат педагогических наук, доцент

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Тухватуллин Булат Талирович
доктор педагогических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Колухамбеков Алексей Садович

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Павлиашвили Софья Амирановна

Адрес учредителя, издателя и редакции:
630114, г. Новосибирск,
ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2

E-mail: nvi-svnv@mail.ru
Телефон: (383) 338-08-29 (доб. 43-86)

Режим (график) работы:
пн-пт: с 9.00 до 18.00
сб, вс: выходные дни.

Подписано к использованию 00.00.2026
Объем издания: 3,07 МБ

© НВИ войск национальной гвардии, 2025
Все права защищены

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Берзина Галина Петровна
доктор филологических наук, доцент

Власова Елена Ивановна
кандидат филологических наук, доцент

Глибина Анна Алексеевна
кандидат филологических наук, доцент

Гричин Сергей Владимирович
доктор филологических наук, доцент

Кучина Светлана Анатольевна
доктор филологических наук, доцент

Чистюхина Евгения Александровна
кандидат филологических наук, доцент

Оспенников Сергей Валентинович
кандидат психологических наук, доцент

Помуран Наталья Николаевна
кандидат психологических наук, доцент

Луняка Анатолий Николаевич
кандидат психологических наук

Биденко Роман Александрович
кандидат психологических наук

Гордеева Полина Александровна
кандидат психологических наук

Аравин Игорь Львович
кандидат исторических наук, доцент

Шитько Вячеслав Викторович
кандидат исторических наук, доцент

Виноградов Андрей Васильевич
кандидат исторических наук

Потапов Михаил Григорьевич
кандидат исторических, юридических наук, доцент

Михеев Дмитрий Юрьевич
кандидат исторических наук, доцент

Харлов Николай Александрович
кандидат исторических наук, доцент

Гавриленко Мария Витальевна
кандидат исторических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лапин С.Н., Авдошин В.В., Дубиков Д.И. — Социальная коммуникация в условиях современной научно-технологической революции: вызовы национальной безопасности.....4

Перевозкин С.Б., Перевозкин М.С. — Преимущества и недостатки использования искусственного интеллекта и цифровых технологий в образовательном процессе направления «Психология».....11

Помуран Н.Н., Лухманова М.А. — Формирование межкультурной и поликультурной компетентности военнослужащих: теоретическое разграничение и практические аспекты.....20

Третьяков В.В., Пилипчук А.Т. — Ролевая гибкость как психологический ресурс противодействия профессиональному стрессу у будущих офицеров Росгвардии.....25

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Власова Е.И. — Военные аббревиатуры, заимствованные в немецкий язык из английского языка.....30

Долгенко А.Н., Косырева М.С. — Концепт «образование» в русской языковой картине мира.....36

Донскова Ю.В., Косырева М.С. — Грамматическая динамика фразеологизмов в текстах научного стиля……42

Калиущенко В.Д., Морозова М.А. — Языковые средства в медийном дискурсе как инструмент эмоционализации в формировании общественного мнения.....48

Косырева М.С., Лыткина О.И. — Функциональные возможности фразеологизмов: когнитивный подход….59

Хертек Е.В. — Лексикография и перевод: роль специализированных словарей в поддержке качественного перевода.....64

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Авдошин В.В., Анисимов В.Р. — Опыт геральдического обеспечения структур, подобных войскам национальной гвардии Российской Федерации, во Франции 68

Виноградов А.В. — Пограничный конфликт как пролог мировой войны.....78

Гавриленко М.В. — Вторая мировая война в польских учебниках истории.....84

Козлов В.А. — Актуальные вопросы реформирования русской армии военным министром Д.А. Милютиным.....89

Косыгина С.В. — Воспроизводство городского населения Тобольской губернии в период Первой мировой и Гражданской войн.....98

Трусов В.Г., Цыбулько А.А. — Выполнение служебно-боевых задач войсками НКВД в годы ВОв по охране особо важных объектов и объектов на ж.д. коммуникациях 106

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 338.246
EDN: https://elibrary.ru/BEEOZK

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Лапин Семён Николаевич[1]
Авдошин Вадим Владимирович[2]
Дубиков Дмитрий Игоревич[3]
[1, 2, 3] Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, Москва, Россия
[1, 2] awdoshinv@yandex.ru, [3]mitya.dubikov.2002@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь между развитием технологий и трансформацией социальной коммуникации: авторы анализируют влияние технологического прогресса на модели общения и формы социальных взаимодействий, опираясь на волновую историософскую концепцию Э. Тоффлера и идеи К. Шваба о четвёртой промышленной революции. Рассматриваются ключевые характеристики постиндустриального общества, в котором информация становится основным ресурсом, а цифровые технологии – неотъемлемой частью человеческой деятельности. Особое внимание уделено этическим проблемам цифровой коммуникации, а также угрозам информационной безопасности – составной части национальной безопасности.

Ключевые слова: социальная коммуникация, социальное взаимодействие, четвертая промышленная революция, постиндустриальное общество, цифровая коммуникация, информационная безопасность, национальная безопасность.

Для цитирования: Лапин С.Н., Авдошин В.В., Дубиков Д.И. Социальная коммуникация в условиях современной научно-технологической революции: вызовы национальной безопасности // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 1 (10). С. 4-10.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

SOCIAL COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF THE MODERN SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL REVOLUTION: CHALLENGES TO NATIONAL SECURITY

Semyon N. Lapin[1], **Vadim V. Avdoshin**[2], **Dmitry I. Dubikov**[3]
[1, 2, 3] Main Research Center of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation, Moscow, Russia
[1, 2] awdoshinv@yandex.ru, [2]mitya.dubikov.2002@yandex.ru

Abstract. This article explores the relationship between technological development and the transformation of social communication. The authors analyze the impact of technological progress on communication patterns and forms of social interaction, drawing on E. Toffler's wave

©Лапин С.Н., Авдошин В.В., Дубиков Д.И., 2026.

historiosophical concept and K. Schwab's ideas about the fourth industrial revolution. Key characteristics of a post-industrial society are examined, in which information is becoming a primary resource and digital technologies an integral part of human activity. Particular attention is paid to the ethical issues of digital communication, as well as threats to information security – an integral part of national security.

Keywords: social communication, social interaction, fourth industrial revolution, post-industrial society, digital communication, information security, national security.

For citation: Lapin S.N., Avdoshin V. V., Dubikov D.I. Social communication in the context of the modern scientific and technological revolution challenges to national security // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 1 (10). P. 4-10.

Введение

Невозможно представить историю общества без человеческой коммуникации (их онтологическая связь очевидна), а ее, в свою очередь, – без тесной связи с технологиями и их развитием, влияющим на сам процесс коммуникации. Очевидно, что репрезентативные промежутки развития от изобретения письменности и появления первых печатных станков, стремительного распространения радио и телевидения на рубеже XIX – XX веков до нового качественного скачка – развития интернета, были сопряжены с изменениями действующих и появлением новых форм социальных взаимодействий.

Технологическое развитие, безусловно, коренным образом изменило модели общения и, если ранее коммуникативный акт происходил, преимущественно, в обстоятельствах очной встречи или обмена письменной корреспонденцией, то сегодня социальные сети позволяют совершать их в режиме реального времени. Без сомнения, это вызывает расширение структуры социальных связей и само изменение содержания коммуникации – оно становится более кратким и визуально ориентированным, преследуя своей целью быструю передачу информации.

Какое технологическое развитие мы отмечаем сегодня и что характеризует современную научно-технологическую революцию?

Современная научно-технологическая революция и ее влияние на социальную коммуникацию

Отметим теоретический подход, в рамках которого мы рассматриваем технологическое развитие и его влияние на социальную коммуникацию – волновую историософскую схему в представлении Э. Тоффлера.

Волновая историософская концепция позволяет принять оптику рассмотрения исторического процесса не как линейно развивающегося, а осуществляющегося рывками (по терминологии Тоффлера – волнами), отображающего колебания всех – культурных, политических и экономических – факторов [1].

В соответствии с этой концепцией, за любым историческим событием усматриваются глубинные закономерности, коррелятивные попеременному изменению фаз подъема и спада, экстраполирующими свое влияние на человеческую деятельность. Важное достоинство такой оптики рассмотрения – уход от однобокой интерпретации исторических событий, и, напротив, раскрытие их многогранности: такая модель позволяет избежать однозначной интерпретации исторических событий и более полно отразить их многогранность и сложность.

Важно отметить, что анализу подвергаются не только количественные, но и, что особенно важно для нашего исследования, качественные характеристики с упором на идейные, культурные и социальные трансформации, оказывающие прямое влияние на историческую реальность и формирование будущего.

Тоффлер отмечает [2], что на смену аграрной (именуемой первой волной) и индустриальной (вторая волна) цивилизациям, приходит новая – постиндустриальная (третья волна) [там же], переход к которой, по

утверждению автора, «закончится 75 лет спустя, в 2025 году» [3, с. 20].

Отметим здесь основные характеристики, присущие постиндустриальному обществу и важные для нашего исследования:

1. Основным ресурсом становится информация, она заменяет традиционные факторы производства, и теперь основная занятость населения связана с производством, хранением и передачей информации.

2. Развитие информационных и коммуникационных технологий вызывает то, что неотъемлемой частью человеческой деятельности становятся высокие технологии.

3. Технологические изменения становятся фундирующим основанием увеличения скорости глобализационных процессов.

4. Общество сталкивается с новыми вызовами – изменением ценностных установок, стиля жизни и культурных норм и, что важно, претерпевает изменения и характер общения, взаимодействия между людьми.

5. «Коммуникация представляет собой ключевой элемент информационного общества» [4, с. 86-87].

Принимая во внимание четвертую и пятую характеристики, отметим, что сегодня особое значение приобретает этика общения, которую уже сложно представить без посредничества интернета и цифровых платформ. Цифровая коммуникация сталкивается с рядом этических дилемм, среди которых можно выделить и вопросы конфиденциальности, и распространения недостоверной информации (например, дипфейк), и проявления агрессивного поведения. Репрезентативен случай с Facebook[1]: оштрафовали в 2019 году на 5 миллиардов долларов США за нарушение конфиденциальности [5].

Массовое распространение интернета и развитие сопряженных технологий, например ИИ, обусловило то, что коммуникация становится не только более доступной, но и более персонализированной. По данным отчета Всемирного экономического форума, в ближайшие десятилетия ИИ будет играть ключевую роль в персонализированной коммуникации, открывая новые горизонты и уровни общения.

Поставленный нами вопрос об этической компоненте социальной коммуникации отсылает нас к работам, споры вокруг которых не угасают до сих пор. Речь здесь идет о трудах, автор которых предложил «Великую перезагрузку», в которых он симпатизирует идеям трансгуманизма и критикуется за «античеловечность» своих взглядов.

Клаус Шваб – основатель и бессменный Президент Всемирного экономического форума утверждает, что человечество станет (уже стало?) свидетелем выдающихся технологических прорывов во всех аспектах человеческой деятельности и, если Э. Тоффлер утверждал, что третья волна сменит вторую к 2025 году, то Шваб не только представил список переломных моментов, которые ожидаются до 2025 года, но и отметил, что «сегодня мы стоим у истоков четвертой промышленной революции» [6, с. 9] и, по утверждению Шваба, «она началась на рубеже нового тысячелетия и опирается на цифровую реальность» [6, с. 16].

Учитывая, что на страницах своей работы «Четвертая промышленная революция» Шваб утверждает, что «в мире…**с***оциальная коммуникация (здесь и далее выделено нами. – Д.Д.)* и личная информация *мигрируют на цифровые платформы»* [там же, с. 89], наше исследование невозможно без рассмотрения идей, представленных в работах Клауса Шваба.

Отметим отдельно, что здесь будет представлена попытка неангажированного рассмотрения работ основателя Всемирного экономического форума – они не будут рассматриваться ни с позиций сторонников, ни с позиций противников.

Основный посыл Шваба понятен: он утверждает, что на горизонте – новая про-

[1]Деятельность Meta (соцсети Facebook и Instagram) запрещена в России как экстремистская в соответствии с решением Тверского районного суда от 21.03.2022 г. по делу № 02-2473/2022.

мышленная революция, четвертая, которая превосходит по силе воздействия на человечество прежние, вместе взятые, и разворачивается она прямо сейчас.

Основное качественное отличие этой революции – синергетический эффект, возникающий вследствие слияния компьютерных, информационных, и т.д. технологий и, что более примечательно, стирание граней между «мирами» – миром физическим, миром цифровым и миром биологическим [7].

Роль современных цифровых платформ (социальных сетей) – ключевая в процессе организации социальных взаимодействий, и если под «социальной сетью» принято понимать «социальную структуру, состоящую из группы узлов, которыми являются социальные объекты (люди, группы людей, сообщества, организации) и связей между ними (социальных взаимоотношений) [12, с. 651], то для нашего исследования следует уточнить, что мы определяем социальную сеть как «платформу, на базе которой участники могут устанавливать отношения *(выстраивать структуру, которая описана в первой дефиниции. – Д.Д.)* друг с другом» [там же, с. 651].

Информационная безопасность как составная часть национальной безопасности

Национальная безопасность – это «состояние общественных отношений, гарантирующее защищённость жизненно важных интересов страны от внешних и внутренних угроз» [9], ее основными объектами выступают:

1) личность, ее права и свободы;

2) социальные и национальные группы *(здесь выделено нами. – Д.Д.)*;

3) общество, его материальные и духовные ценности;

4) государство (в т.ч. суверенитет и территориальная целостность) [там же].

В официальной печати термин «национальная безопасность» впервые появился в 1947 году, когда в США был принят закон «О национальной безопасности» (однако первое задокументированное употребление понятия датировано 1904 годом – в своем послании конгрессу США его употребил президент США Т. Рузвельт) [10]. Содержание закона охватывало не только военные, но и политические, экономические и социальные аспекты, и было связано, в первую очередь, с набирающей свои обороты Холодной войной (после Второй мировой войны стремление обеспечить национальную безопасность стало коллективным – были созданы НАТО[2], ОВД[3], позже – ОДКБ[4], которые нацелены на обеспечение политической и социальной стабильности нескольких государств одновременно).

Государство выполняет ключевую функцию в разработке и реализации концепции национальной безопасности – оно является основным субъектом, определяющим приоритеты, цели и задачи в этой области. Отмеченные ранее технологические изменения вызывают пересмотр их статуса и роли в задаче обеспечения национальной безопасности – эти технологии могут быть использованы как для защиты, так и для атаки, что вызывает необходимость пересмотра не только правовых аспектов применения таких технологий, но и этических.

Positive Technologies – российская компания, которая специализируется на разработках в сфере обеспечения информационной безопасности – в 2024 году опубликовала отчет [11] по итогам исследования актуальных киберугроз для стран, входящих в СНГ.

Обратим особое внимание на то, что самый распространенный метод атаки, который применялся в РФ, – это социальная инженерия (56 %). Социальная инженерия – это способ манипулирования, нацеленный

[2]Североатлантический альянс (1949 г.) – международная организация, цель которой – обеспечение коллективной безопасности ее членов. На сегодняшний день в Альянс входит 32 страны.

[3]Организация Варшавского договора (1955 – 1991 гг.) – союз европейских социалистических государств, обеспечивающий безопасность стран-участниц; насчитывал 8 государств.

[4]Организация Договора о коллективной безопасности (1992 г.) – международная организация в области коллективной безопасности; включает 6 государств. Российская Федерация – член ОДКБ.

на обман человека и введение его в заблуждение с целью получения доступа к какой-либо информации [12]. Получается, что столь повышенное внимание к проблемам обеспечения информационной безопасности связано не с уязвимостью информационной системы, а с уязвимостью ее пользователя – *человека*.

Заключение

Констатируя ситуацию сегодняшнего дня, где информационные технологии занимают центральное место в жизни общества, угрозы национальной безопасности все более часто пересекаются с проблематикой информационной безопасности – и, одним из наиболее актуальных аспектов этой проблемы, являются технологии социальной инженерии, которые используют уязвимости человеческого поведения для получения доступа к конфиденциальной информации или системам[5].

Список источников

1. Фурс Е.И. Особенности концепции модернизации в трудах Э. Тоффлера [Текст] / Е.И. Фурс // Вестник ВГУ. 2008. № 3. С. 239-244.

2. Тоффлер Э. Третья волна [Текст] / Тоффлер Э. 1-е изд. М.: ООО Фирма Издательство «АСТ», 1999. 784 с.

3. Тоффлер Э. Метаморфозы власти [Текст] / Тоффлер Э. Пер. с англ. В.В. Белокосков, К.Ю. Бурмистров, Л.М. Бурмистрова, Е.К. Комарова, А.И. Мирер, Е.Г. Руднева, Н.А. Строилова. М.: ООО «Фирма «Издательство «АСТ», 2003. 669 с.

4. Батракова Л.Г. Организация жизнедеятельности людей в информационном обществе [Текст] / Л.Г. Батракова // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. С. 85-87.

5. Пешкова Н. Facebook оштрафовали на рекордные $5 млрд / Пешкова Н. [Электронный ресурс] // Forbes.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://www.forbes.ru/tehnologii/380671-facebook-oshtrafovali-na-rekordnye-5mlrd (дата обращения: 12.02.2026).

6. Шваб К. Четвертая промышленная революция [Текст] / К. Шваб. Пер. с англ. М.: Эксмо, 2023. 208 с.

7. Гулин К.А., Усков В.С. Тренды четвертой промышленной революции [Текст] / К.А. Гулин, В.С. Усков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 5. С. 216-221.

8. Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ [Текст] / А.С. Воронкин // Образовательные технологии и общество. 2014. № 1. С. 650-675.

9. Национальная безопасность / Справочник по терминологии в оборонной сфере Министерства обороны Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://dictionary.mil.ru/dictionary/Terminy-RVSN/item/141685/ (дата обращения: 12.02.2026).

10. Субботин А. В чем сила? Как правильно определить место страны в мире / Субботин А. [Электронный ресурс] // Российская академия наук. [Электронный ресурс]. URL: https://new.ras.ru/activities/news/v-chem-sila-kak-pravilnoopredelit-mesto-strany-v-mire/ (дата обращения: 12.02.2026).

11. Авезова Я. Актуальные киберугрозы в странах СНГ 2023-2024 / Я. Авезова // Positive Technologies. [Электронный ресурс]. URL: https://ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/aktualnye-kiberugrozy-vstranahsng-2023-2024/#id1 (дата обращения: 12.02.2026).

12. О понятии «социальная инженерия» / [Электронный ресурс] // Прокуратура Красноярского края. [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_24/activity/legaleducation/explain?item=57220433 (дата обращения: 12.02.2026).

[5]Например, операция «Олимпийские игры» против иранских ядерных объектов.

References

1. Furs E.I. Features of the concept of modernization in the works of E. Toffler [Text] / E.I. Furs // Bulletin of VSU. 2008. No. 3. P. 239-244.
2. Toffler E. The Third Wave [Text] / Toffler E. 1st ed. M.: "Firma "Publishing House "AST", 1999. 784 p.
3. Toffler E. Metamorphoses of Power [Text] / Toffler E. Trans. from English by V.V. Belokoskov, K.Yu. Burmistrov, L.M. Burmistrova, E.K. Komarova, A.I. Mirer, E.G. Rudneva, N.A. Stroilova. M.: "Firma "Izdatelstvo" AST ", 2003. 669 p.
4. Batrakova L.G. Organization of people's life activities in the information society [Text] / L.G. Batrakova // Yaroslavl pedagogical bulletin. 2013. No. 3. P. 85-87.
5. Peshkova N. Facebook fined a record $5 billion / N. Peshkova // Forbes.ru. [Electronic resource]. URL: https://www.forbes.ru/tehnologii/380671-facebook-oshtrafovali-na-rekordnye-5mlrd (date of access: 12.02.2026).
6. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution [Text] / Schwab K. trans. from English. M.: Eksmo, 2023. 208 p.
7. Gulin K.A., Uskov V.S. Trends of the Fourth Industrial Revolution [Text] / K.A. Gulin, V.S. Uskov // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2017. No. 5. P. 216-221.
8. Voronkin A.S. Social networks: evolution, structure, analysis [Text] / A.S. Voronkin // Educational technologies and society. 2014. No. 1. P. 650-675.
9. National security // Handbook of terminology in the defense sphere of the Ministry of Defense of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: https://dictionary.mil.ru/dictionary/Terminy-RVSN/item/141685/ (date of access: 12.02.2026).
10. Subbotin A. What is strength? How to correctly determine a country's place in the world / Subbotin A. [Electronic resource] // Russian Academy of Sciences. [Electronic resource]. URL: https://new.ras.ru/activities/news/v-chem-sila-kak-pravilnoopredelit-mesto-strany-v-mire/ (date of access: 12.02.2026).
11. Avezova Ya. Current cyber threats in the CIS countries 2023-2024 / Avezova Ya. // Positive Technologies. [Electronic resource]. URL: https://ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/aktualnye-kiberugrozy-vstranahsng-2023-2024/#id1 (date of access: 12.02.2026).
12. On the concept of "social engineering" // Prosecutor's Office of Krasnoyarsk Krai. [Electronic resource]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_24/activity/legaleducation/explain?item=57220433 (date of access: 12.02.2026).

Информация об авторах

Лапин Семён Николаевич, Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (111250, г. Москва ул. Красноказарменная, 9а).

Авдошин Вадим Владимирович, Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (111250, г. Москва ул. Красноказарменная, 9а).

Дубиков Дмитрий Игоревич, Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (111250, г. Москва ул. Красноказарменная, 9а).

Information about the authors

Semyon N. Lapin, Main Scientific Research Center, Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation (111250, Moscow, Krasnokazarmennaya st., 9a).

Vadim V. Avdoshin, Main Scientific Research Center, Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation (111250, Moscow, Krasnokazarmennaya st., 9a).

Dmitry I. Dubikov, Main Scientific Research Center, Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation (111250, Moscow, Krasnokazarmennaya st., 9a).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 159.9
EDN: https://elibrary.ru/CSQMBK

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ НАПРАВЛЕНИЯ «ПСИХОЛОГИЯ»

Перевозкин Сергей Борисович[1]
Перевозкин Максим Сергеевич[2]
[1]Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия
[1]per_sj@mail.ru, [2]maxperev748@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается исторический аспект взаимодействия искусственного интеллекта и человека. Предлагается анализ использования искусственного интеллекта и цифровых технологий в образовательном процессе преподавателем и студентами, оцениваются положительные и отрицательные стороны применения искусственного интеллекта. Рассматриваются возможности использования искусственного интеллекта и цифровых технологий в психологии.

Ключевые слова. Искусственный интеллект, цифровые технологии, образовательный процесс, психология.

Для цитирования: Перевозкин С.Б., Перевозкин М.С. Преимущества и недостатки использования искусственного интеллекта и цифровых технологий в образовательном процессе направления «Психология» // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 1 (10). С. 11-19.

ADVANTAGES AND DISADVANTAGES OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF THE "PSYCHOLOGY" DIRECTION

Sergey B. Perevozkin[1], **Maksim S. Perevozkin**[2]
[1]Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk, Russia
[1]per_sj@mail.ru, [2]maxperev748@gmail.com

Abstract. The article examines the historical aspect of the interaction between artificial intelligence and humans. It offers an analysis of the use of artificial intelligence and digital technologies in the educational process by teachers and students, and evaluates the positive and negative aspects of using artificial intelligence. The possibilities of using artificial intelligence and digital technologies in psychology are considered.

Keywords: Artificial intelligence, digital technologies, educational process, and psychology.

For citation: Perevozkin S.B., Perevozkin M.S. Advantages and disadvantages of using artificial intelligence and digital technologies in the educational process of the "Psychology" direction // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 1 (10). P. 11-19.

©Перевозкин С.Б., Перевозкин М.С., 2026.

Введение

Современные технические и цифровые возможности искусственного интеллекта широко внедрились в жизнь современного человека, начиная с ежедневного использования в смартфоне, планшете, персональном компьютере на бытовом уровне и заканчивая внедрением ИИ на государственном и корпоративном уровнях, в оплате проезда, фиксации нарушения ПДД, в системе «Антиплагиат», в компьютерных программах-антивирусах и т.п. Использование ИИ было закреплено на государственном уровне [18, 19], а также были разработаны ГОСТы по использованию данного продукта [9]. Поэтому проблема использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) и цифровых технологий в образовательной среде становится все актуальней как для преподавателей, так и студентов, при этом можно отметить как преимущества, так и недостатки взаимодействия с ИИ в учебном процессе людей обеих групп.

Понятие «искусственный интеллект (ИИ) как отросль науки ввели четверо американских ученых: Джон Мак-Карти, Марвин Мински, Натаниэль Рочестер и Клод Шеннон на летнем семинаре в Дартмут-колледже (Хановер, США), который организовали в 1956 году» [7]. Чуть позже также американский ученый Рассел С. под искусственным интеллектом (англ. artificial intelligence; AI) понимал «в самом широком смысле – комплекс инструментов, позволяющих решать задачи уровня человеческого интеллекта (такие как восприятие, обучение, рассуждение, решение проблем и принятие решений) и реализованных машинами, в частности компьютерными системами» [14].

На современном этапе развития искусственного интеллекта дается следующее его определение: «искусственный интеллект – это междисциплинарная область, широко опирающаяся на информатику, науку о данных, естественные и гуманитарные науки, математику, общественные и другие науки»[9]. В данном документе рассматриваются возможности использования искусственного интеллекта и цифровых технологий, концепции его развития, но при этом предупреждают о приписывнии ему человеческих характеристик из-за возможности имитировать их ИИ.

По мнению Рустиковой Г.С., «цифровизация образования – это использование новых технологий в сфере передачи информации и общения, предполагающее изменение общества в овладении этими техническими средствами, обучения им и соблюдения правовых основ безопасности» [15]. Как отмечает автор, цифровизация образования должна иметь правовую основу для безопасности ее использования в образовательном процессе, общении, применении искуственного для интеллекта при обработке информации и данных.

Рассмотрим первые исследования взаимодействия человека с ИИ, машиной, исследуемой такой наукой, как кибернетика, созданной Норбертом Винером в 50-е года XX века [8], где основными идеями были изучение схожести вычислительных действий машины и мозга человека, возможность самообучения, исследовались открытые и закрытые системы (принятий решений), ставились этические проблемы взаимодействия и восприятия личности ИИ, и многое другое. Еще до популярности и развития кибирнентики были разработаны законы робототехники Айзиком Азимовым в 1942 году (писателем-фантастом, ученым с докторской степенью по химии), которые определяли отношения человека и машины, о неспособности навредить своему создателю. Учеными того времени также решалась проблема определения с кем человек общается и взаимодействует через задаваемые вопросы (заранее созданные и опрабированные) с помощью теста Алана Тьюринга [2], теста «Последний экзамен человечества» Дэна Хендрикса, и это удавалось до определенного времени. Так с развитием технологий ИИ в конце 1990-х и

начале 2000-х годов это стало уже не очевидно. Так, в 1997 году впервые человек, международный гроссмейстер Каспаров Г.К. проиграл компьютеру в шахматы, вопросы, разработанные ранее для определения ИИ в общении, уже плохо работали.

Компьютеры и их вычислительные возможности стали более мощными и совершенными (например, создание квантовых технологий) [16], что позволило внедрять ИИ в повседневную жизнь. Также стоит отметить, что каждая страна (ChatGPT США, Canva Австралия, DeepSeek Китай, «Яндекс» Россия, AI Gallery Великобритания и др.), современная компания, корпорация считает возможным создание собственного ИИ (например, «ГигаЧат» от Сбербанка, Copilot от Microsoft, чат-боты Grok от Илона Маска и др.) для использования как в собственных нуждах: обработки данных, решения проблем, предсказаний, безопасности и т.п., так и для предоставления возможностей ИИ для пользователей: умные колонки, поисковики на смартфоне и компьютерах, развивающие, обучающие программы, программы для обработки текста, фото, видео и др.

Некоторые ученые идут еще дальше, предлагая “«совместную деятельность», позволяющую учесть особенности образного мышления лица, принимающего решение, и символьной обработки информации системой искусственного интеллектов” [10]. Исследователи предлагают научить искусственный интеллект обрабатывать когнитивную информацию по подобию модели мышления, восприятия человека, с помощью распознавания образов, как это делает мозг, это поможет сгладить «угловатость» мышления машины и добавит ей человечности.

По мнению Покалицыной О.В., «внедрение в образовательный процесс обучающей системы с элементами искусственного интеллекта обеспечит его совершенствование и повышение качества обучения» [13], если выполняется ряд условий: искусственный интеллект адаптирован к программе обучения и знаниям учащихся; преподаватели могут вносить изменения в материал обучения в зависимости от индивидуальных особенностей обучаемых; в образовательном учреждении сформирована и внедрена технология ИИ и к этом готовы сами преподаватели и школьники.

Другие ученые [12] предлагают осваивать, обучать работе с искусственным интеллектом уже в школе на разных уровнях: базовом и углубленном.

На базовом уровне это позволит школьникам выстраивать собственный современный образ мира, понимание общества, безопасное поведение в цифровой среде, учит работе с информацией, анализировать и обобщать ее, грамотно использовать искусственный интеллект для решения комплексных, практических задач.

На углубленном уровне расширить знания, умения базового для будущего самоопределения, получения навыков работы с ИИ при обучении в вузе и дальнейшей профессиональной деятельности.

Таким образом, обучение в школе будет способствовать плавной адаптации подростков взаимодействия с ИИ в повседнейвной жизни и быть востребованными в профессиональной деятельности со своими навыками работы с ИИ, поэтому школа это только начальный этап и переход к специальному среднему или высшему образованию, а в дальнейшем и к профессиональной деятельности.

Использование ИИ в образовательном процессе становится доступным и простым, но при этом использование подобных технологий при обучении студентов имеет как положительные моменты, так и отрицательные.

Как видно из таблицы 1, ИИ используется как преподавателями, так и обучающимися, с одной стороны он облегчает рутинную работу, но с другой стороны человек прекладывает на него всю творческую деятельность по созданию нового материала (не желая использовать

свои способности, знания и умения). Однако стоит учитывать особенности использо-вания ИИ, ему требуется четкая, конкретная постановка задачи с указанием на пример или опыт, который он может перерработать и применить к новым условиям. Если такового примера или опыта нет, то ИИ додумывает как можно выполнить работу (поставленную задачу) и тогда возникает проблема достоверности полученной информации от него, а также тому, кому принадлежит созданное человеку или коду программы.

Таблица 1 – Преимущества и недостатки использования ИИ в образовательном процессе для преподавателей и студентов (общие)

Пользователи	**Преимущества (сокращение времени, облегчает труд)**	**Недостатки (доверие ИИ во всем, нужен опыт, пример)**
Преподаватели	Помощь в создании лекций (презентаций), рабочих программ. Редактирование текстов и видео для докладов. Обработка учебных материалов (студенческих работ). Написание, обработка статей.	Теряется творческий индивидуальный подход. Невозможность использования собственных знаний, способностей. Перекладывание своей деятельности на ИИ. ИИ проверяет работы, созданные ИИ. Теряется смысл передачи своих мыслей, опыта другим людям (машинное выдается за свое).
Студенты	Выполнение домашних заданий. Подготовка докладов, выступлений. Написание КР, ВКР. Написание статей, тезисов. Пояснение (объяснение материала) лекций, без участия преподавателя.	Студент учится работать с ИИ, а не получает знания. Не учится обобщать, структурировать учебный материал. Не умеет применять методологию написания научных работ, применять полученные знания, умения, навыки в процессе обучения. Теряется смысл передачи своих мыслей, опыта другим людям (машинное выдается за свое). Достоверность подаваемого ИИ материала, отсутствие человеческого взаимодействия.

Специфика использования ИИ и цифровых технологий в психологии стоит давно, если изначально вопрос ставился где и как их использовать, то сейчас, где границы, в рамках которых надо остановить. Впервые цифровые технологии начали использовать в психодиагностике (с появлением первых компьютеров с программами, записанными на перфокарты или ленты в 50-60-е годы XX века), в создании компьютерных программ с батареями тестов, помогающих в сборе и обработке большого количества диагностического материала, но уже тогда возникали проблемы, связанные с коллективной и индивидуальной диагностикой и интерпретацией (компьтеров для диагностики было мало, программы писались долго), с видами тестов (объективные, субъективные, проективные [4]), сложностью структуры

теста (количество ответов на вопрос), открытые или закрытые вопросы [5] и т.п.

В нашей стране изучение искусственного интеллекта в психологии связано с развитием когнитивной психологии, которая рассматривала, изучала и сравнивала мышление машины и мозга человека [6, 17], строение, функции, возможности обучения, передачи информации и др.

Несмотря на развитие цифровых технологий в XXI веке при использовании тестов на компьютере по прежнему остались те же проблемы интерпретации полученных результатов (особенно это касается проективных методик), так как программа не учитывает эмоциональное, физическое состояние человека при диагностике, что все показатели параметров методик связаны друг с другом (внутренняя валидность, конструктивная валидность методик и др. [3]). Интерпретация должна даваться на основании учета показателей всех измеряемых шкал, тогда как программа выдает интерпретацию только по каждому параметру отдельно без их совместного учета и ведущих шкал.

Поэтому при анализе компьютерных результатов диагностики, при написании интерпретации и рекомендаций необходим опыт и знание методик, тестов психологом-диагностом. В частности, где это касается проективных тестов, у которых все зависит от индивидуального подхода к респонденту, учету его состояний, вербального и невербального поведения, знания и опыта применения проективной методики самим психологом.

В современных реалиях при интерпретации психодиагностических результатов, а также в психологических практикумах, направленных на выявление личностных, темпераментно-характерологических, ценнотсно-мотивационных особенностей, характеристик, при консультировании, использовании математических методов и других направлений, все чаще стал применяться ИИ, который красиво, многостранично предоставляет информацию, чем пользуются пвсевдопсихологи (люди без психологического образования, но видящие себя психологами), недоучившиеся, ленивые студенты и после применения ИИ в такой деятельности, как и раньше, возникает вопрос о границах достоверности предлагаемых описаний личности и ее характеристик, насколько они соответствуют действительности, не будет ли это выглядеть в виде гороскопа или хиромантии.

Из этого следует, что любую информацию, выдаваемую ИИ, настоящий психолог, консультант, ученый должен проверять и перепроверять, т.к. от этого будет зависить психологическое здоровье человека, пришедшему к нему за помощью.

По данным таблицы 2 можно отметить, что ИИ постепенно входит в деятельность психолога, преподавателя и может оказывать помощь в образовательном процессе как педагогу, так и студенту, если он направлен на саморазвитие, самосовершенствование человека в области психологии, главное, чтобы ИИ не заменил собой преподавателя и обучающегося в образовательном процессе, когда один участник взаимодействия (студент) выдает работу ИИ за свою, а второй участник (преподаватель) предоставляет возможность ИИ проверять и ставить оценку за эту работу. И уже возникает проблема этического, морального плана, что будет считаться созданием человека, а что кодом программы, которая воссоздает, перерабатывает, разрабатывает материал исходя из поставленной задачи (статья, научная работа, решение задач и т.п.).

Развитие, обучение, использование ИИ в современном мире не остановить, он ежедневно укореняется в жизнь, деятельность человека (умные дома, умные колонки, умные камеры наблюдения, умная робототехника – бытовая, производственная, аналитические, предсказательные, творческие возможностии и т. п.). Некоторые люди уже не могут представить свою работу, быт, выражение себя, представление об окружающем мире без ИИ, и это влияние постепенно будет усиливаться (к хорошему привыкаешь

быстро). Многие аналитики, ученые [1, 2, 14] переживают, насколько человек станет самостоятельным, свободным в мире, где все зависит от ИИ, который уже начинает воспринимать себя как личность [1], выстраивать взаимоотношения с другими ИИ разных стран и корпораций [11], и каковы дальнейшие пути развития человека и ИИ, насколько они будут пересекаться или идти параллельно, приведет к уничтожению одного из них или сделает придатком для обслуживания другого.

Таблица 2 – Преимущества и недостатки использования ИИ в образовательном процессе преподавателями и студентами (в психологии) на примере нескольких направлений

Направление (дисциплина)	**Преимущества**	**Недостатки**
Психодиагностика	Разработка тестов, методик, опросников. Проведение тестирования, использование ПК. Обработка тестов, методик, опросников, интерпретация данных.	Достоверность интерпретации диагностики. Личностное восприятие данной интерпретации клиентом, доверие психологу (от благосклонной до негативной реакции).
Консультирование	Анализ и обобщение материалов проведенных консультирований по определенным проблемам (семейным, родительско-детским, общения и взаимодействия, мотивационным т. п.). Разработка рекомендаций, плана работы с клиентом. Помощь в ведении клиента (при анализе данных).	Достоверность интерпретации диагностики под сомнением. Неправильное видение проблемы. Рекомендации, приводящие к ухудшению состояния клиента. Помощь зависит от объема и объективности представляемой информации для ИИ.
Теории личности (психики)	Позволяет моделировать структуру психики и личности.	Все зависит от четких задач моделирования и предоставленных данных.
Тренинги	Составление плана проведения тренинга. Подбор упражнений. Анализ каждого этапа тренинга.	План может содержать ошибки, не соответствовать этапам тренинга. Упражнения не подбираются в зависимости от участников группы, предлагаемые ИИ упражнения могут не работать или быть неуместными. Предлагаемый анализ этапов тренинга может быть ошибочным и зависит от информации, предлагаемой для анализа.
Математические методы	Выбор критерия расчета. Произвести расчет критерия, анализ и интерпретация полученных результатов.	Ошибка в выборе критерия расчета. Может быть недостоверность расчетов и интерпретации.
Экспериментальная психология	На основе темы исследования: осуществляется разработка плана эксперимента, подбор методик, математических методов (критериев), интерпретация результатов.	Ошибочность выбора плана эксперимента, подбора методик, математических методов, интерпретации результатов, т. к. для этого нужно иметь знания в методологии проведения научного исследования.

Заключение

1) Искусственный интеллект и цифровизация играют важную роль в современном мире во всех отраслях, в том числе и в образовательном процессе.

2) Обучение в школе будет способствовать плавной адаптации подростков взаимодействия с ИИ в повседневной жизни, поэтому школа – это только начальный этап и переход к специальному среднему или высшему образованию, освоению профессии.

3) При использовании ИИ в образовательном процессе имеются преимущества (сокращение времени, облегчает труд) и недостатки (доверие ИИ во всем – отсутствие критического мышления к предлагаемой ИИ информации), для выполнения поставленных задач ИИ нужен опыт, пример).

4) При анализе компьютерных результатов диагностики, при написании интерпретации и рекомендаций необходим опыт и знание методик, тестов психологом-диагностом. В частности, это касается проективных тестов, у которых все зависит от индивидуального подхода к респонденту, учету его состояний, вербального и невербального поведения, знания и опыта применения проективной методики самим психологом. Поэтому любую информацию, выдаваемую ИИ относительно интерпретации, постановки психологического диагноза, результатов исследования, психолог, консультант, ученый должен проверять.

5) ИИ может оказывать помощь в образовательном процессе как педагогу, так и студенту, если он направлен на саморазвитие, самосовершенствование человека в области психологии.

Список источников

1. Аванесян Г.Г. Перспективы эффективного взаимодействия искусственного интеллекта и личности человека // Мир науки. Педагогика и психология. 2024, Том 12, № 3. С. 7-21.

2. Алексеев А.Ю. Комплексный тест Тьюринга: философско-методологические и социокультурные аспекты. М.: ИИнтелл, 2013 г. 304 с.

3. Анастази А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2005. 688 с.

4. Бодалев А.А., Столин В.В., Аванесов В.С. Общая психодиагностика. СПб.: Изд-во «Речь», 2006. 440 с.

5. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер, 2005. 680 с.

6. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Издательство «Смысл», 1998. 679 с.

7. Википедия. Искусственный интеллект. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 20.03.2026).

8. Винер Н. Человек управляющий СПб.: Питер, 2001. 288 с.

9. ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022) «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» Дата введения 2025-01-01. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1310068314 (дата обращения: 20.03.2026).

10. Горбатюк А.В., Горбатюк Н.В. Принципы организации компьютерных интегративных систем обучения // Известия ТРТУ. Тематический выпуск: материалы Всероссийской научно-технической конференции с международным участием «Компьютерные технологии в инженерной и управленческой деятельности». Таганрог: ТРТУ, 2002. № 2 (21). С. 286-294.

11. Капранов О., Бевза Д., Гуреева Ю., Самусенко Т. Нейросети пообщались друг с другом на «тайном языке». Есть ли повод беспокоиться? [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2025/08/17/pogovorili-na-svoem.html (дата обращения: 20.03.2026).

12. Меренкова П.А., Левченко И.В., Меренкова П.А. Формирование содержательных модулей для обучения искусственному интеллекту в основной школе // Вестник Россий-

ского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2021. Т. 18, № 3. С. 227-237.

13. Покалицына О.В. Интеллектуальная обучающая система как средство повышения качества обучения в современной школе: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. пед. наук. СПб.: «Карачаево-Черкесский государственный университет, 2006. 22 с.

14. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. М.: Диалектика, 2021, Т. 1. 345 с.

15. Рустикова Г.С. Информационная безопасность электронного обучения: цифровые следы и цифровая тень обучаемых / Г.С. Рустикова // Информационное право. 2019. № 3 (61). С. 29-32.

16. Ожигов Ю.И. Квантовый компьютер. М.: Изд-во Московский университет, 2023. 326 с.

17. Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Академия, 2008. 272 с.

18. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/ (дата обращения: 20.03.2026).

19. Указ Президента Российской Федерации «О комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта» от 26 февраля 2026 года №116. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413664134/ (дата обращения 20.03.2026).

References

1. Avanesyan G.G. Prospects for effective interaction between artificial intelligence and human personality // World of Science. Pedagogy and Psychology. 2024, Vol. 12, No. 3. P. 7-21.

2. Alekseev A.Yu. Comprehensive Turing Test: Philosophical, Methodological, and Sociocultural Aspects. M.: Intellect, 2013. 304 p.

3. Anastasi A., Urbina S. Psychological Testing. SPb.: Peter, 2005. 688 p.

4. Bodalev A.A., Stolin V.V., Avanesov V.S. General Psychodiagnostics. SPb.: Publishing House "Rech", 2006. 440 p.

5. Burlachuk L.F., Morozov S.M. Dictionary-reference book on psychodiagnostics. SPb.: Peter, 2005. 680 p.

6. Vekker L.M. Psyche and Reality: A Unified Theory of Mental Processes. M.: Smysl Publishing House, 1998. 679 p.

7. Wikipedia. Artificial intelligence. [Electronic resource]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (date of access: 19.03.2026).

8. Wiener N. The Human Manager. St. Petersburg: Peter, 2001. 288 p.

9. GOST R 71476-2024 (ISO/IEC 22989:2022) "Artificial Intelligence. Concepts and Terminology of Artificial Intelligence" Date of introduction: 2025-01-01. [Electronic resource]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1310068314 (date of access: 20.03.2026).

10. Gorbatyuk A.V. Gorbatyuk N.V. Principles of the Computer Integrative Learning Systems Organization // Izvestiya TRTU. Thematic Issue: Materials of the All-Russian Scientific and Technical Conference with International Participation “Computer Technologies in Engineering and Management Activities”. Taganrog: TRTU, 2002. No. 2 (21). P. 286-294.

11. Kapranov O., Bevza D., Gureeva Yu., Samusenko T. Neural networks communicated with each other in a "secret language". Is there a reason to worry? [Electronic resource]. URL: https://rg.ru/2025/08/17/pogovorili-na voem.html (dane of access: 20.03.2026).

12. Merenkova P.A., Levchenko I.V., Merenkova P.A. Formation of Content Modules for Teaching Artificial Intelligence in Secondary Schools // Bulletin of the Peoples' Friendship

University of Russia. Series: Information Technology in Education. 2021. Vol. 18. No. 3. P. 227-237.

13. Pokalitsyna O.V. Intelligent learning system as a means of improving the quality of education in a modern school: Abstract of the thesis for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences. St. Petersburg: Karachay-Cherkess State University, 2006. 22 p.

14. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. M.: Dialectics, 2021, Vol. 1. 345 p.

15. Rustikova G.S. Information security of e-learning: digital traces and digital shadow of students // Information Law. 2019. No. 3 (61). P. 29-32.

16. Ozhigov Yu.I. Quantum Computer. M.: Moscow University Publishing House, 2023. 326 p.

17. Tikhomirov O.K. Psychology of Thinking. M.: Akademiya, 2008. 272 p.

18. Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation". [Electronic resource]. URL: (https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946 / (date of access: 20.03.2026).

19. Decree of the President of the Russian Federation No. 116 dated February 26, 2026 "On the Commission under the President of the Russian Federation on the Development of Artificial Intelligence Technologies". [Electronic resource]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413664134 / (date of access: 20.03.2026).

Информация об авторах

Перевозкин Сергей Борисович, кандидат психологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, ORCID ID: http://orcid.org/0000-0002-6790-4835 (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Перевозкин Максим Сергеевич, Новосибирский государственный педагогический университет (630126, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28).

Information about the authors

Sergey B. Perevozkin, candidate of psychological sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, ORCID ID: http://orcid.org/0000-0002-6790-4835 (630114, Novosibirsk, Klyuch Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Maxim S. Perevozkin, Novosibirsk state pedagogical university, ORCID ID: http://orcid.org/0009-0000-3211-9864 (630126, Novosibirsk, Vilyuyskaya st., 28).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 316.6
EDN: https://elibrary.ru/DKHQJP

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Помуран Наталья Николаевна[1]
Лухманова Марина Анатольевна[2]
[1]Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия
[1]pomnatnik@mail.ru, [2]malukhm@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования межкультурной и поликультурной компетентности военнослужащих как необходимое условие эффективного выполнения профессиональных задач в современной военно-политической обстановке. Отмечается, что формирование межкультурной и поликультурной компетентности отвечает целям государственной политики по сохранению единства народов России. На основе анализа теоретических подходов к пониманию межкультурной и поликультурной компетентности предлагается их разграничение применительно к военной сфере. На примере Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии РФ показаны возможности реализации данных моделей в образовательном процессе. Особое внимание уделено потенциалу внеаудиторной работы, который сопоставим со специализированными курсами, но требует дальнейшего научного осмысления. В заключении сформулированы перспективные направления исследований: разработка компетентностной модели военнослужащего как субъекта межкультурного взаимодействия и создание программы психолого-педагогического сопровождения данного процесса.

***Ключевые слова*:** межкультурная компетентность, поликультурная компетентность, военнослужащие, культурное многообразие, межкультурное взаимодействие, военное образование.

Для цитирования: Помуран Н.Н., Лухманова М.А. Формирование межкультурной и поликультурной компетентности военнослужащих: теоретическое разграничение и практические аспекты // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 1 (10). С. 20-24.

FOSTERING INTERCULTURAL AND MULTICULTURAL COMPETENCE IN MILITARY PERSONNEL: THEORETICAL DISTINCTION AND PRACTICAL ASPECTS

Natalia N. Pomuran[1], **Marina A. Lukhmanova**[2]
[1]Novosibirsk military order of Zhukov institute named after the general of the army I.K. Yakovleva of the troops of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State technical University, Novosibirsk, Russia
[1]pomnatnik@mail.ru, [2]malukhm@mail.ru

©Помуран Н.Н., Лухманова М.А., 2026.

Abstract. This article examines the development of both intercultural and multicultural competence in military personnel, arguing that it is a prerequisite for effective professional performance in the current military-political environment. Fostering intercultural and multicultural competence aligns with the Russian state's policy objectives for maintaining national unity. This article proposes a distinction between intercultural and multicultural competence in the military sphere, based on an analysis of existing theoretical approaches. A case study of the Novosibirsk Military Institute (named after Army General I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation) illustrates the practical application of these models in military education. Special attention is paid to the potential of extracurricular activities, which is comparable to specialized courses but requires further scientific study. In conclusion, the authors propose two main areas for further study: first, constructing a competency model for military personnel, and second, designing a program to provide psychological and educational support for this process.

Keywords: intercultural competence, multicultural competence, military personnel, cultural diversity, intercultural interaction, military education

For citation: Pomuran N.N., Lukhmanova M.A. Fostering intercultural and multicultural competence in military personnel: theoretical distinction and practical aspects // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 1 (10). P. 20-24.

Введение

Современная военно-политическая обстановка характеризуется возрастающей интенсивностью межкультурных контактов военнослужащих в различных контекстах профессиональной и служебной деятельности. Участие воинских контингентов в операциях в других странах, совместные учения с вооруженными силами других государств [1], функционирование многонациональных воинских подразделений [2], а также взаимодействие с местным населением в районах выполнения боевых задач – все это требует от военнослужащих способности эффективно действовать в поликультурной среде.

В научной литературе проблема межкультурной компетентности долгое время разрабатывалась применительно к сферам бизнеса, образования, сервиса и туризма, психологического консультирования, медицины. Вопросы же межкультурной компетентности военнослужащих до настоящего времени не получали систематического освещения, несмотря на очевидную практическую значимость [2]. Вместе с тем, как показывают исследования А.Д. Карнышева, О.Е. Хухлаева, эффективность межкультурного взаимодействия во многом определяется уровнем сформированности соответствующих компетенций у его участников [3, 4].

Анализ современных подходов к пониманию межкультурной и поликультурной компетентности свидетельствует о наличии терминологической рассогласованности, когда данные понятия зачастую употребляются как синонимы. Вслед за Е.В. Клочко, мы полагаем, что преодоление этой рассогласованности возможно через обращение к понятию ментального пространства личности как многомерного образования, опосредствующего связь человека с объективной реальностью [5]. Применительно к служебной и профессиональной деятельности военнослужащих данный подход позволяет дифференцировать ситуации межкультурного взаимодействия по основанию меры общности / различия ментальных пространств участников.

С этой точки зрения представляется целесообразным разграничивать межкультурную компетентность как способность к эффективному взаимодействию с представителями иных культур в контексте международных военных контактов и как способность к конструктивному взаимодействию с представителями различных этнических групп в условиях поликультурного про-

странства одной страны (многонациональные воинские коллективы, взаимодействие с местным населением в регионах базирования, работа с военнослужащими различных национальностей).

Специфика профессиональной и служебной деятельности военнослужащих задает особые требования к содержанию и структуре межкультурной компетентности. В отличие от других сфер деятельности в военной сфере межкультурная компетентность выступает фактором, непосредственно влияющим на успешность выполнения боевых задач, безопасность личного состава и поддержание позитивного имиджа вооруженных сил. Как отмечает М.Дж. Беннетт, в экстремальных условиях межкультурного взаимодействия особое значение приобретает развитая сензитивность, позволяющая адекватно интерпретировать поведение представителей иных культур и прогнозировать его последствия [6].

Эмпирические исследования свидетельствуют, что недостаточный уровень межкультурной компетентности может приводить к серьезным негативным последствиям: конфликтам на национальной почве в многонациональных подразделениях, снижению эффективности взаимодействия с местным населением, неспособности установить доверительные отношения с лидерами местных сообществ, неверной интерпретации культурно-обусловленных паттернов поведения как враждебных намерений.

В связи с этим актуализируется задача целенаправленного формирования межкультурной компетентности военнослужащих на всех этапах подготовки. Анализ современных исследований позволяет выделить несколько моделей решения данной задачи. Первая модель предполагает включение в программы военного образования специализированных курсов по межкультурной коммуникации. Вторая модель основывается на междисциплинарном подходе, интегрирующем знания из области культурной антропологии, этнопсихологии, конфликтологии и лингвистики. Третья, интегративная модель, рассматривает формирование межкультурной компетентности как сквозную задачу всего образовательного процесса, реализуемую в рамках всех изучаемых дисциплин [7].

В Новосибирском военном ордена Жукова институте имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии РФ формирование межкультурной компетенции, предусмотренное ФГОС ВО по специальности 40.05.01, не ограничивается базовыми гуманитарными дисциплинами (иностранный язык, философия, педагогика и психология). Дополнительными ресурсами для развития компетенций УК-5 и ОПК-2 выступают дисциплины «Международное право» и «Морально-психологическое обеспечение служебной деятельности», а также их практическая отработка в ходе стажировок.

Кроме этого, к первой модели формирования межкультурной и поликультурной компетентности можно также отнести различные виды внеаудиторной работы, реализуемые в рамках военно-патриотического воспитания и деятельности военных научных кружков. По своим целевым установкам и решаемым задачам эти мероприятия и виды деятельности могут быть приравнены к специализированным курсам по межкультурной коммуникации. Вместе с тем, несмотря на высокий дидактический потенциал, проводимая работа до настоящего времени не получила комплексного анализа и должного научного обоснования.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что формирование межкультурной компетентности военнослужащих в поликультурной среде представляет собой актуальную научно-практическую задачу, отвечающую целям государственной политики по сохранению единства народов России. Перспективными задачами в этой связи выступают: во-первых, разработка комплексной компетентностной модели военнослужащего как субъекта межкультурного взаимодействия;

во-вторых, создание и научное обоснование программы психолого-педагогического сопровождения формирования межкультурной компетентности в рамках военно-патриотической и научно-исследовательской работы курсантов.

Список источников

1. Soeters J. Military Cooperation in Multinational Missions // Handbook of Military Sciences. Springer, 2020. P. 1-15.

2. Согомонян А.С., Пучкин С.И. Структура воинского коллектива вуза и факторы, влияющие на характер межнационального общения в нем // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 1. С. 171-177.

3. Карнышев А.Д. Личность и межкультурная компетентность // Психология в экономике и управлении. 2009. № 2. С. 99-106.

4. Хухлаев О.Е., Чибисова М.Ю. Теоретические и практические вопросы межкультурной коммуникации: современные тенденции // Психологическая наука и образование. 2010. № 5. С. 172.

5. Клочко Е.В. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 172 с.

6. Bennett M.J. A developmental approach to training intercultural sensitivity. In J. Martin (Guest Ed.), Special Issue on Intercultural Training // International J. of Intercultural Relations. 1986. Vol. 10, No. 2. P. 179-186.

7. Abreu José M., Chung Ruth H. Gim, Atkinson Donald R. Multicultural Counseling Training: Past, Present, and Future Directions // The Counseling Psychologist. 2000. P. 641-656.

References

1. Soeters J. Military Cooperation in Multinational Missions // Handbook of Military Sciences. Springer, 2020. P. 1-15.

2. Soghomonyan A.S., Puchkin S.I. The Structure of a Military Educational Institution’s Collective and Factors Influencing the Nature of Interethnic Communication within it // Social and Humanitarian Knowledge. 2017. No. 1. P. 171-177.

3. Karnyshev A.D. Personality and Intercultural Competence // Psychology in Economics and Management. 2009. No. 2. P. 99-106.

4. Khukhlaev O.E., Chibisova M.Yu. Theoretical and Practical Issues of Intercultural Communication: Current Trends // Psychological Science and Education. 2010. No. 5. P. 172.

5. Klochko E.V. Self-Organization in Psychological Systems: Problems of the Formation of the Mental Space of the Individual. Tomsk: TSU Publishing House, 2005. 172 p.

6. Bennett M.J. A developmental approach to training intercultural sensitivity. In J. Martin (Guest Ed.), Special Issue on Intercultural Training // International J. of Intercultural Relations. 1986. Vol. 10, No. 2. P. 179-186.

7. Abreu José M., Chung Ruth H. Gim, Atkinson Donald R. Multicultural Counseling Training: Past, Present, and Future Directions // The Counseling Psychologist. 2000. P. 641-656.

Информация об авторах

Помуран Наталья Николаевна, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Лухманова Марина Анатольевна, Новосибирский государственный технический университет (630073, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20)/

Information about the authors

Natalia N. Pomuran, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Marina A. Lukhmanova, Novosibirsk State technical University, Novosibirsk, Russia (630073, Novosibirsk, K. Marksa Avenue, 20).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 159.9
EDN: https://elibrary.ru/DLZKYL

РОЛЕВАЯ ГИБКОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ СТРЕССУ У БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ РОСГВАРДИИ

Третьяков Виталий Владимирович[1]
Пилипчук Александр Тарасович[2]
[1, 2] Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
[1]tvv2025@mail.ru, [2]bakser.9995@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен ролевой гибкости как ключевой психологический ресурс совладания с профессиональным стрессом в деятельности будущих офицеров Росгвардии. Обосновывается актуальность проблемы в связи с высокой психоэмоциональной нагрузкой и полифункциональностью служебных задач. Представлены результаты эмпирического исследования, подтверждающие отрицательную связь между уровнем ролевой гибкости и показателями профессионального стресса, а также положительную связь с психологическим благополучием. Делается вывод о необходимости целенаправленного развития ролевой гибкости в процессе профессиональной подготовки курсантов.

Ключевые слова: ролевая гибкость, профессиональный стресс, психологические ресурсы, совладающее поведение, офицеры Росгвардии, курсанты, психологическое благополучие.

Для цитирования: Третьяков В.В., Пилипчук А.Т. Ролевая гибкость как психологический ресурс противодействия профессиональному стрессу у будущих офицеров Росгвардии // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 1 (10). С. 25-29.

ROLE FLEXIBILITY AS A PSYCHOLOGICAL RESOURCE FOR COUNTERING PROFESSIONAL STRESS IN FUTURE OFFICERS OF THE RUSSIAN GUARD

Vitaly V. Tretyakov[1], **Alexander. T. Pilipchuk**[2]
[1, 2] Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
[1]tvv2025@mail.ru, [2]bakser.9995@gmail.com

Abstract. The article examines the phenomenon of role flexibility as a key psychological resource for coping with professional stress in the activities of future officers of the National Guard. The relevance of the problem is justified due to the high psychoemotional stress and the multifunctional nature of their duties. The article presents the results of an empirical study that confirms a negative relationship between the level of role flexibility and indicators of professional stress, as well as a positive relationship with psychological well-being. The article concludes that it is necessary to develop role flexibility in a targeted manner during the professional training of cadets.

©Третьяков В.В., 2026.

Keywords: role flexibility, professional stress, psychological resources, coping behavior, Rosgvardia officers, cadets, and psychological well-being.

For citation: Tretyakov V.V. Role flexibility as a psychological resource for countering professional stress in future officers of the Russian guard // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 1 (10). P. 25-29.

Введение

Служебная деятельность офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардии) характеризуется повышенной ответственностью, необходимостью действовать в нестандартных и часто экстремальных ситуациях, высоким уровнем неопределенности и постоянным взаимодействием с различными социальными группами [1, с. 45]. Эти факторы обуславливают высокий риск развития хронического профессионального стресса, который может привести к эмоциональному выгоранию, снижению эффективности служебной деятельности и деформациям личности [2, с. 112].

В этой связи особую актуальность приобретает поиск и развитие внутренних психологических ресурсов, позволяющих будущим офицерам успешно противостоять стрессогенным факторам профессии. Одним из таких ресурсов, наиболее адекватных полифункциональному характеру деятельности сотрудника Росгвардии, является ролевая гибкость.

Цель исследования: теоретически обосновать и эмпирически проверить значение ролевой гибкости как психологического ресурса противодействия профессиональному стрессу у курсантов военных институтов Росгвардии.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические подходы к пониманию ролевой гибкости и профессионального стресса в деятельности офицера.

2. Выявить уровень ролевой гибкости, профессионального стресса и психологического благополучия у курсантов.

3. Установить взаимосвязь между ролевой гибкостью, профессиональным стрессом и психологическим благополучием.

Профессиональный стресс в силовых структурах понимается как многокомпонентное состояние психической напряженности, возникающее в ответ на сложную, угрожающую или экстремальную служебную ситуацию, а также в условиях хронических психоэмоциональных перегрузок [3, с. 78]. Для будущих офицеров Росгвардии ключевыми стресс-факторами являются:

- факторы оперативно-служебной деятельности: риск для жизни и здоровья, принятие решений в условиях дефицита времени, морально-психологические перегрузки;

- социально-ролевые факторы: необходимость совмещения различных профессиональных ролей (командир, подчиненный, переговорщик, представитель власти), высокая ответственность за принимаемые решения;

- организационные факторы: жесткая регламентация деятельности, особенности воинского коллектива, высокие требования к дисциплине и исполнению.

Совладание с этими стресс-факторами требует от личности не столько ригидного следования инструкциям, сколько способности к быстрой адаптации и переключению между различными моделями поведения, что напрямую связано с понятием ролевой гибкости.

В современной психологии ролевая гибкость рассматривается как интегративная личностная характеристика, выражающаяся в способности индивида к быстрому и адекватному ситуации переключению между различными социальными ролями, изменению ролевого поведения в соответствии с изменяющимися условиями, а также в способности совмещать несколько ролей без значительного внутреннего конфликта [4, с. 23; 5, с. 91].

Структурно ролевая гибкость включает следующие компоненты:

1. Когнитивный: способность к быстрому анализу социальной ситуации и идентификации актуальных ролевых требований.

2. Эмоциональный: способность управлять эмоциональными проявлениями в соответствии с исполняемой ролью (эмоциональная регуляция).

3. Поведенческий: репертуар ролевых моделей поведения и легкость их актуализации.

4. Рефлексивный: осознание себя в различных ролях и способность к конструктивному разрешению ролевых конфликтов.

Для будущего офицера Росгвардии развитая ролевая гибкость позволяет эффективно переключаться с роли жесткого командира на роль эмпатичного наставника для подчиненных, с роли исполнителя – на роль самостоятельного руководителя операции, с роли представителя силовой структуры – на роль участника диалога с гражданским населением. Это снижает внутреннее напряжение, связанное с ролевыми конфликтами, и повышает адаптивность, что, в свою очередь, является мощным буфером против профессионального стресса [6, с. 56].

В исследовании приняли участие 90 курсантов 3-4 курсов Новосибирского военного института войск национальной гвардии РФ (возраст 19-21 года).

В ходе проведения данного исследования были использованы и применены следующие методики:

1. Опросник «Ролевая гибкость» (А.Г. Грецов). Методика диагностирует общий уровень ролевой гибкости и ее компоненты (легкость переключения, ролевая ориентация, ролевая интеграция).

2. Методика «Профессиональный стресс» (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов). Оценивает уровень стрессогенности различных аспектов профессиональной деятельности.

3. Шкала психологического благополучия (К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко). Измеряет уровень самоактуализации и личностного функционирования.

4. Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы SPSS 23.0. Применялись методы описательной статистики, корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона).

Результаты диагностики показали, что у 42 % курсантов (38 чел.) наблюдается средний уровень ролевой гибкости, у 35 % (32 чел.) – уровень ниже среднего, и лишь у 23 % (20 чел.) – высокий уровень. Это свидетельствует о необходимости целенаправленной работы по развитию данного качества в образовательном процессе.

Уровень профессионального стресса оказался повышенным у 48 % респондентов (43 чел.), что соответствует высокой стрессогенности этапа профессионального становления.

Для проверки гипотезы о связи ролевой гибкости с профессиональным стрессом и психологическим благополучием был проведен корреляционный анализ. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 –Корреляционные связи между ролевой гибкостью, профессиональным стрессом и психологическим благополучием (n=90)

Показатель	Профессиональный стресс	Психологическое благополучие
Общая ролевая гибкость	-0,68**	0,72**
Легкость ролевого переключения	-0,59**	0,61**
Ролевая ориентация	-0,51**	0,55**
Ролевая интеграция	-0,48**	0,58**

Примечание: ** – корреляция значима на уровне $p \leq 0,01$

Как видно из таблицы, выявлены статистически значимые корреляционные связи. Отрицательная связь средней силы между показателями ролевой гибкости и профессионального стресса означает, что чем выше способность курсанта к гибкому ролевому поведению, тем ниже уровень его стрессированности. Положительная связь средней силы с психологическим благополучием свидетельствует о том, что ролевая гибкость способствует более высокому уровню личностной самореализации и удовлетворенности.

Полученные данные полностью подтверждают выдвинутую гипотезу. Ролевая гибкость выступает значимым психологическим ресурсом, позволяющим будущим офицерам более эффективно справляться с профессиональными трудностями. Способность адаптировать свое поведение к меняющимся служебным ситуациям снижает внутреннее напряжение и риск ролевых конфликтов, что является прямым фактором профилактики профессионального стресса.

Заключение

Теоретический анализ и результаты эмпирического исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Ролевая гибкость является системным личностным ресурсом, структурно и функционально соответствующим полифункциональному характеру деятельности офицера Росгвардии.

2. У значительной части курсантов уровень развития ролевой гибкости является недостаточным, что актуализирует задачу ее целенаправленного формирования.

3. Установлена статистически значимая отрицательная связь между уровнем ролевой гибкости и выраженностью профессионального стресса, а также положительная связь с психологическим благополучием. Это подтверждает, что ролевая гибкость является действенным психологическим ресурсом противодействия профессиональному стрессу.

Список источников

1. Барабанщикова В.В., Капустина А.Н. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников силовых структур. М.: Юрайт, 2019. 234 с.

2. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Мн.: Изд-во БГУ, 2020. 176 с.

3. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Академический Проект, 2018. 443 с.

4. Грецов А.Г. Ролевая гибкость как фактор социально-психологической адаптации личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2017. № 2. С. 22–30.

5. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д: Феникс, 2018. 544 с.

6. Bond F.W., Hayes S.C. The ACT Matrix: A New Approach to Building Psychological Flexibility Across Settings and Populations // The Psychology of Flexibility. New York: Context Press, 2021. P. 45-62.

7. Frese M., Zapf D. Action as the core of work psychology: A German approach // Handbook of industrial and organizational psychology. – Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 2019. Vol. 4. P. 271-340.

8. Kahn W.A., Koss L.J. Psychological conditions of personal engagement and disengagement at work // Academy of Management Journal. 2020. Vol. 33, No. 4. P. 692-724.

References

1. Barabanshchikova V.V., Kapustina A.N. Psychological Support for the Professional Activities of Employees in Law Enforcement Agencies. M.: Yurayt, 2019. 234 p.

2. Dyachenko M.I., Kandybovich L.A. Psychological Problems of Readiness for Activity. Mn.: BSU Publishing House, 2020. 176 p.

3. Kitaev-Smik L.A. Psychology of Stress. M.: Academic Project, 2018. 443 p.

4. Gretsov A.G. Role flexibility as a factor of personality's socio-psychological adaptation // Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy. 2017. No. 2. P. 22-30.

5. Shibutani T. Social Psychology. Rostov on-D: Phoenix, 2018. 544 p.

6. Bond F.W., Hayes S.C. The ACT Matrix: A New Approach to Building Psychological Flexibility Across Settings and Populations // The Psychology of Flexibility. New York: Context Press, 2021. P. 45-62.

7. Frese M., Zapf D. Action as the core of work psychology: A German approach // Handbook of industrial and organizational psychology. – Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 2019. Vol. 4. P. 271-340.

8. Kahn W.A., Koss L.J. Psychological conditions of personal engagement and disengagement at work // Academy of Management Journal. 2020. Vol. 33, No. 4. P. 692-724.

Информация об авторах

Третьяков Виталий Владимирович, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Пилипчук Александр Тарасович, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Vitaly V. Tretyakov, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Alexander. T. Pilipchuk, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 811.11
EDN: https://elibrary.ru/FGQFBK

ВОЕННЫЕ АББРЕВИАТУРЫ, ЗАИМСТВОВАННЫЕ В НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Власова Елена Ивановна
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
eliv12.05@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена влиянию английского языка на немецкую военную терминологию. Предметом исследования являются военные англоязычные аббревиатуры в немецком языке. В качестве объекта научного исследования выступают немецкие военные публицистические тексты. На основании проведенного анализа делается вывод о том, что лексический фонд военного подъязыка бундесвера испытывает на себе влияние английского языка в результате членства Германии в НАТО. При этом английские аббревиатуры в немецком языке сохраняют графический и фонетический вид, а также отсутствие семантической ассимиляции.

Ключевые слова: военная терминология, немецкий язык, английский язык, заимствования, англицизмы, бундесвер, аббревиация, сокращения, военный термин, сложносокращенное слово, смешанная аббревиатура, буквенная аббревиатура, звуковая аббревиатура.

Для цитирования: Власова Е.И. Военные аббревиатуры, заимствованные в немецкий язык из английского языка // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 1 (10). С. 30-35.

PHILOLOGICAL SCIENCES

MILITARY ABBREVIATIONS BORROWED INTO GERMAN FROM ENGLISH

Elena I. Vlasova
Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
eliv12.05@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the influence of the English language on German military terminology. The subject of the study is military English-language abbreviations in German. German military journalistic texts serve as the object of scientific research. Based on the analysis, it is concluded that the lexical fund of the military sublanguage of the Bundeswehr is influenced by English as a result of Germany's membership in NATO. At the same time, English abbreviations in German They retain their graphic and phonetic appearance, as well as the absence of semantic assimilation.

Keywords: military terminology, german, english, borrowings, anglicisms, bundeswehr, abbreviation, abbreviations, military term, alphabetic abbreviatura, sound abbreviatura, initial abbreviatura.

©Власова Е.И., 2026.

For citation: Vlasova E.I. Military abbreviations borrowed into german from english // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 1 (10). P. 30-35.

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что исследование военных аббревиатур, заимствованных из английского языка в немецкий, отражает взаимосвязь языковых процессов с военными и политическими изменениями, техническим прогрессом и потребностями профессионального общения.

Процессы заимствования англоязычной военной терминологии немецким языком всесторонне анализируются в современных лингвистических исследованиях А.А. Пискаревой [1] и С.В. Соколова [2] и А.А. Котляровой [3], но отсутствует комплексный анализ употребления военных англоязычных аббревиатур в немецком языке.

Согласно определению, предложенному О.С. Ахмановой, аббревиатура – это слово, образованное сложением начальных букв слов или начальных звуков [4, с. 24].

12 ноября 1955 года был создан бундесвер. Всего за полгода до этого, 6 мая 1955 года, Германия присоединилась к Организации Североатлантического договора. В 2025 году бундесвер отмечал 70-летие своего создания и вступление Германии в НАТО. С тех пор в немецкий язык из английского языка заимствовано большое количество военной лексики, в том числе аббревиатур.

Англоязычные аббревиатуры используются для обозначения названий ведомств, организаций, отделов, групп, миссий ООН и НАТО, проведения совместных учений и маневров, систем, техники, должностей [5, с. 43]:

1. Названия ведомств, организаций, отделов, групп:

OMLT – Operational Mentoring and Liaison Team (группы военнослужащих, которые работали с подразделениями Афганской национальной армии в рамках международных миссий). Например:

(1) *Zudem stellten die NATO und die Bundeswehr Ausbildungs – und Schutzbataillone auf, um das Partnering mit den afghanischen Sicherheitskräften zu fördern. Neben den Bataillonen wurden die Streitkräfte Afghanistans in OMLT für Gefechte ausgebildet* (НАТО и Бундесвер также создали учебные и защитные батальоны для содействия партнерству с афганскими силами безопасности. Помимо батальонов, вооруженные силы Афганистана прошли подготовку к боевым действиям в OMLT) [6].

2. Названия систем:

AWACS – Airborne Early Warning and Control System (авиационный комплекс радиообнаружения и наведения, электронная система разведки и управления). Например:

(2) *Ob Flüge der AWACS-Maschinen aus Geilenkirchen, Betankungsmissionen oder natürlich auch Übungs- und Einsatzflüge der einzelnen Nationen – alles lief im Gefechtstand des JFAC Headquarters des Zentrums Luftoperationen zusammen* (Будь то полеты самолетов системы раннего предупреждения и управления воздушного базирования из Гейленкирхена, дозаправка или, конечно, учебные и оперативные полеты отдельных стран – все это происходило на боевой позиции штаб-квартиры Центра воздушных операций) [7].

3. Названия техники:

JASSM ER – Joint Air-to-Surface Standoff Missile, Extended Range (самолет вертикального (укороченного) взлета и посадки). Например:

(3) *Für die Bewaffnung des Tarnkappenjets F-35 bekommt die Luftwaffe auch den Marschflugkörper JASSM ER, der durch das moderne Kampfflugzeug eingesetzt werden kann* (Для вооружения истребителя-невидимки F-35 ВВС также получат крылатую ракету JASSM ER, которая может быть использована современными истребителями) [8].

4. Med Off – Medical Officer (военный врач). Например:

(4) *Neben dem Diving Med Off gehören auch eine erfahrene Zahnärztin sowie eine zahnmedizinische Fachangestellte und Prophylaxe-Assistentin zum deutschen Team* (Помимо военного врача по дайвингу, в состав немецкой команды входят опытный стоматолог, а также специалист по стоматологии и ассистент по профилактике) [9].

5. Названия миссий НАТО и ООН:

NMI – NATO Mission Iraq (Учебная миссия НАТО в Ираке). Например:

(5) *Hierzu entwickelte die NMI zusammen mit dem irakischen Verteidigungsministerium das Instructor Development Programme* (Миссия Североатлантического договора НАТО в Ираке совместно с Министерством обороны Ирака разработали Программу подготовки инструкторов) [10].

Военные аббревиатуры, заимствованные из английского языка, используются во всех видах войск бундесвера: в сухопутных войсках (Heer), ВВС (Luftwaffe), ВМС (Marine) и войсках защиты кибер- и информационного пространства (Cyber- und Informationsraum). Что касается сухопутных войск и военно-морских сил, то англоязычные аббревиатуры встречаются в основном в текстах, связанных с членством Германии в НАТО, например, касающихся информации о НАТО-миссиях:

KFOR – Kosovo Force (международные силы под руководством НАТО, отвечающие за обеспечение стабильности в Косове):

(6) *Zudem sind rund 200 Soldatinnen und Soldaten des Heeres im Auslandseinsatz im Kosovo als Teil der KFOR und weitere 60 Heeressoldaten im Irak zur Bekämpfung der Terrormiliz Islamischer Staat eingesetzt* (Кроме того, около 200 военнослужащих армии развернуты за границей в Косово и еще 60 военнослужащих армии в Ираке для борьбы с террористической группировкой «Исламское государство») [11].

COE CSW – Centre of Excellence for Operations in Confined and Shallow Waters (Центр передового опыта по операциям на замкнутых водоёмах и мелководье в рамках НАТО):

(7) *Das COE CSW ist unter ihnen das Kompetenzzentrum für maritime Einsätze von Streitkräften in Randmeeren und Küstengewässern* (COE CSW является центром передового опыта в области морских операций вооруженных сил в пограничных морях и прибрежных водах) [12].

Что касается ВВС, то в немецкой авиационной профессиональной коммуникации встречается большое количество англоязычных заимствований:

JTAC – Joint Terminal Attack Controller (обозначение квалифицированного военнослужащего, который с передовой позиции руководит действиями боевых самолётов, участвующих в непосредственной авиационной поддержке и других наступательных воздушных операциях):

(8) *Für die jungen Offiziere, die JTACJoint Terminal Attack Controller, sei die größte Schwierigkeit, das Gefecht am Boden in allen Dimensionen zu denken* (Для молодых офицеров, руководящих действиями боевых самолётов, самая большая трудность заключалась в том, чтобы представить себе сражение на земле во всех измерениях) [13].

В связи с тем, что в сфере информационных технологий функционирует большое количество англицизмов, то в текстах, посвященных войскам защиты кибер- и информационного пространства, которые отвечают за защиту военных компьютерных систем и сетей и проводят операции по обеспечению кибербезопасности, встречается много англоязычных аббревиатур:

BMS – Battle Management System (система управления боем):

(9) *Ein BMS ist eine integrierte Softwarelösung, die militärische Kommandostrukturen bei der taktischen und strategischen Planung, Durchführung und Überwachung von Operationen unterstützt* (Система управления боем – это интегрированное программное решение, которое помогает военным командным структурам в тактическом и стратегическом планировании, проведении и мониторинге операций) [14].

Заключение

При заимствовании англоязычные аббревиатуры, как правило, используются в немецких военных текстах без изменений, они сохраняют английскую орфографию и произношение. Большинство аббревиатур представляют из себя буквенные (состоят из названий начальных букв каждого слова словосочетания) и звуковые (состоят из начальных звуков каждого слова словосочетания), а также неполные аббревиатуры, сочетающие целое слово и аббревиатуру.

Таким образом, англоязычные военные аббревиатуры вошли в немецкую военную термосистему и стали неотъемлемой частью профессионального общения бундесвера. Их использование отражает интеграцию Германии в международные военные структуры и влияние английского языка как языка международного военного общения.

Список источников

1. Пискарева А.А. Влияние англоязычной военной лексики на язык бундесвера как следствие глобализации // Пространство и Время. 2013. № 4 (14). [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-angloyazychnoy-voennoy-leksiki-na-yazyk-bun desvera-kak-sledstvie-globalizatsii (дата обращения: 20.03.2026).

2. Соколов С.В. Развитие и современное состояние немецкоязычной военной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 18 с. [Электронный ресурс]. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01006695110.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

3. Котлярова А.А. Англоязычные аббревиатуры в текстах немецкой военной публицистики // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 7. С. 111-115.

4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во Советская Энциклопедия, 1966. С. 24.

5. Власова Е.И. Влияние английского языка на немецкую военную терминологию // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 2 (7). С. 40-48.

6. Die ISAFInternational Security Assistance Force: Ein internationaler Beitrag für Afghanistan // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: https:// www.bundeswehr.de/de/meldungen/2010-afghanistan-bundeswehr/isaf-internationaler-beitrag-af ghanistan (дата обращения: 23.03.2026).

7. Ein Jahr VJTFVery High Readiness Joint Task Force – Die NATONorth Atlantic Treaty Organization Response Force ist wichtiger denn je // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/aktuelles/ein-jahr-vjtf-die-nato-response-force-ist-wichtiger-denn-je-5731980 (дата обращения: 23.03.2026).

8. Deep Precision Strike: Abschreckung durch Reichweite und Präzision // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundeswehr.de/de/meldungen/deep-precision-strike-6063114 (дата обращения: 23.03.2026).

9. Pacific Partnership 2025: Multinationale Katastrophenvorsorge im Indo-Pazifik // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/ marine/aktuelles/bundeswehr-multinationale-katastrophenvorsorge-indopazifik-5982966 (дата обращения: 23.03.2026).

10. Vertragsunterzeichnung: Mittlere Kräfte erhalten 123 Radpanzer // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundeswehr.de/de/meldungen/ vertragsunterzeichnung-mittlere-kraefte-erhalten-123-radpanzer-5762908 (дата обращения: 23.03.2026).

11. Wo ist das Deutsche Heer aktuell im Ausland im Einsatz? // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer (дата обращения: 23.03.2026).

12. Centre of Excellence for Operations in Confined and Shallow Waters // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/struktur/coe-csw (дата обращения: 23.03.2026).

13. JTAC – Auge am Feind und in der Luft // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/aktuelles/jtac-auge-am-feind-und-in-der-luft-5068354 (дата обращения: 23.03.2026).

14. So geht vernetzte Gefechtsführung im modernen Militär // Website der Bundeswehr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/cyber-und-informationsraum/aktuelles/gefechtsfuehrung-der-zukunft-das-battle-management-system (дата обращения: 23.03.2026).

References

1. Piskareva A.A. The influence of English-language military vocabulary on the language of the Bundeswehr as a consequence of globalization // Space and Time. 2013. No. 4 (14). [Electronics resours]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-angloyazychnoy-voennoy-leksiki-na-yazyk-bundesvera-kak-sledstvie-globalizatsii (date of access: 31.03.2025).

2. Sokolov S.V. The development and current state of German-language military vocabulary: abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. M., 2013. 18 p. [Electronics resours]. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01006695110.pdf (date of access: 31.03.2025).

3. Kotlyarova A.A. English-language abbreviations in the texts of German military journalism // Successes of the Humanities. 2021. No. 7. P. 111-115.

4. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskih terminov. M.: Izd-vo Sovetskaya Enciklopediya, 1966. P. 24.

5. Vlasova E.I. The influence of the English language on German military terminology // Siberian Social and Humanitarian Journal. 2025. No. 2 (7). P. 40-48.

6. Die ISAFInternational Security Assistance Force: Ein internationaler Beitrag für Afghanistan // Website der Bundeswehr. [Electronics resours]. URL: https://www.bundeswehr.de/de/meldungen/2010-afghanistan-bundeswehr/isaf-internationaler-beitrag-afghanistan (date of access: 31.03.2025).

7. Ein Jahr VJTFVery High Readiness Joint Task Force – Die NATONorth Atlantic Treaty Organization Response Force ist wichtiger denn je // Website der Bundeswehr. [Electronics resours]. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/aktuelles/ein-jahr-vjtf-die-nato-response-force-ist-wichtiger-denn-je-5731980 (date of access: 31.03.2025).

8. Deep Precision Strike: Abschreckung durch Reichweite und Präzision // Website der Bundeswehr. [Electronics resours]. URL: https://www.bundeswehr.de/de/meldungen/deep-precision-strike-6063114 (date of access: 31.03.2025).

9. Pacific Partnership 2025: Multinationale Katastrophenvorsorge im Indo-Pazifik // Website der Bundeswehr. [Electronics resours]. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/bundeswehr-multinationale-katastrophenvorsorge-indopazifik-5982966 (date of access: 31.03.2025).

10. Vertragsunterzeichnung: Mittlere Kräfte erhalten 123 Radpanzer // Website der Bundeswehr. [Electronics resours]. URL: https://www.bundeswehr.de/de/meldungen/vertrag sunterzeichnung-mittlere-kraefte-erhalten-123-radpanzer-5762908 (date of access: 31.03.2025).

11. Wo ist das Deutsche Heer aktuell im Ausland im Einsatz? // Website der Bundeswehr. [Electronics resours]. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer (date of access: 31.03.2025).

12. Centre of Excellence for Operations in Confined and Shallow Waters // Website der Bundeswehr. [Electronics resours]. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/struktur/coe-csw (date of access: 31.03.2025).

13. JTAC – Auge am Feind und in der Luft // Website der Bundeswehr. [Electronics resours]. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/aktuelles/jtac-auge-am-feind-und-in-der-luft-5068354 (date of access: 31.03.2025).

14. So geht vernetzte Gefechtsführung im modernen Militär // Website der Bundeswehr. [Electronics resours]. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/cyber-und-informationsraum/aktuelles/gefechtsfuehrung-der-zukunft-das-battle-management-system (date of access: 31.03.2025).

Информация об авторе

Власова Елена Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Elena I. Vlasova, candidate of philological sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Научная статья
УДК 81’26
EDN: https://elibrary.ru/HFXIWS

КОНЦЕПТ «ОБРАЗОВАНИЕ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Долгенко Александр Николаевич[1]
Косырева Марина Сергеевна[2]
[1]Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия
[2]Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
[1]adolgenko@mail.ru, [2]markosyreva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентации в русской языковой картине мира концепта «образование». Процесс кодирования и выражения объективной реальности, субъективного опыта или абстрактных понятий посредством языковых знаков отражает специфические способы познания действительности, лучше всего может быть представлен на материале устойчивых выражений. Именно в устойчивых выражениях, непосредственно описывающих образовательный процесс, наиболее чётко прослеживается уникальное понимание сущности образования русским народом. Репрезентация концепта «образование» в русской фразеологии изучается авторами в трех основных аспектах: временном (темпоральном), аксиологическом и социальном.

Ключевые слова: русский язык, языковая картина мира, фразеология, концепт «образование».

Для цитирования: Долгенко А.Н., Косырева М.С. Концепт «образование» в русской языковой картине мира // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 1 (10). С. 36-41.

THE CONCEPT OF "EDUCATION" IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Aleksandr N. Dolgenko[1], **Marina S. Kosyreva**[2]
[1]Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia
[2]Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
[1]adolgenko@mail.ru, [2]markosyreva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the representation of the concept of "education" in the Russian linguistic worldview. The process of encoding and expressing objective reality, subjective experience, or abstract concepts through linguistic signs reflects specific ways of cognizing reality and can best be represented by the material of stable expressions. It is in stable expressions that directly describe the educational process that the unique understanding of the essence of education by the Russian people is most clearly traced. The representation of the concept of "education" in Russian phraseology is studied by the authors in three main aspects: temporal (temporal), axiological and social.

©Долгенко А.Н., Косырева М.С., 2026.

Keywords: russian language, linguistic worldview, phraseology, and the concept of "education".

For citation: Dolgenko A.N., Kosyreva M.S. The Concept of "Education" in the Russian Language Picture of the World // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 1 (10). P. 36-41.

Введение

Анализ концептов, формирующих языковую картину мира того или иного языка, относится к числу перманентно актуальных задач науки о языке. Фактически он представляет собой исследование способов их языковой репрезентации в данной лингвистической системе. Языковая репрезентация как процесс кодирования и выражения объективной реальности, субъективного опыта или абстрактных понятий посредством языковых знаков, служит мостом между мышлением и языком, способным отражать специфические для данной культуры способы познания действительности. В данной статье рассматривается репрезентация в русской языковой картине мира концепта «образование».

Разные научные школы предлагают различные трактовки явления языковой репрезентации. При когнитивно-лингвистическом подходе интерпретация языковой репрезентации сосредоточена на взаимосвязи языка и мышления. Так, например, Ю.С. Степанов определяет языковую репрезентацию как «способ, которым язык кодирует концепты, превращая ментальные сущности в знаки и структуры, доступные для коммуникации» [5, с. 45]. Развивая эту мысль, Е.С. Кубрякова акцентирует когнитивный аспект: «Репрезентация в языке – это не просто обозначение, а когнитивная категоризация, при которой языковые единицы становятся инструментами концептуализации мира» [4, с. 112].

При семиотико-культурологическом подходе акцент делается на способности языка служить носителем культурных ценностей. Н.Д. Арутюнова отмечает: «Языковая репрезентация – это система знаков, отражающих не только денотативные значения, но и культурные коннотации, оценку и идеологическую нагруженность» [1, с. 78]. Это положение получило детализацию в работах В.Н. Телии, которая конкретизирует механизм культурного кодирования: «Фразеологизмы и устойчивые выражения – важнейшие способы репрезентации культурных концептов, поскольку они фиксируют коллективный опыт и ценностные установки» [8, с. 54].

При социолингвистическом и дискурсивном подходах внимание акцентируется на вариативных характеристиках типов дискурса. Рассматривая проблему языковой репрезентации через призму социолингвистического и дискурсивного подходов, Ю.Н. Караулов раскрывает дискурсивную пластичность языкового кодирования: «Репрезентация в языке зависит от социального контекста: один и тот же концепт может кодироваться по-разному в научном, политическом или бытовом дискурсе» [3, с. 93]. С.Г. Воркачёв разрабатывает аналитическую оптику для системного изучения этого феномена: «Лингвоконцептологический анализ репрезентации предполагает изучение не только словарных дефиниций, но и ассоциативных полей, метафор и прагматики употребления» [2, с. 67]. В соответствии с теоретическими положениями, разработанными С.Г. Воркачёвым, процесс языковой репрезентации концептов подлежит многоуровневому анализу, включающему следующие взаимосвязанные плоскости исследования:

1) лексико-семантический пласт – анализ ядерных и периферийных номинаций концепта;

2) деривационно-морфологический пласт – исследование словообразовательных парадигм и морфологических характеристик;

3) фразеолого-символический пласт – изучение устойчивых сочетаний и культурных символов;

4) грамматико-синтаксический пласт – рассмотрение грамматических категорий и синтагматических моделей;

5) дискурсивно-прагматический пласт – анализ функционирования концепта в различных типах дискурса;

6) когнитивно-метафорический пласт – выявление базовых концептуальных метафор и когнитивных моделей.

На основе представленной шестиуровневой модели С.Г. Воркачёва и осуществляется анализ языковых способов репрезентации концепта «образование», который занимает центральное место в русской языковой картине мира, выполняя когнитивную, аксиологическую и социокультурную функции. Содержание концепта «образование» раскрывается на материале русской фразеологии, занимающей уникальное положение в системе языка, выступая своеобразным мостом между лингвистикой и культурой. В данной работе представлены результаты системного анализа семантической структуры, культурных коннотаций и современной трансформации концепта «образование» на материале более 50 фразеологических единиц современного русского языка.

Наши наблюдения показывают, что в устойчивых выражениях, непосредственно описывающих образовательный процесс, чётко прослеживается уникальное понимание сущности образования русским народом. Обратимся к подчёркивающей идею непрерывного обучения фразе «*Век живи – век учись*», которая образует смысловую пару с противопоставлением «*Ученье – свет, а неученье – тьма*». Характерно, что подобные выражения часто используют контрастные структуры, как в примере «*Учиться – всё равно что грести против течения*», где образ течения подчёркивает необходимость постоянных усилий в обучении.

При более детальном анализе обнаруживается характерная амбивалентность восприятия ценности знаний. Это особенно заметно при сопоставлении «*Знание – венец на голове*» и «*Без наук – как без рук*». Аналогичную систему ценностей демонстрирует «*Учение – лучшее богатство*», ставящее знания выше материальных благ, что находит продолжение в метафоре «*Книги – корабли мысли*».

На уровне метафорических выражений русский язык создаёт оригинальные модели познания через природные образы. Выражение «*Без муки нет науки*» в сочетании с «*Повторение – мать учения*» образуют диаду, подчёркивающую как трудности обучения, так и важность закрепления знаний. Особый философский смысл несёт фраза «*Ученье – путь к умению*», представляющая образовательный процесс как пространственное перемещение.

Метафоры растительного мира занимают особое место. «*Корень учения горек, да плод его сладок*» вместе с «*Знания, как молодые побеги, требуют ухода*» создают целостную модель, акцентирующую этапность познания, что отражено и в пословице «*Сперва аз да буки, потом и науки*».

Водная символика также играет значительную роль. Фраза «*Ум – как ручей*» в сочетании с «*Знание – как родник: чем больше черпаешь, тем больше становится*» подчёркивают динамичность и возобновляемость знаний, создавая контраст с западноевропейскими статичными метафорами.

Ценностные ориентации в русских образовательных пословицах отличаются национальным своеобразием. «*Терпение и труд всё перетрут*» вместе с «*Без труда не выловишь и рыбку из пруда*» формируют этику трудолюбия, используя бытовые образы для конкретизации абстрактных понятий.

Особого внимания заслуживает оригинальное понимание мудрости. «*Умный в гору не пойдёт*» в паре с «*Умный не тот, кто много знает, а тот, кто знает нужное*» создают прагматичную концепцию интеллекта, развиваемую в афоризме «*Знание – сила, но умение – власть*».

Социальный аспект образования также находит отражение. «*Учёному везде дорога*» и «*Грамоте учиться – вперед пригодится*» показывают роль образования как социаль-

ного лифта, что подтверждается утилитарным «*Кто грамотен, тот не пропадет*».

Таким образом, русская фразеология создаёт целостную концептуальную систему: от «*Век живи – век учись*» до «*Знание – венец на голове*», от «*Ум – как ручей*» до «*Терпение и труд всё перетрут*». Эти выражения формируют уникальную образовательную парадигму, синтезирующую традиционные духовные ценности с прагматическими, что составляет особую философию образования.

Для понимания культурных основ российского взгляда на образование, нашедшего отражение в русской языковой картине мира, необходимо прежде всего обратиться к его религиозным истокам. Русское понимание образования глубоко укоренено в православной духовной традиции, что проявляется в уникальном сочетании сакрального и мирского в фразеологизмах. Возьмем, к примеру, пословицу «*На Бога надейся, а сам не плошай*», которая прекрасно иллюстрирует диалектическое единство «веры и действия», соединяя религиозное благочестие с практическими усилиями. Такой дуалистический способ мышления отражает глубокую связь между духовными исканиями и повседневной жизнью в русской культуре.

При более детальном рассмотрении можно заметить, что подобные фразеологизмы часто сочетают церковную лексику с бытовой, создавая особый языковой стиль. Ярким примером служит выражение «*Молитва с верой – половина учения*», где соседствуют слова «молитва» и «учение». Это языковое явление не только демонстрирует проникновение религии в сферу образования, но и указывает на особое восприятие обучения как формы духовного совершенствования. Другая группа выражений, отражающих духовное воспитание, – «*Божий дар – разум*» и «*С верой и учение легче*» – выстраивает симбиотические отношения между «верой и разумом». Истоки данного явления мы обнаруживаем в особом православном понимании «премудрости», которое отличается как от западного рационализма, так и от восточного мистицизма, представляя собой уникальный русский путь.

Переходя от религиозных традиций к современной истории, мы можем проследить, как русские фразеологизмы из сферы образования отражали социальные преобразования. Образовательная революция XX века оставила яркий след в языке, следы которого до сих пор влияют на российский образовательный дискурс. Характерным примером служит переосмысленный вариант высказывания Бэкона «*Знание – сила*», который в советский период приобрел новое коллективистское звучание, став лозунгом всеобщего образования.

Эта трансформация образовательных концепций не была изолированным явлением. Системную связь можно проследить с ленинским призывом «*Учиться, учиться и ещё раз учиться*», который возвел обучение в ранг политической задачи государственного строительства, отразив базовую идею образования как инструмента служения обществу. Такой переход от сугубо личного совершенствования к инструменту социального строительства нашел четкое отражение в языке. Особый интерес в данном отношении представляет пара «*Готов учиться – готов трудиться*» и «*В труде – честь, в учёбе – свет*». Эти выражения создают ценностное уравнение «учение-труд», отражающее принцип единства теории и практики в советской педагогике. Крайнее проявление этой идеологии можно наблюдать в производственном лозунге «*Пятилетку – в четыре года*», который напрямую увязывал образовательные достижения с экономическими показателями, демонстрируя высокую степень инструментализации образования.

В современном обществе русские фразеологизмы, репрезентирующие концепт «образование», переживают новые изменения и развитие. Современный русский язык отражает диалог различных образовательных концепций, раскрывающий ценностные

конфликты и синтез в период социальной трансформации. С одной стороны, пословица «*Старое учение – новому не помеха*» выражает уважение к традициям, с другой – «*Новое время – новые знания*» подчеркивает необходимость соответствия современности. Это противоречие составляет основу напряженности в современном российском образовательном дискурсе.

Однако эта напряженность не является непреодолимой. В таких выражениях, как «*Традиции – фундамент, инновации – крылья*», мы видим, как творчески разрешается противоречие между традицией и современностью, выстраивается диалектика преемственности и развития. Эта мудрость нахождения баланса имеет важное значение для понимания современных реформ образования в России.

Вызовы цифровой эпохи породили новые выражения, такие как «*Цифровой век – цифровое учение*», непосредственно реагирующее на технологические изменения, или «*Без прошлого нет будущего, но без нового нет прогресса*», пытающееся уравновесить историческую преемственность и инновационные потребности. Эти новые фразеологизмы активно формируют современную систему образовательных представлений, отражая глубокие трансформации педагогических идеалов в информационную эпоху.

Заключение

Подводя итог, отметим, что в процессе языковой репрезентации концепта «образование» русские фразеологизмы демонстрируют уникальную структуру: во временном измерении они соединяют традиции и современность; в аксиологическом – объединяют духовное и материальное; в социальном – уравновешивают личное и коллективное. Этот многомерный баланс представляет собой не просто языковое явление, но воплощение квинтэссенции русской интерпретации образования, предоставляя важные социокультурные ориентиры для понимания феномена образования и его развития в России.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 913 с.
2. Воркачёв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 112 с.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2019. 208 с.
6. Пименова М.В. Языковая картина мира. М.: ФЛИНТА, 2014. 108 с.
7. Степанов Ю.С. Констакты: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
8. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
9. McCrae R. et al. The inaccuracy of national character stereotypes // Journal of Research in Personality. 2013. № 47/6. P. 831-842.
10. McWhorter J.H. The Language Hoax: Why the World Looks the Same in Any Language. New York: Oxford Univ. Pr., USA, 2014. 208 p.

References

1. Arutyunova N.D. Language and the World of Man. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. 913 p.
2. Vorkachev S.G. Linguoculturology, Language Personality, Concept: Formation of an Anthropocentric Paradigm in Linguistics // Philological Sciences. 2001. No. 1. P. 64-72.
3. Karaulov Yu.N. Russian Language and Linguistic Personality. M.: Nauka, 1987. 261 p.

4. Kubryakova E.S. Language and Knowledge. M.: Languages of Slavic Culture, 2004. 112 p.
5. Maslova, V.A. Linguoculturology. M.: Akademiya, 2019. 208 p.
6. Pimenova, M.V. Language Picture of the World. M.: FLINTA, 2014. 108 p.
7. Stepanov Yu.S. Kontakty: Slovar' Russkoy Kul'tury: Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Akademicheskiy Proekt, 2001. 990 p.
8. Teliya V.N. Russkaya Frazeologiya: Semanticheskiy Pragmaticheskiy i Lingvokulturologicheskiy Aspekty. M.: Shkola "Yazyki Russkoy Kul'tury", 1996. 288 p.
9. McCrae R. et al. The inaccuracy of national character stereotypes // Journal of Research in Personality. 2013. No. 47/6. P. 831-842.
10. McWhorter J.H. The Language Hoax: Why the World Looks the Same in Any Language. New York: Oxford Univ. Pr., USA, 2014. 208 p.

Информация об авторах

Долгенко Александр Николаевич, доктор филологических наук, доцент, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева (125080, Москва, ул. Врубеля, 12).

Косырева Марина Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Aleksandr N. Dolgenko, doctor of philological sciences, docent, Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (125080, Moscow, Vrubel st., 12).

Marina S. Kosyreva, doctor of philological sciences, docent, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81’36
EDN: https://elibrary.ru/HJRJUW

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ТЕКСТАХ НАУЧНОГО СТИЛЯ

Донскова Юлия Викторовна[1]
Косырева Марина Сергеевна[2]
[1]Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Россия
[2]Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
[1]donskova_yu_v@staff.sechenov.ru, [2]markosyreva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу грамматической динамики устойчивых выражений при реализации потенциала фразеологизмов в текстах научного стиля. Динамические устойчивые фразы играют важную роль в академическом языке, гарантируя строгость и логическую стройность формулировок. В академической речи они подчиняются строгим нормам, обеспечивающим строгость и беспристрастность суждений. К числу наиболее характерных особенностей грамматической динамика авторы относят разнообразные варианты субстантивации. Трансформация устойчивых выражений в существительные влияет на стилистические особенности академического языка. Она устраняет субъективность и снижает экспрессивность высказываний, что соответствует требованиям академического письма.

Ключевые слова: фразеология, грамматика, научный стиль, активные лексико-стилистические процессы.

Для цитирования: Донскова Ю.В., Косырева М.С. Грамматическая динамика фразеологизмов в текстах научного стиля // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 1 (10). С. 42-47.

GRAMMATICAL DYNAMICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN SCIENTIFIC TEXTS

Julia V. Donskova[1]**, Marina S. Kosyreva**[2]
[1]I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
[2]Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
[1]donskova_yu_v@staff.sechenov.ru, [2]markosyreva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the grammatical dynamics of stable expressions in the implementation of the potential of phraseological units in scientific texts. Dynamic stable phrases play an important role in academic language, ensuring the strictness and logical coherence of formulations. In academic speech, they are subject to strict norms that ensure the rigor and impartiality of judgments. One of the most distinctive features of grammatical dynamics is the variety of substantivization options. The transformation of stable expressions into

©Донскова Ю.В., Косырева М.С., 2026.

nouns affects the stylistic features of academic language. It eliminates subjectivity and reduces the expressiveness of statements, which meets the requirements of academic writing.

Keywords: phraseology, grammar, scientific style, and active lexical and stylistic processes.

For citation: Donskova Yu.V., Kosyreva M.S. Grammatical dynamics of phraseological units in scientific texts // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 1 (10). P. 42-47.

Введение

Академический дискурс требует строгого соответствия языковых конструкций установленным нормам, в том числе в отношении устойчивых выражений, формируя их синтаксическую специфику и «определяя специфику их употребления в профессиональном дискурсе» [6, с. 301]. В академическом изложении необходимы определенность, нейтральность и структурная стройность, что влияет на структуру устойчивых выражений, подстраивая их под стандарты академического дискурса. При этом они сохраняют ключевые особенности, присущие общеязыковому употреблению. По мнению Л.В. Щербы, «в академическом языке преобладают глагольные, а также наречные устойчивые выражения, что выражено потребностью передачи смысловых взаимосвязей и процессуальности» [11, с. 427]. При этом грамматический облик устойчивых выражений в научном стиле отличается определенной динамикой. Ее специфика и является предметом анализа в данной работе.

Динамические словосочетания чаще встречаются в презентных структурах, неактивного залога и безличных конструкций, что объясняется стремлением к объективному изложению процедур, феноменов и закономерностей. Конструкции, выраженные от первого и второго лица, в практике встречаются достаточно редко, главным образом в сносках или при формулировании коллективных заключений, к примеру, «*мы полагаем*» или «*мы приходим к заключению*». Однако подобные конструкции ограничены рамками академической среды, где акцент на личные действия автора минимизирован.

Наречные устойчивые выражения имеют существенное значение в структуре академического труда, гарантируя целостность и строгость логических переходов. Среди наиболее распространённых конструкций встречаются: «*по причине*», «*под руководством*», «*на основании*», «*в рамках этой концепции*». Они помогают передавать логические взаимосвязи, модальность и уточнять степень обоснованности академических сведений. Благодаря таким устойчивым выражениям текст приобретает логическую стройность, а аргументация становится более убедительной.

Яркой характеристикой синтаксического функционирования устойчивых выражений в академическом языке становится их преобразование в именные конструкции. Динамические словесные конструкции нередко трансформируются в номинативные формы, например: «*преодоление сложностей*», «*придание официального статуса*», «*анализ проблематики*». Данное явление обусловлено особенностями академического дискурса, характеризующегося высокой степенью отвлеченности.

Частотность синтаксических моделей устойчивых выражений в академическом языке определяется жесткими нормами определенности и формализации. Как отмечают В.П. Жуков и А.В. Жуков, употребление таких конструкций регулируется нормами объективности, а также особенностями академического стиля, в котором приоритет отдается объективности представления материала [3, с. 408].

В академических трудах преобладают динамические устойчивые выражения, преимущественно представленные презентными формами и несовершенного залога. Их использование способствует акцентуации процедур и феноменов, передаваемых в нейтральном ключе. Следует отметить, что конструкции, выраженные от первого и второго лица, встречаются в исключительных

случаях. Они характерны для специфических ситуаций, например, в сносках либо в контексте обобщения. Однако их распространенность остается низкой, поскольку научное изложение ориентировано на объективные синтаксические модели, отражающие закономерности исследуемых явлений.

В соответствии с выводами А.М. Мелеровича и В.М. Мокиенко, в научных работах распространено образование деепричастных и атрибутивных структур, что подчеркивает их результативность или сопутствующий характер действий [7, с. 484]. Например: «*преодоление критической ситуации*», «*уточнение сведений*», «*придание официального статуса*». Подобные конструкции обеспечивают связанность изложения, повышая его когерентность и соответствие стандартам академического дискурса.

Динамические устойчивые фразы играют важную роль в академическом языке, гарантируя строгость и логическую стройность формулировок. Как подчеркивает Л.М. Ибатулина, их употребление определяется логикой академического обоснования и требованиями к формулировке предположений, заключений и подтверждений [5, с. 516-518].

В сравнении с иными языковыми разновидностями, в которых динамические устойчивые фразы и выражения обладают большей вариативностью, в академической среде они подчиняются строгим нормам, обеспечивающим строгость и беспристрастность формулировок. Ключевой особенностью данных конструкций является их регулярное использование в презентных структурах, несовершенного залога и безличных конструкциях. Такая тенденция объясняется требованием фиксировать процедуры и феномены в обобщенном и логически выстроенном виде. К примеру, словесные конструкции «*преодолевать установленные границы*», «*следовать методологической линии*», «*обнаруживать оптимальное решение*» применяются для фиксации хода мыслей, логики рассуждений и этапов экспериментальных исследований. Подобная структура способствует восприятию академического труда как непрерывного, логически организованного и обоснованного процесса.

Динамические устойчивые фразы и выражения в академических работах выражаются через деепричастные и атрибутивные структуры. По мнению В.Г. Гака, подобная трансформация позволяет придать изложению большую номинативность, структурную организованность и лаконичность [1, с. 264]. Так, конструкции «*переступая границы принятого подхода*», «*придавая официальный статус*», «*уточняя сведения*» иллюстрируют трансформацию динамических конструкций в номинативные структуры, что способствует более строгому и формализованному изложению материала.

Устойчивые выражения номинативного типа играют выраженную роль в академических работах, обеспечивая структурированность, а также строгость формулировок. Их применение обусловлено необходимостью точного обозначения феноменов и процедур, что отражает принципы академического взаимодействия. Одним из основополагающих свойств таких устойчивых конструкций является их регулярное представление в именной форме, нередко в сочетании с деепричастными или причастными конструкциями. К примеру, словесные конструкции «*придание официального статуса*», «*преодоление критической ситуации*», «*уточнение сведений*» позволяют выражать комплексные идеи, что в обиходном языке передается развернутыми синтаксическими структурами. В соответствии с выводами В.А. Звегинцева, подобная номинативность способствует лаконичности академического представления материала, минимизируя избыточность выражения [4, с. 320].

Еще одной значимой чертой устойчивых выражений с номинативами является их функция обобщающих терминов, что делает их неотъемлемой частью академического языка. К примеру, конструкции «*главная цель исследовательской работы*» или «*основной результат*» демонстрируют

способность существительных выступать в роли концептуальных единиц, организующих структуру материала и придающих ему формальный характер. Подобные выражения позволяют не только систематизировать материал, но и создавать четкие логические взаимосвязи между обособленными частями исследования.

Особенность устойчивых выражений с номинативами заключается также в их склонности к трансформации в номинативные конструкции. Это свойственно академическим работам, направленным на точность терминологии и беспристрастность изложения. Устойчивые выражения такого типа способствуют устранению субъективности, снижению экспрессивного оттенка и созданию беспристрастного, фактического изложения. Как отмечает Л.В. Щерба, такие конструкции способствуют стандартизации академического дискурса, исключая элементы экспрессии, свойственные другим функциональным стилям [11, с. 427].

Наречные устойчивые выражения в академическом языке играют заметную роль, гарантируя строгость, логическую организацию элементов текста и модификацию смысловых оттенков. Как отмечает В.Г. Дудкина, их частое применение обусловлено потребностью в обозначении временных, пространственных, причинных и модальных отношений, что способствует организации академических работ [2, с. 3-5].

Одним из отличительных признаков наречных устойчивых выражений в академических работах является высокая частотность использования выражений из двух частей. К примеру, фразы «по причине», «*под руководством*», «*на основе*» встречаются регулярно, поскольку позволяют сжато передать взаимосвязи между явлениями, что соответствует строгому стилю представления материала. Такие конструкции способствуют организованной и последовательной передаче сведений, формируя ясную логику академического изложения.

Помимо двухкомпонентных структур, в исследовательском контексте присутствуют устойчивые выражения из трех и более элементов. К примеру, фразы «*раз и навсегда*», «*по требованию*», «*на текущий момент*» нередко применяются для акцентирования однозначности и неизменности исследовательских заключений. В конструкциях «*раз и навсегда*» «*зафиксирован факт*» устойчивое выражение не только усиливает категоричность утверждения, но и придает дополнительную степень убедительности исследовательским данным.

Существенное положение занимают наречные устойчивые выражения, выражающие модальные характеристики, такие как уверенность в правоте, возможность или уровень важности данных. Например, конструкции «в сущности», «на самом деле», «не вызывает вопросов» выполняют роль доказательства исследовательских выводов, а также вводят уточняющие элементы, позволяя усилить аргументативную базу исследования. Как подчеркивает Л.А. Рахматуллина, подобные конструкции обеспечивают логическую связность и последовательность изложения, что крайне важно в научном письме [8, с. 56-59].

Синтаксическая особенность устойчивых выражений проявляется в их взаимодействии с прочими элементами фразы, включая существительные и глаголы, включая пассивные структуры. Их использование часто связано непосредственно с детализацией модальных характеристик и уточнением событийных факторов. К примеру, в сочетании «*по причине обстоятельств*» устойчивое выражение вводит причинное пояснение, создавая окружение, отображающее закономерности научных процессов. Это подтверждает значимость устойчивых выражений в качестве средства формулирования и систематизации исследовательского контекста.

Устойчивые выражения, первоначально работающие в роли глагольных фраз, принимают вид существительных, предоставляя возможность обозначать явления, состояния или действия в обобщенном виде. Та-

кие преобразования дают возможность сконцентрироваться на самом феномене, исключая обозначение субъекта, выполняющего действие, что делает написание более сжатым и формализованным. Преобразованные в существительные устойчивые выражения сохраняют изначальный смысл, при этом включаются в более сложные фразы. Например, фразы «*выход из затруднительной ситуации*» либо «*выход за пределы*» в исследовательских текстах указывают не на выполнение действий, а на состояние или итог действий. Это способствует более точному и обобщенному представлению, а также дает возможность изобразить трудность и возможные пути ее решения в конструктивном ключе.

Заключение

Трансформация устойчивых выражений в существительные также влияет на стилистические особенности академического языка. Такой процесс устраняет субъективность и снижает экспрессивность высказываний, что соответствует требованиям академического письма. В соответствии с наблюдениями О.А. Стычевой, субстантивация имеет доминантное значение в создании беспристрастного и логично структурированного академического текста, в котором конструкции становятся универсальными и точными [9, с. 149-151].

Таким образом, глагольные выражения нередко подвергаются грамматическим преобразованиям, включая субстантивизацию и превращение в деепричастные или причастные конструкции. Это расширяет возможности их употребления и способствует соблюдению норм академической манеры изложения.

Список источников

1. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. М.: Междунар. отношения, 1977. 264 с.

2. Дудкина В.Г. Фразеология (идиоматика) как компонент дефиниционного словаря // Наука и современность. 2010. № 3-2. С. 2-5.

3. Жуков В.П. Русская фразеология: учебное пособие / В.П. Жуков, А.В. Жуков. Изд. 2-е, испр.. и доп. М.: Высш. шк., 2006. 408 с.

4. Звегинцев В.А. Семасиология. М.: Издательство Московского университета, 1957. 320 с.

5. Ибатулина Л.М. Использование фразеологических единиц в дискурсивном анализе научного текста // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 516-518.

6. Кожина М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

7. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. 484 с.

8. Рахматуллина Л.А. Фразеологизм как основная единица фразеологии // Цифровая наука. 2020. №11. С. 58-59.

9. Стычева О.А. Научный стиль речи: вопросы дидактического обеспечения // МНКО. 2012. №3. С. 150-151.

10. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учебное пособие для студентов филологических факультетов. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: URSS, 2010. 265 с.

11. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.

12. Simpson R., Ellis N. An Academic Formulas List: New Methods in Phraseology Research. Applied Linguistics, vol. 31, Issue 4, 2010, P. 487-512.

References

1. Gak V.G. Comparative lexicology. Based on the material of French and Russian languages. Moscow: Mezhdunarod. relations, 1977. 264 p.
2. Dudkina V.G. Phraseology (idiomatics) as a component of a definitional dictionary // Science and modernity. 2010. No. 3-2. P. 2-5.
3. Zhukov, V.P. Russian Phraseology: Textbook / V.P. Zhukov, A.V. Zhukov. 2nd ed., revised. and expanded. M.: Vysshaya Shkola, 2006. 408 p.
4. Zvegintsev, V.A. Semasiology. M.: Moscow University Press, 1957. 320 p.
5. Ibatulina L.M. The Use of Phraseological Units in the Discourse Analysis of Scientific Text // World of Science, Culture, and Education. 2017. No. 6 (67). P. 516-518.
6. Kozhina M.N. Stylistics of the Russian Language / M.N. Kozhina, L.R. Duskaeva, and V.A. Salimovskiy. 4th ed. M.: Flinta: Nauka, 2008. 464 p.
7. Melerovich A.M., Mokienko V.M. Semantic structure of phraseological units of the modern Russian language. Kostroma: KSU named after N.A. Nekrasov, 2008. 484 p.
8. Rakhmatullina L.A. Phraseological unit as the basic unit of phraseology // Digital science. 2020. No. 11. P. 58-59.
9. Sticheva O.A. Scientific Style of Speech: Issues of Didactic Support // MNKO. 2012. No. 3. P. 150-151.
10. Shansky N.M. Phraseology of the Modern Russian Language: A Textbook for Students of Philology Faculties. 5th edition, revised and expanded. M.: URSS, 2010. 265 p.
11. Shcherba L.V. Language System and Speech Activity. Leningrad: Nauka, 1974. 427 p.
12. Simpson R., Ellis N. An Academic Formulas List: New Methods in Phraseology Research. Applied Linguistics, vol. 31, Issue 4, 2010, P. 487-512.

Информация об авторах

Донскова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (119048, Москва, ул. Трубецкая, 8, стр. 2).

Косырева Марина Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Julia V. Donskova, candidate of philological sciences, docent, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (119048, Moscow, Trubetskaya st., 8, building 2).

Marina S. Kosyreva, doctor of philological sciences, docent, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81'22(07)
EDN: https://elibrary.ru/HKQNVS

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭМОЦИОНАЛИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Калиущенко Владимир Дмитриевич[1]
Морозова Майя Андреевна[2]
[1]Донецкий государственный университет, Донецкая Народная Республика, Донецк, Россия
[2]Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
[1]v.kaliushenko@donnu.ru, [2]maja.a.morozzova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению языковых средств эмоционализации (эмотивов) для формирования общественного мнения в современном медиадискурсе ФРГ. На материале онлайн-версий авторитетных немецких изданий *Stern*, *Bild* и *Spiegel* анализируются эмотивы, используемые при репрезентации российского вооружения и освещений боевых действий на территории Украины. В исследовании выявляются доминирующие стратегии эмоционального воздействия, включая использование пейоративной лексики, военной метафорики, эвфемизмов и оценочных эпитетов. Особое внимание уделяется сравнительному анализу дискурсивных практик качественной (*Spiegel*, *Stern*) и бульварной (таблоид *Bild*) прессы, что позволяет определить специфику эмоционализации в зависимости от типа медиа. Авторы приходит к выводу, что целенаправленный отбор эмотивов способствует конструированию негативного образа российской военной техники и формированию заданных моделей восприятия конфликта у массовой аудитории.

Ключевые слова: медиалингвистика, медиадискурс, эмоционализация, эмотивы, немецкие СМИ, Stern, Bild, Spiegel, речевое воздействие, конфликт в Украине, оценочная лексика.

Для цитирования: Калиущенко В.Д., Морозова М.А. Языковые средства в медийном дискурсе как инструмент эмоционализации в формировании общественного мнения // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 1 (10). С. 48-58.

LANGUAGE TOOLS IN MEDIA DISCOURSE AS A TOOL FOR EMOTIONALIZATION IN SHAPING PUBLIC OPINION

Vladimir D. Kaliuščenko[1], **Maya A. Morozova**[2]
[1]Donetsk State University, Donetsk People's Republic, Donetsk, Russia
[2]Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard troops of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
[1]v.kaliushenko@donnu.ru, [2]maja.a.morozzova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of linguistic means of emotionalization (emotives) for the formation of public opinion in the modern media discourse of the Federal Republic of Germany. Based on the online versions of authoritative German publications *Stern*, *Bild*, and *Spiegel*, the article analyzes the emotives used in the representation of Russian weapons and the coverage of military operations in Ukraine. The study identifies the dominant strategies of

©Калиущенко В.Д., Морозова М.А., 2026.

emotional influence, including the use of pejorative vocabulary, military metaphors, euphemisms, and evaluative epithets. Special attention is paid to the comparative analysis of the discursive practices of the quality press (*Spiegel*, *Stern*) and the tabloid press (*Bild*), which allows us to determine the specifics of emotionalization depending on the type of media. The authors conclude that the purposeful selection of emotives contributes to the construction of a negative image of Russian military equipment and the formation of predetermined models of perception of the conflict among the mass audience.

Keywords: medialinguistics, media discourse, emotionalization, emotives, German media, Stern, Bild, Spiegel, speech influence, conflict in Ukraine, evaluative vocabulary.

For citation: Kaliuščenko V.D., Morozova M.A. Language tools in media discourse as a tool for emotionalization in shaping public opinion // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 1 (10). P. 48-58.

Введение

Актуальность исследования языковых средств эмоционализации в медиа сегодня обусловлена такими ключевыми факторами, как борьба за внимание целевой аудитории и формирование определенного отношения к тем или иным событиям. Очевидно, что в условиях изобилия информации медиа вынуждены бороться за внимание аудитории. Эмоционально заряженная лексика, метафоры и яркие эпитеты при этом становятся основным способом привлечь и удержать пользователя, побуждая его к прочтению. Что касается второго фактора, в контексте поляризации общества и манипуляции, эмоциональные триггеры, такие как гнев, страх или чувство солидарности, являются наиболее эффективным способом формирования нужного отношения к событиям и фактам. Таким образом, язык выходит за рамки простого информирования и начинает активно влиять на общественные настроения и геополитическую ситуацию. Язык, точнее лингвистическое господство в цифровом пространстве, может влиять на геополитическую ситуацию, и даже помогает добиться решающей победы на геополитическом поле. Особую роль в этом играет использование языковых средств выражения эмотивности (выражение эмоций) в медийном дискурсе как эффективного средства влияния на общественное мнение. Изучение данного вопроса в настоящее время находится в фокусе внимания многих исследователей (Я.А. Волкова, Н.Н. Панченко [1], О.С. Дейнека [4], Л.А. Пиотровская [11] и др.), что свидетельствует о его недостаточной изученности, в частности, в таких аспектах, как особенности проявления эмотивности в текстах медийного дискурса на различных уровнях языка, влияние социальной ситуации неопределенности, напряженности и страха на эмоционализацию медиадискурса, специфика влияния эмотивности на формирование мнения о событии, освещаемом в публикации, и пр.

Материалы и методы

Результаты изучения репрезентации эмотивности в медиадискурсе отражены в работах А.Г. Голодова [2-3], В.Д. Калиущенко [6], О.В. Куликовой [8], Т.В. Лариной [7], С.Н. Орловой, А.А. Конькова [10], Е.Е. Рудь [12], Н.П. Сюткиной [13], А.К. Фефиловой [14] и других исследователей. Эмпирическая база исследования составила 120 текстов публикаций немецкоязычных онлайн-изданий *Spiegel, Bild* и *Stern*. Общий объем отобранного проанализированного материала (эмотивов) – более 80 лексических единиц (ЛЕ).

Результаты исследования

На данном этапе исследования детально изучены языковые средства выражения эмотивности при освещении конфликта на Украине и описании российского вооружения на уровне лексики. Источниками анализа послужили немецкоязычные онлайн-издания *Spiegel, Bild* и *Stern*, которые характеризуются ориентированностью на разные категории целевой аудитории. Издание

Spiegel позиционирует себя как информационно-политический журнал Германии и Европы и ориентирован на более серьезную и вдумчивую аудиторию, стремящуюся к глубокому и содержательному анализу, в то время как *Bild* направлен на широкую массовую аудиторию, отдающую предпочтение упрощенной подаче информации и развлекательному контенту. Журнал *Stern* является общественно-политическим изданием, ориентированным на широкий круг читателей в возрасте от 30 до 55 лет, претендует на серьезность подачи информации в формате политических репортажей, журналистских расследований и развлекательных материалов.

Журнал *Spiegel* претендует на аналитику, но, при этом, часто использует эмоционально окрашенную лексику. *Bild* относится к категории бульварных изданий, иллюстрированная газета-таблоид, является ярким представителем немецкоязычной желтой прессы. Лексика обоих изданий характеризуется высокой степенью эмотивности и экспрессивности при описании войны в Украине и российского вооружения. Издание *Stern* освещает новости, связанные с Россией, через призму гуманитарного нарратива и критики авторитаризма. Это издание стремится вызвать эмоциональный отклик, часто изображая Россию как противника, угрожающего Европе и нарушающего права человека. Анализ источников [4, 5, 9] показывает, что немецкие читатели критикуют данные издания за демонизацию России, а также упрекают в том, что его материалы, посвященные политике Кремля, зачастую носят характер пропагандистской кампании.

Медиатексты выражают эмоции через многоуровневые языковые средства. Выбор языковых единиц в СМИ продиктован как реальностью, так и целью усиления эмоционального воздействия. Эмотивность проявляется на лексическом, морфологическом, синтаксическом и графическом уровнях. В рамках настоящего исследования были проанализированны языковые средства выражения эмотивности, используемые в публикациях известных немецкоязычных онлайн-изданий на уровне лексики. Так, на данном уровне в медийном дискурсе используются различные лексические приемы для выражения эмоциональной окраски:

1. *Лексические единицы с эмоциональной окраской, представленные эмотивами-ассоциативами, эмотивами-экспрессивами и эмотивами-коннотативами*. Эмотивы-ассоциативы не выражают эмоции напрямую, а лишь намекают на них, вызывая определенные ассоциации у читателя. Данные языковые средства являются нейтральными словами, но в определенном контексте они способны вызывать у читателя устойчивую эмоцию (страх, угрозу, уважение и пр.) за счет культурного или исторического подтекста. Примерами могут служить слова из немецких медиа, посвященных описанию мощи российского оружия, и которые ассоциируются с силой, разрушением или хаосом «*Tornado*» *(торнадо)*, «*Hurrikan*» *(ураган)*, «*Zyklon*» *(циклон)*.

Такое богатое разнообразие эмотивов-ассоциативов и способов их образования свидетельствует о том, что тема ядерного оружия и вооружения в целом является очень чувствительной для немецкой прессы. Например, при описании вооружения, несущего атомную/ ядерную угрозу, будут использоваться очень сильные эмотивы, ассоциируемые с концом света и неконтролируемой стихией: «*Apokalypse-System*», «*Weltuntergangs-Waffe*», «*Weltuntergangsmaschine*» *(система Апокалипсиса, оружие Судного дня, машина Судного дня)*. В примере ниже ассоциатив «*Weltuntergangsmaschine*» не только выносится в название публикации, но и четыре раза встречается в тексте статьи. В данном случае повторение одной и той же лексической единицы – не тавтологическая ошибка, а осознанное и намеренное действие, нацеленное на усиление смысла и эмоционального воздействия на читателя, акцентирование внимания на мысли, передаваемой автором.

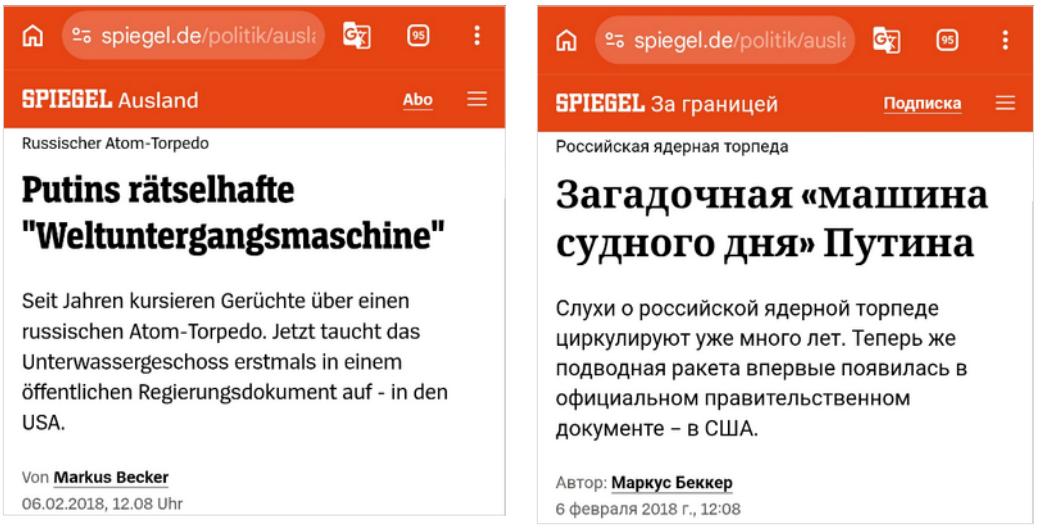

Рисунок 1 – Использование эмотива-ассоциатива в названии и тексте публикации. Ресурс: немецкоязычное онлайн-издание *Spiegel* (www.spiegel.de)
URL: https://www.spiegel.de/politik/ausland/usa-nukleardoktrin-bestaetigt-atom-torpedo-russlands

Это выражения для описания крылатой ракеты «Буревестник», имеющей ядерную установку, или ядерной торпеды «*Посейдон*». Данная характеристика российского вооружения вызывает ассоциацию с библейским сценарием. Еще одним примером может служить слово «*Todesmaschine*» *(машина смерти)*. Этот ассоциатив используется в немецкой прессе для описания тяжелых огнеметных систем *ТОС-1А* «*Солнцепек*». При этом, подчеркивается не просто их уничтожающая сила, а механизированный, бездушный процесс убийства. Истребитель *Су-57* или бомбардировщик *Ту-160* в немецких медиа зачастую называют «*Monster am Himmel*» *(монстр в небе)*, что вызывает у читателей иррациональный страх перед огромным хищником. С целью создания ассоциации с примитивизмом, грубой силой и варварством немецкая пресса часто противопоставляет «высокотехнологичное» оружие НАТО «грубому» российскому, используя ассоциации с первобытной силой: «*Rambo-Panzer*» или «*Terminator*» – так обозначают российскую боевую машину поддержки танков (БМПТ) «*Терминатор*». Та же цель преследуется при описании ракетного комплекса «*Сармат*» – «*Raketen-Gigant*» *(ракетный гигант)*. При использовании данного эмотива делается акцент на размере данного вида вооружения, что вызывает ощущение страха и подавляющей мощи, с которой бессмысленно бороться. На рисунке 2 приведен пример использования эмотива-ассоциатива «*Terminator-Panzer*», описывающего боевую машину как машину-убийцу, а слово «*berüchtig*» *(печально известный)* является прямым эмотивом, отражающим состояние (рисунок 2).

Таким образом, главная функция эмотивов заключается в создании у целевой аудитории ощущения, что российское вооружение является не просто техникой, а чем-то архаично-опасным, живым или потусторонним, что работает на создание общего эмоционального фона угрозы с Востока.

Отметим, что самыми сильными эмотивами-асоциативами для немецкоязычной аудитории являются исторические аллюзии. Один из излюбленных приемов немецких журналистов – проведение параллелей со Второй мировой войной, например: «*Stalins Orgel* или *Putins Stalins Orgel*» (*Сталинский орган*, *Сталинский орган Путина*). Так намеренно создается ассоциация с мрачным музыкальным инструментом, издающим «адскую симфонию», что являлось историческим названием для «*Катюши*». В настоящее время этот ассоциатив нередко используется в публикациях про РСЗО

(«*Торнадо*-С» или «*Смерч*»). Также с целью вызвать у немецкого читателя пугающую ассоциацию с российскими крылатыми ракетами «Калибр», нередко иронично, используется слово «*Vergeltungswaffe*» (*Оружие возмездия*). Данный термин применялся к немецким *Фау-1* и *Фау-2* во время Второй мировой войны в контексте ударов возмездия. Ассоциатив «*Durchbruchswaffe*» *(Оружие прорыва)* относится к военной терминологии вермахта, в публикациях немецких СМИ в настоящее время используется для описания российских средств преодоления противоракетной обороны (гиперзвуковые маневрирующие боевые блоки ракетного комплекса «*Авангард*»), что вызывает у немецкоязычной целевой аудитории подсознательную ассоциацию с блицкригом. Еще одним ярким примером языкового арсенала журналистов, служащего инструментом запугивания немецкого читателя, является слово «*Wunderwaffe*» *(чудо-оружие)*. Данный термин несет тяжелую историческую нагрузку и обозначает секретное оружие Третьего рейха. Отягощенное мрачными отголосками прошлого значение этого слова в современном контексте звучит либо с горькой усмешкой и сарказмом по отношению к старым образцам вооружения, либо с леденящим душу немцев-обывателей предчувствием при упоминании о неуязвимых гиперзвуковых ракетах, которые бросают вызов всем существующим системам обороны и против которых нет защиты.

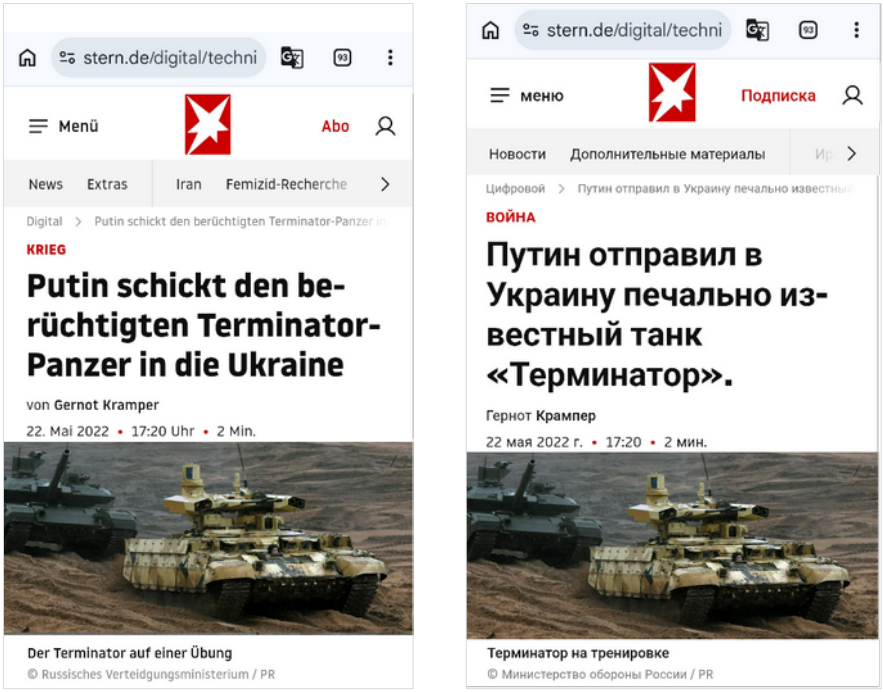

Рисунок 2 – Использование эмотива-ассоциатива в названии и тексте публикации. Ресурс: немецкоязычное онлайн-издание *Stern* (www.stern.de)
URL: https://www.stern.de/digital/technik/putin-schickt-den-beruechtigten-terminator-panzer-in-die-ukraine-31881540.html

Кроме того, журналисты немецких СМИ обыгрывают понятия флоры и фауны как распространенный источник ассоциаций для обозначения российского вооружения: «*tödlicher Raubvogel*» *(смертельная птица-хищник)* (ударный вертолет *Ка-52* «*Аллигатор*», также *Ми-28Н* «*Ночной охотник*». Название «*Аллигатор*» уже содержит звериный образ, но немецкая пресса дополнительно снабжает его усиливающими хищнические коннотации эпитетами. Для описания тактики применения российских подводных лодок или малых ракетных кораблей «*Калибры*» используется ассоциатив «*Wolfsrudel*» *(волчья стая)*. Данное слово вызывает у читателей образ голодной, сла-

женной и очень опасной группы охотников. Присутствие в немецкой прессе лексики из области мистики и фантазийности при описании российского вооружения и конфликта в Украине по всей видимости рассчитано на немецкую молодежь и людей среднего возраста, которым язык фэнтези и хорроров может быть близок через традиции волшебного и мистического в литературе Германии. Например, при описании таких характеристик новейших российских разработок, как гиперзвук и неуловимость, представленных ракетами «*Циркон*» или *X-101*, используется эмотив «*unsichtbare Gefahr*» *(невидимая опасность)*. Данный эмотив строится на страхе перед тем, что невозможно предсказать и увидеть.

Эмотивы-экспрессивы выполняют в текстах новостных публикаций двойную функцию: с одной стороны, они отражают оценку говорящего по отношению к какому-либо событию, а с другой – передают его собственное эмоциональное состояние.

Так, в публикации онлайн-версии журнала *Bild* (рисунок 3), посвященной российским беспилотникам, обнаруживается несколько эмотивов-экспресивов. Экспрессив в виде прилагательного в превосходной степени «*tödlicher*» *(смертоносный)*, при этом еще и снабженный частицей «*noch*» *(еще)* для дополнительного усиления чувства говорящего при описании события. Второй экспрессив представлен существительным «*Voll-Alarm*», означающим общую тревогу. Данное слово в немецком языке означает состояние максимальной готовности или объявление тревоги самого высокого уровня и используется в крайне опасных ситуациях, когда требуется мобилизация всех имеющихся сил и ресурсов.

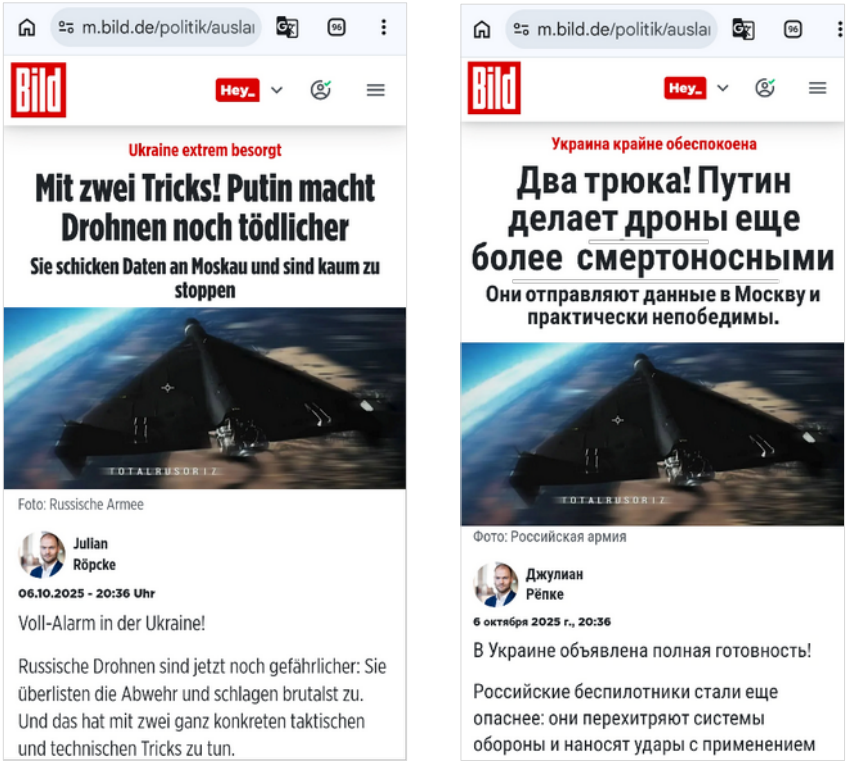

Рисунок 3 – Использование эмотивов-экспрессивов в названии и тексте публикации. Ресурс: немецкоязычное онлайн-издание *Bild* (www.bild.de)
URL: https://m.bild.de/politik/ausland-und-internationales/mit-zwei-tricks-putin-macht-drohnen-noch-toedlicher

У эмотивов-коннотативов эмоциональный оттенок не является их основным значением, а лишь дополняет его. Источниками эмотивов-коннотативов могут служить различные словообразовательные модели, тропы (сравнения и метафоры), наречия с

выраженной эмоционально-оценочной окраской, фразеологические единицы, элементы разговорной речи, а также прилагательные. Данные лексические единицы могут нести в себе определенную эмоциональную нагрузку, связанную с серьезностью или важностью описываемого. Так, в издании *Spiegel* функцию мифологизации и демонизации конфликта в Украине выполняют коннотативы, имеющие эпический и апокалиптический оттенки, например, слово «*Todeskarawane*» *(караван смерти)* используется для описания российских военных колонн. В немецком языке лексическая единица «*Karawane*» имеет экзотический и варварский оттенок. В контексте материала этот коннотатив используется с целью дегуманизации описываемого события. В изданиях *Stern* и *Bild* часто можно встретить слово «*Russe*», а также многочисленные композиты, имеющие в своем составе данный компонент, например, «*Russen-Panzer*» *(русский танк)*. Данное слово в немецком языке в определенном контексте зачастую часто носит уничижительный или упрощающий характер. В случае с использованием слова «*Russen-Panzer*» преследуется цель принизить и придать отрицательный характер описываемому явлению, возможно также для того, чтобы передать раздражение и недовольство автора публикации. В примере ниже (рисунок 4) слово «*Russe*» используется дважды: в названии статьи и в надписи, сопровождающей изображение президента Владимира Путина. При этом, крайняя степень желания выразить уничижительное отношение к нашему президенту достигается путем использования сложного слова «*Russen-Diktator*» *(российский диктатор)*.

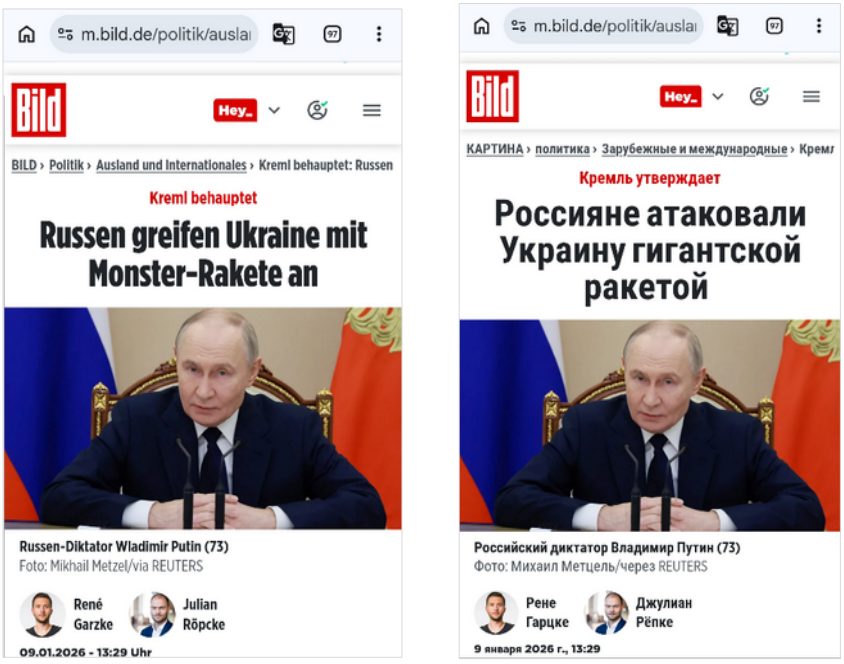

Рисунок 4 – Использование эмотивов-коннотативов в названии публикации и надписи к изображению. Ресурс: немецкоязычное онлайн-издание *Bild* (www.bild.de)
URL: https://m.bild.de/politik/ausland-und-internationales/kreml-behauptet-ukraine-mit-einst-verbotener-rakete-angegriffen

2. *Метафоры*. Метафорическое использование слов в определенном контексте помогает создать у целевой аудитории нужный образ, направляя восприятие информации в нужное русло. Так, в качестве примера может быть приведено выражение «*Kanonenfutter*» *(пушечное мясо)* (рисунок 5), которое служит горькой метафорой для обозначения солдат, чьи жизни обречены на бессмысленное истребление.

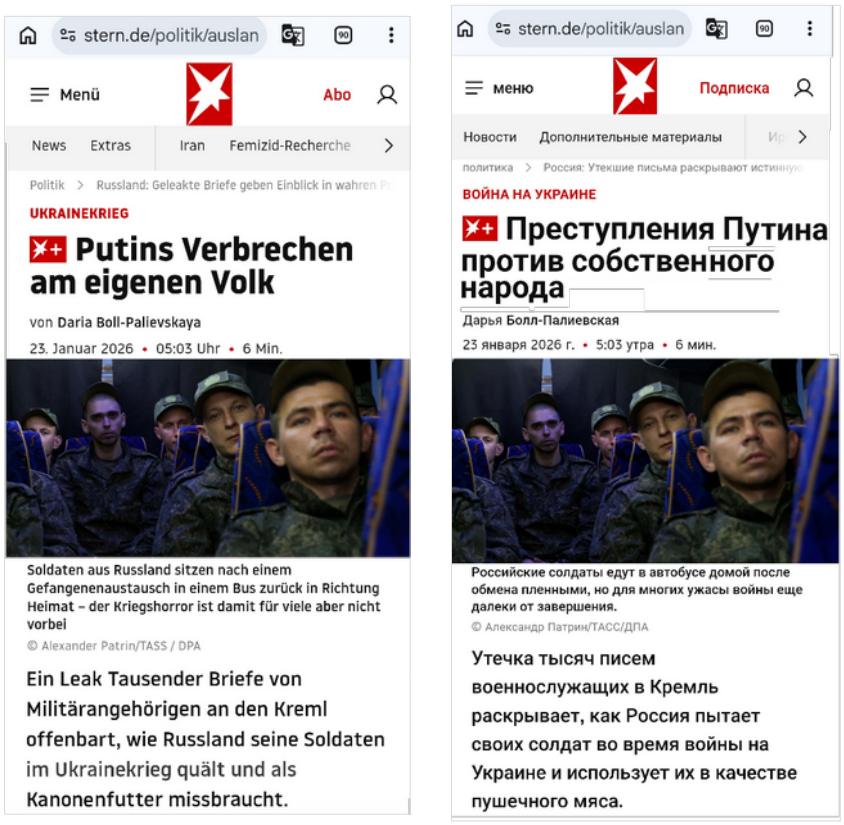

Рисунок 5 – Метафорическое использование слов Ресурс: немецкоязычное онлайн-издание *Stern* (www.stern.de)
URL: https://www.stern.de/politik/ausland/ukraine-krieg/

Это выражение ярко иллюстрирует цинизм и бесчеловечность, с которыми порой относятся к рядовым бойцам на фронте, рассматривая их лишь как инструмент для достижения целей.

Заключение

Таким образом, результаты анализа эмотивов, используемых в ведущих немецких изданиях *Spiegel* (интеллектуальный еженедельник), *Stern* (иллюстрированный журнал) и *Bild* (массовая таблоидная газета), используемых для описания российского вооружения и конфликта на Украине, показывают четкую дифференциацию в зависимости от целевой аудитории и идеологической линии редакции. Тем не менее, для всех трех изданий характерна общая тенденция к эмоционализации дискурса, которая усиливается после начала полномасштабных боевых действий. Объединяет издания общая стратегия – дегуманизация и демонизация России. Описание российского вооружения и действий России, вне зависимости от издания, часто проходит через призму иррациональности и угрозы, мифологизации, а также апелляции к архаике (оружие часто описывается не как высокотехнологичное, а как «варварское», «грубое» или «советское наследие», даже если речь идет о новейших разработках).

Дифференциация изданий заключается в следующем:

1. Издание *Spiegel* концентрируется на интеллектуализированной эмоционализации, сохраняя при этом претензию на аналитику, но использует эмотивы для формирования концептуального образа «русской угрозы» и «технологического отставания, компенсируемого жестокостью». В текстах публикаций используются эмотивы, выражающие иронию, сарказм и оттенок уничижения при описании российских военных технологий («*angeblich überlegene Wunderwaffen*» *(якобы превосходное чудо-оружие)*, либо слово помещается в кавычки, чтобы дискредитировать заявленные харак-

теристики. Реализуя позицию с точки зрения техногенной тревоги, *Spiegel* фокусируется на «эскалации» через специфические типы вооружений. Характерной чертой издания является пафос: в редакционных колонках часто используется возвышенно-трагическая лексика при описании последствий применения вооружения.

2. Таблоид *Bild* ориентирован на максимальную эмоционализацию, поэтому использует наиболее агрессивную и упрощенную эмотивную лексику с целью вызвать страх, гнев и чувство непосредственной угрозы у обывателя. Средствами эмоционализации являются *эпитеты* для вооружения («*Todes-Maschinen*» *(машины смерти)* и пр.), *персонификация зла* (описание российских танков как «stählernes Monster» *(стальное чудовище)* и оценочная лексика («*unberechenbar*» (непредсказуемый), с целью смещения фокуса с военно-технической стороны на морально-этическую.

3. Издание *Stern* реализует эмоционализацию через визуальность и нарратив, часто используя эмотивы, направленные на создание драматического нарратива. При этом акцент делается на «бессмысленности разрушений» и «огромной мощи, направленной против беззащитных». В текстах публикаций используются контекстуальные эмотивы (эвфемизмы с негативной окраской для обозначения тактики боевых действий), эпитеты и метафоры из области природных катастроф для описания вооружения и действий России в Украине. Также активно используются глаголы, приписывающие технике волю («*wüten*» *(свирепствовать, буйствовать)*, «*gnadenlos niederwalzen*» *(безжалостно давить/ сминать)* и пр.).

Таким образом, в изданиях эмотивы используются для разных целей: *Stern* – для драматизации гуманитарных катастроф, *Bild* – для прямого внушения страха и вражды, *Spiegel* – для конструирования реальности через интеллектуальную тревогу и критику. Однако все они сходятся в одном: вместо нейтральной военной терминологии они используют оценочные суждения, последовательно маркируя российское вооружение как «варварское», «чрезмерно разрушительное» и «угрожающее миру в Европе».

Резюмируя вышесказанное, отметим, что проанализированные немецкие издания отказываются от объективного военного языка, предпочитая ему драматический и пафосный стиль. Эмотивы служат в данном случае двум целям: они четко делят стороны на хороших (защитников) и плохих (агрессора, его ужасающую технику), а также создают ощущение непосредственной угрозы. Для немецкой аудитории (особенно в издании *Bild*) конфликт в Украине представлен как прямая экзистенциальная опасность для Европы, что объясняет использование такой эмоционально насыщенной лексики.

Список источников

1. Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Деструктивность в политическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. № 4. С. 161-178.

2. Голодов А.Г. Тема Донбасса в зеркале немецкой массовой прессы: монография, Издательство: Рязань; Горловка, 2022. 295 с.

3. Голодов А.Г. Язык информационной войны в немецкой массовой публицистике // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2015. № 1 (46). [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-informatsionnoy-voyny-v-nemetskoy-massovoy-publitsistike (дата обращения: 22.03.2026).

4. Дейнека О.С. Образ и медиаобраз России в сознании немецких граждан на фоне усиления радикальных установок // Психологическая газета. [Электронный ресурс]. URL: https://psy.su/feed/9844/ (дата обращения: 20.03.2026).

5. Демонизация России немецкой прессой не находит понимания у читателей // Информационное агентство Eurasia Daily (EADaily). [Электронный ресурс]. URL:

https://eadaily.com/ru/news/2021/04/08/demonizaciya-rossii-nemeckoy-pressoy-ne-nahodit-ponimaniya-u-chitateley (дата обращения: 22.03.2026).

6. Дубицкая М.М., Калиущенко В.Д. Эмотивно-оценочные высказывания как средство побуждения к действию // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 20, Вып. 4 (66). 2024. С. 111-120.

7. Заппеттини Ф. Понтон Д.М., Ларина Т.В. Эмоционализация современного медиадискурса: исследовательская повестка дня // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2021. № 3. С. 586-610.

8. Куликова О.В. Эмотивная прагматика профессионально ориентированного дискурса в медийной среде (на материале английского языка) // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020. № 4. [Электронный ресурс]. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/09FLSK420.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

9. Мельник Г.С., Мисонжников Б.Я. Лингвистические приемы антироссийской пропаганды – новый тренд массмедиа Германии // Гуманитарный вектор. 2020. № 5. С. 99-109.

10. Орлова С.Н., Конькова А.А. Эмотивные средства языка как способ воздействия в итальянском и английском публицистическом дискурсе // Вопросы прикладной лингвистики. 2021. № 41. С. 122-147.

11. Пиотровская Л.А. Эмотивность как языковая категория // Вестн. С.-Петербургского ун-та. Сер. история языкознания. 1993. Вып. 2. № 9. С. 41-47.

12. Рудь Е.Е. Лексические средства выражения эмотивности в публикациях о COVID-19 // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: исторические и филологические науки. 2023. № 3. С. 110-113.

13. Сюткина Н.П. Функционирование эмотивных каузативов (на материале русского и немецкого языков). Дис. … канд. филол. наук. Пермь. 2019. 239 с.

14. Фефилова А.К. Репрезентация категории эмотивности в публицистических текстах (на материале шведских газет «Дагенс Нюхетер» и «Свенска Дагбладет»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 17 с.

References

1. Volkova Y.A., Panchenko N.N. Destructiveness in political discourse // RUDN University Bulletin. Series: Linguistics. 2016. No. 4. P. 161-178.

2. Golodov A.G. The language of information war in german print mass media: monograph, Publishing House: Ryazan; Gorlovka, 2022. 295 p.

3. Golodov A.G. The Language of Information Warfare in German Mass Media // Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Esenin. 2015. No. 1 (46). [Electronics resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-informatsionnoy-voyny-v-nemetskoy-massovoy-publitsistike (date of access: 22.03.2026).

4. Deyneka O.S. The image and media image of Russia among German citizens against the background of the strengthening of radical attitudes in society // Psychological Newspaper. [Electronics resource]. URL: https://psy.su/feed/9844/ (date of access: 20.03.2026).

5. The Demonization of Russia by the German Press Does Not Find Understanding among Readers // Eurasia Daily Information Agency (EADaily). [Electronics resource]. URL: https://eadaily.com/ru/news/2021/04/08/demonizaciya-rossii-nemetskoy-pressoy-ne-nahodit-ponimaniya-u-chitateley (date of access: 22.03.2026).

6. Dubitskaya M.M., Kaliuščenko V.D. Emotive-evaluative statements as a means of inducement to action// Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 20, Iss. 4 (66). 2024. P. 111-120.

7. Zappettini F., Ponton D.M., T.V. Larina Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda// Russian Journal of Linguistics. RUDN University Bulletin. Series: Linguistics. 2021. No. 3. P. 586-610.

8. Kulikova O.V. Emotive pragmatics of the professionally oriented discourse in the mass media (on the basis of the English language). World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies. 2020. No. 4 (11). Available at. [Electronics resource]. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/09FLSK420.pdf (date of access: 20.03.2026)

9. Mel'nik G.S., Misonzhnikov B.Ya. Linguistic Methods of Anti-Russian Propaganda – a New Trend in the German Mass Media// Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 5. P. 99-109.

10. Orlova S.N., Konkova A.A. Emotive means of language as a way of influence in italian and english publicistic discourse// Issues of Applied Linguistics. 2021. No. 41. P. 122-147.

11. Piotrovskaya L.A. Emotivity as a Language Category // Vestnik of St. Petersburg University. Ser. History of Linguistics. 1993. Vol. 2. No. 9. P. 41-47.

12. Rood E.E. Lexical means of emotivity in the publications about COVID-19 // Bulletin of Vologda State University. Ser. Historical and Philological Sciences. 2023. No. 3. P. 110-113.

13. Syutkina N.P. Linguistic means of actualization of emotivity// Eurasian Humanitarian Journal. 2022. No. 2. P. 50-57.

14. Fefilova A.K. Representation of the Category of Emotivity in Journalistic Texts (Based on the Swedish Newspapers Dagens Nyheter and Svenska Dagbladet): Abstract of Dissertation ... Candidate of Philology. St. Petersburg, 2006. 17 p.

Информация об авторах

Калиущенко Владимир Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор, Донецкий государственный университет, Донецкая Народная Республика, Донецк, Россия (283001, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Университетская, 24).

Морозова Майя Андреевна, кандидат педагогических наук,Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Vladimir D. Kaliuščenko, doctor of philological sciences, professor, Donetsk State University, Donetsk People's Republic, Donetsk, Russia (283001, Donetsk People's Republic, Donetsk, Universitetskaya st., 24).

Maya A. Morozova, candidate of pedagogical sciences, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81’37
EDN: https://elibrary.ru/ICMFJW

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

Косырева Марина Сергеевна[1]
Лыткина Оксана Ивановна[2]
[1]Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
[2]Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия
[1]markosyreva@mail.ru, [2]lytkinao@list.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению функциональных возможностей фразеологизмов в контексте когнитивной лингвистики. Авторы исходят из того, что ключевым принципом интерпретации устойчивых выражений с точки зрения когнитивных процессов является антропоцентризм. Фразеологизмы рассматриваются как вербальные репрезентации различных аспектов жизни человека, включая не только внешние реалии, но и субъективные ощущения, эмоциональные состояния, культурные нормы и стереотипы. Если в процессе выполнения коммуникативной, метафорической, экспрессивной функций устойчивые конструкции реализуют свой потенциал в русле общих тенденций развития лексической системы, то в формировании культурных контекстов и стереотипов наиболее ярко проявляется лингвокультурное содержание фразеологизмов, отражающее взаимодействие языка и мышления.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, язык и мышление, фразеология, функции фразеологизмов в речи.

Для цитирования: Косырева М.С., Лыткина О.И. Функциональные возможности фразеологизмов: когнитивный подход // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 1 (10). С. 59-63.

FUNCTIONAL CAPABILITIES OF PHRASEOLOGICAL UNITS: COGNITIVE APPROACH

Marina S. Kosyreva[1], **Oksana I. Letkina**[2]
[2]Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
[2]Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia
[1]markosyreva@mail.ru, [2]lytkinao@list.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the functional capabilities of phraseological units in the context of cognitive linguistics. The authors proceed from the fact that the key principle of interpretation of stable expressions from the point of view of cognitive processes is anthropocentrism. Phraseological units are considered as verbal representations of various aspects of human life, including not only external realities, but also subjective feelings, emotional states,

©Косырева М.С., Лыткина О.И., 2026.

cultural norms and stereotypes. If stable constructions realize their potential in the process of performing communicative, metaphorical, and expressive functions in line with the general trends of the lexical system's development, then the linguistic and cultural content of phraseological units, reflecting the interaction between language and thought, is most evident in the formation of cultural contexts and stereotypes.

Keywords: cognitive linguistics, language and thinking, phraseology, and the functions of phraseological units in speech.

For citation: Kosyreva M.S. Letkina O.I. Functional capabilities of phraseological units: cognitive approach // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 1 (10). P. 59-63.

Введение

Изучение функционального потенциала фразеологизмов относится к числу актуальных проблем современной лингвистики и направлено на определение роли устойчивых выражений в процессе коммуникации. Эти языковые единицы придают высказыванию дополнительную смысловую и экспрессивную окраску, облегчая взаимодействие между отправителем и получателем информации. Они могут выражать эмоциональное состояние, оценку событий, передавать культурные коды или выполнять структурные задачи в предложении. Рассмотрим функциональные возможности фразеологизмов, особое внимание уделяя когнитивному подходу к устойчивым выражениям.

Как справедливо отмечает Н.А. Семенова, прежде всего «фразеологизмы выполняют важную оценочную функцию, так как данные конструкции не просто выражают феномены, но и содержат эмоционально-экспрессивный компонент» [7, с. 2-3]. Их субъективная окраска особенно проявляется в художественном дискурсе, где они используются для передачи чувств, восприятия событий и авторского отношения к происходящему. Например, конструкции «*в состоянии эйфории от радости*» либо «*открытая душа*» несут позитивный эмоциональный заряд, тогда как выражения «*в полной мере финансово обременен*» или «изливать душу» связаны с отрицательными эмоциями. Фразеологические конструкции оценочного характера, например, «*утратить репутацию*» или «*чрезмерно преувеличить*», служат для характеристики действий или поступков, выделяя их значимость или гиперболизированность.

Фразеологизмы выполняют и коммуникативную функцию, помогая упрощать и ускорять передачу информации. «Использование устойчивых выражений делает высказывание значительно кратким и насыщенным образами», – подчеркивает М.А. Фокина [9, с. 49]. К примеру, устойчивые фразовые выражения вроде «*упорство приводит к успеху*» либо «*укреплять связи*» не только структурируют сообщение, но и передают моральный смысл или обобщение, облегчая восприятие идеи.

Помимо этого, фразеологизмы выполняют метафорическую функцию, помогая выразить трудные для восприятия концепции через имеющиеся образные конструкции. Выражения «*витать в облаках*» или «*упорно отстаивать свою позицию*» позволяют передать абстрактные концепции с помощью ярких ассоциаций, не прибегая к сложным объяснениям. Иногда устойчивые фразовые словосочетания служат средством смягчения эмоционального эффекта высказывания. Конструкции «*в той или иной мере*» или «*не всегда удача на стороне человека*» снижают драматизм ситуации и регулируют тональность общения, позволяя адаптировать смысл в зависимости от контекста.

Как верно отмечает В.Г. Гак, «когнитивный анализ языковых явлений позволяет выявить глубинные механизмы формирования значений» [1, с. 264]. В рамках лингвистики, основанной на когнитивном подходе, исследование устойчивых языковых конструкций опирается на идею о том, что язык выполняет не просто функцию переда-

чи информации, но и является инструментом структурирования и осмысления окружающего мира. При таком подходе анализируются способы отражения когнитивных процессов в фразеологии, что позволяет рассматривать фразеологизмы как результат взаимодействия мышления и языка.

Антропоцентризм, являющийся ключевым принципом интерпретации устойчивых выражений с точки зрения когнитивных процессов, предполагает, что человеческий опыт играет решающее значение в процессе их возникновения. Фразеологизмы возможно рассматривать как вербальные репрезентации различных аспектов жизни человека, включая не только внешние реалии, но и субъективные ощущения, эмоциональные состояния, культурные нормы и стереотипы. Например, оборот «*скрывать обиду*» символизирует скрытые намерения или подавленные эмоции, что соотносится с когнитивными представлениями о сокрытии чувств и мыслей. В данном отношении ценными представляются наблюдения выводов А.П. Василенко о том, что «концептуальные структуры языка формируются на основе фреймов и метафор, которые являются инструментами организации знаний» [2, с. 99-102]. В данном случае фреймы рассматриваются как системы, позволяющие упорядочивать информацию и интерпретировать явления реальности. К примеру, устойчивое выражение «*ставить в безвыходное положение*» активирует фрейм ограничения, который непосредственно связан с представлениями о вынужденной ситуации без очевидных вариантов выхода.

Метафорическая природа фразеологии имеет важное значение в когнитивных исследованиях. Через метафоры сложные понятия обретают конкретное, наглядное выражение. Как видно, фраза «*прийти к осознанию*» символизирует процесс осознания, а также «выходить за рамки привычного» – движение за пределы привычного опыта, освоение нового. Эти метафоры демонстрируют, как язык отражает когнитивные механизмы восприятия и понимания окружающего мира. Как отмечает О.В. Гусельникова, «метафоры в фразеологических выражениях способствуют созданию образных репрезентаций окружающего мира» [3, с. 155]. В исследовании типологии устойчивых выражений с точки зрения когнитивных процессов внимание уделяется анализу когнитивных слотов, представляющих собой структурные элементы устойчивых выражений. Они обеспечивают вариативность устойчивых языковых конструкций без утраты смысла. Важнейшую лингвокультурную роль играют фразеологические обороты с межтекстовыми отсылками к определенным историческим или культурным контекстам. Например, оборот «*катать барана*», связанный с культурными обычаями русского народа, несет особый смысл, доступный для понимания ограниченному кругу людей, владеющих данным языком.

Особенности культурного контекста фразеологии проявляются в отражении особенностей мировосприятия и ценностных ориентаций носителей речевой системы. Устойчивые фразовые выражения передают концепты и стереотипы, характерные для определенной культуры, но не всегда идентичные в разных языковых сообществах. Как видно из анализа, оборот речи «*сохранять достоинство*» в лингвистической системе русского народа ассоциируется с идеями чести и моральных принципов, тогда как в других культурах аналогичные устойчивые конструкции могут потенциально включать иные смысловые оттенки, обусловленные местными традициями и ментальными установками.

Устойчивые конструкции выполняют также и функцию структурирования повествования, что способствует связанности материала, терминологической точности и логичности построения аргументации. Это особенно наглядно проявляется в научном стиле, поскольку в академическом письме преобладают устойчивые языковые конструкции с нейтральным или терминологическим значением. Подобные выраже-

ния выполняют функцию логического построения текста. Такие конструкции необходимы для структурированного и лаконичного изложения научных данных, что облегчает процесс понимания, а также усвоение содержания. При этом они обеспечивают стилистическую дифференциацию, так как отмеченное в научном стиле явление будет неприемлемо, например, для официально-делового стиля и делового письма.

Заключение

Таким образом, функциональные возможности фразеологизмов определяются прежде всего эмоционально-экспрессивной палитрой, оценочностью и декоративностью данных лексических единиц. Если в процессе выполнения коммуникативной, метафорической, экспрессивной функций устойчивые конструкции реализуют свой потенциал в русле общих тенденций развития лексической системы, то в формировании культурных контекстов и стереотипов наиболее ярко проявляется лингвокультурное содержание фразеологизмов. В контексте когнитивного подхода это делает их функциональные возможности уникальными для формирования и развития сложных и неоднозначных связей языка и мышления.

Список источников

1. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. М.: Междунар. отношения, 1977. 264 с.
2. Василенко А.П. Функционально-коммуникативный принцип анализа фразеологизмов // Вестник СИБИТа. 2015. №2 (14). С. 100-102.
3. Гусельникова О.В. Когнитивный аспект изучения фразеологии // Актуальные вопросы современной науки. 2009. № 5-2.
4. Дудкина В.Г. Фразеология (идиоматика) как компонент дефиниционного словаря // Наука и современность. 2010. № 32. С. 2-5.
5. Ибатулина Л.М. Использование фразеологических единиц в дискурсивном анализе научного текста // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 516-518.
6. Рахматуллина Л.А. Фразеологизм как основная единица фразеологии // Цифровая наука. 2020. № 11. С. 58-59.
7. Семенова Н.А. Языковые и речевые функции фразеологических единиц // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 9. С. 1-2.
8. Телия В.Н. Русская фразеология: Семант., прагмат. и лингвокультурол. Аспекты / В.Н. Телия. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. 284 с.
9. Фокина М. Фразеологизмы-интертекстемы в структурно-смысловой организации повествования // Вестник КГУ. 2006. № 10. С. 49.
10. Simpson R., Ellis N. An Academic Formulas List: New Methods in Phraseology Research. Applied Linguistics. 2010. Vol. 31, Issue 4. P. 487-512.

Reference

1. Gak V.G. Comparative Lexicology. On the Material of French and Russian Languages. M.: Mezhdunar. Relations, 1977. 264 p.
2. Vasilenko A.P. Functional and Communicative Principle of Analysis of Phraseological Units // Bulletin of SIBIT. 2015. No. 2 (14). P. 100-102.
3. Guselnikova O.V. Cognitive Aspect of the Study of Phraseology // Actual Issues of Modern Science. 2009. No. 5-2.
4. Dudkina V.G. Phraseology (Idiomaticity) as a Component of a Definition Dictionary // Science and Modernity. 2010. No. 32. P. 2-5.
5. Ibatulina L.M. The Use of Phraseological Units in the Discourse Analysis of Scientific Text // World of Science, Culture, Education. 2017. No. 6 (67). P. 516-518.

6. Rakhmatullina L.A. Phraseological Units as the Basic Units of Phraseology // Digital Science. 2020. No. 11. P. 58-59.

7. Semenova N.A. Linguistic and speech functions of phraseological units // Humanities, socio-economic and social sciences. 2014. No. 9. P. 1-2.

8. Teliya V.N. Russian phraseology: Semantics, pragmatics. and cultural linguistics. Aspects / V. N. Teliya. Moscow: Shk. "Languages of Russian Culture", 1996. 284 p.

9. Fokina M. Phraseological Units-Intertexts in the Structural and Semantic Organization of the Narrative // Bulletin of KSU. 2006. No. 10. P. 49.

10. Simpson R., Ellis N. An Academic Formulas List: New Methods in Phraseology Research. Applied Linguistics. 2010. Vol. 31, Issue 4. P. 487-512.

Информация об авторах

Косырева Марина Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Лыткина Оксана Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева (125080, Москва, ул. Врубеля, 12).

Information about the authors

Marina S. Kosyreva, doctor of philological sciences, docent, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Oksana I. Letkina, candidate of philological sciences, docent, Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (125080, Moscow, Vrubel st., 12).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81.25
EDN: https://elibrary.ru/IDCVYN

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ПЕРЕВОД: РОЛЬ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ В ПОДДЕРЖКЕ КАЧЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Хертек Евгения Владимировна
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
Evgeniya.duger@mail.ru

Аннотация. Автором статьи рассматривается использование специализированных словарей в процессе перевода. В статье указывается специфика специализированных словарей, их роль в качестве перевода. Автором статьи рассматриваются особенности использования специализированных словарей при переводе безэквивалентной лексики. В статье указываются требования к переводчику специализированного текста как к специалисту, который должен владеть базовыми знаниями в области предмета перевода. Сложность работы со специализированными текстами заключается в необходимости выделения терминов в тексте и установления их контекстного значения, что требует не только специальных познаний, но и опыта работы в данной сфере. Итогом работы становится вывод о том, что использование специализированных словарей необходимо при переводе узкоспециализированных текстов. Автор статьи подчёркивает, что перевод текстов, в которых необходима высокая понятийная точность, не может осуществляться без использования специализированных словарей, поскольку только при их применении текст будет отвечать критериям адекватного перевода.

Ключевые слова: словарь, перевод, переводчик, термин, лексикография.
Для цитирования: Хертек Е.В. Лексикография и перевод: роль специализированных словарей в поддержке качественного перевода // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 1 (10). С. 64-67.

LEXICOGRAPHY AND TRANSLATION: THE ROLE OF SPECIALIZED DICTIONARIES IN SUPPORTING HIGH-QUALITY TRANSLATION

Evgeniya W. Khertek
Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
Evgeniya.duger@mail.ru

Abstract. The author of the article discusses the use of specialized dictionaries in the translation process. The article specifies the characteristics of specialized dictionaries and their role in translation. The author examines the specific features of using specialized dictionaries in the translation of non-equivalent vocabulary. The article outlines the requirements for a specialized text translator as a specialist who must have a basic understanding of the subject matter. The complexity of working with specialized texts lies in the need to identify terms in the text and determine their contextual meaning, which requires not only specialized knowledge but also experience in the field. The article concludes that the use of specialized dictionaries is

©Хертек Е.В., 2026.

necessary when translating highly specialized texts. The author emphasizes that the translation of texts in fields that require high conceptual accuracy cannot be achieved without the use of specialized dictionaries, as only by using them can the text meet the criteria of adequate translation.

Keywords: dictionary, translation, translator, term, lexicography.

For citation: Khertek E.V. Lexicography and translation: the role of specialized dictionaries in supporting high-quality translation // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 1 (10). P. 64-67.

Введение

Лексикографические аспекты перевода представляют значительный интерес для методики обучения иностранным языкам, в частности переводу. Однако большое разнообразие сфер жизнедеятельности, в которых необходим перевод, стремительное развитие науки и техники, глобализация и интернет как факторы постоянного пополнения словарного состава языка, требуют пристального внимания к лексикографии перевода, под которой подразумевается обеспечение переводчика необходимой словарной, фоновой и специальной информацией.

В переводоведении существует понятие «качественного перевода», введенное В.Н. Комиссаровым, включающее в себя такие характеристики, как эквивалентность перевода, его адекватность, стилистическое соответствие оригиналу, точность, отсутствие смысловых, грамматических и стилистических ошибок [5, с. 28].

Особую роль здесь играют специализированные словари. М.А. Кажарова отмечает, что специализированный словарь – «это не просто сборник переведенных и/или кратко определенных технических слов (то, что мы называем пассивным словарем), а сложная работа, содержащая множество полезной информации для пользователя, что делает необходимым понимание того, где и как он возник, для кого он предназначен и с какой целью был составлен» [3, с. 504]. При этом Г.Р. Сафиуллина указывает, что границы между общеязыковым словарем, в который включаются слова с пометкой «спец.», и специализированным словарем часто размываются [7, с. 129].

Специализированный словарь должен включать в себя такие термины, которые имеют особое значение в конкретном контексте, даже если слово является омонимом общеупотребительной лексемы. Использование специализированных словарей важно при переводе текстов, имеющих ограниченную, специфичную сферу употребления.

В.Ю. Еолян указывает, что в разных языках одно и то же значение может быть передано разными способами [2, с. 84]. Но если для разговорной речи и художественного текста допустимы некоторые вариации, то язык научно-технической литературы требует точности. Исследователь указывает, что прообразом специализированных словарей для переводчиков становились глоссарии, которые используются с начала XX века. При этом глоссарии имеют два уровня: микроуровень – это персональный глоссарий конкретного переводчика, макроуровень предполагает объединение опыта нескольких переводчиков или использование специализированных словарей. И.С. Кашеварова указывает, что в настоящее время перевод таких глоссариев в формат электронного словаря значительно облегчает пользование ими [4, с. 146]. Примером такого электронного глоссария становится «Encyclopædia Britannica» [10, с. 1].

Ю.Э. Дорохова отмечает, что специализированная лексика часто является безэквивалентной, и попытки перевести термин описательным путём часто приводят не только к утрате части значения, но и к исчезновению той самой специфики лексемы, которая делает её специализированной – регионального компонента, про-

фессионального окраса и т.д. [1, с. 136]. Кроме того, как отмечает А.В. Лебедев, данный перевод получается достаточно громоздким и неэкономичным [6, с. 1].

Специализированный перевод может быть осуществлен не всеми переводчиками, а лишь теми, которые специализируются на конкретной сфере науки, техники, ремесла, и нередко имеют специализированное образование в данной сфере. Это позволяет таким специалистам распознавать в незнакомом тексте термины, которые часто омонимичны общеупотребительным словам. Н.Ю. Федорова также называет в качестве и трудности перевода таких текстов языковую интерференцию [9, с. 1]. Сложность работы со специализированными текстами заключается в необходимости выделения терминов в тексте и установления их контекстного значения, что требует не только специальных познаний, но и опыта работы в данной сфере.

В.Ф. Топурия указывает, что использование специализированных словарей помогает минимизировать неточности в переводе [8, с. 1]. В некоторых сферах, например, медицине, юриспруденции, технике, цена неточности перевода может быть слишком высокой как в экономическом смысле, так и в метафорическом, если речь идёт о человеческой жизни.

Заключение

Понятийная и смысловая точность как один из критериев качественного перевода не может быть достигнута без использования точного значения слова, поскольку специализированная лексика, как правило, не допускает инотолкования и синонимической замены. Использование же описательного перевода в данном случае не позволит сделать перевод экономичным и однозначно понятным.

Список источников

1. Дорохова Э.Ю. Проблема эквивалентности и безэквивалентности в переводе и двуязычной лексикографии // Lingua mobilis. 2013. № 4 (43). С. 131-141.

2. Еолян В.Ю., Муратова Э.Д. Глоссарий как инструмент повышения качества перевода // Молодой ученый. 2017. № 31 (165). С. 83-85.

3. Кажарова М.А. Специализированная лексикография и специализированные языки: теоретические основы для разработки специализированных словарей // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6 (91). С. 503-506.

4. Кашеварова И.С. Электронный словарь как новый этап в развитии лексикографии // Молодой ученый. 2010. № 10 (21). С. 145-147.

5. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода [Текст]. Изд. 5-е. М.: Ленанд, 2025. 176 с.

6. Лебедев А.В. Перевод безэквивалентной лексики с английского языка на русский: вопросы теории и практики// Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 4 (130). [Электронный ресурс]. URL: https://research-journal.org/archive/4-130-2023-april/10.23670/IRJ.2023.130.93 (дата обращения: 15.03.2026).

7. Сафиуллина Г.Р. Двуязычная лексикография: теория и практика магистерского курса// Филология и культура. 2016. № 2 (44). С. 126-130.

8. Топурия В.Ф. Особенности перевода научных текстов/ В.Ф. Топурия/ Язык и культура (Новосибирск). 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-nauchnyh-tekstov/viewer (дата обращения: 15.03.2026).

9. Федорова Н.Ю., Ярмухамедова Ф.М. Причины трудностей перевода научных текстов в магистратуре и аспирантуре // RussianLinguisticBulletin. 2023. № 2 (38). [Электронный ресурс]. URL: https://rulb.org/archive/2-38-2023-february/10.18454/RULB.2023.38.19 (дата обращения: 15.03.2026).

10. Encyclopædia Britannica. [Электронный ресурс]. URL: https://www.britannica.com/ (дата обращения: 15.03.2026).

References

1. Dorokhova E.Yu. The Problem of Equivalence and Inequivalence in Translation and Bilingual Lexicography // Lingua mobilis. 2013. No. 4 (43). P. 131-141.

2. Eolyan V.Yu., Muratova E.D. Glossary as a Tool for Improving the Quality of Translation // Young Scientist. 2017. No. 31 (165). P. 83-85.

3. Kazharova M.A. Specialized Lexicography and Specialized Languages: Theoretical Foundations for the Development of Specialized Dictionaries // World of Science, Culture, Education. 2021. No. 6 (91). P. 503-506.

4. Kashevarova I. S. Electronic Dictionary as a New Stage in the Development of Lexicography // Young Scientist. 2010. No. 10 (21). P. 145-147.

5. Komissarov V.N. Linguistics of Translation [Text]. 5th ed. M.: Lenand, 2025. 176 p.

6. Lebedev A.V. Translation of Non-Equivalent Vocabulary from English to Russian: Issues of Theory and Practice// International Research Journal. 2023. No. 4 (130). [Electronic resource]. URL: https://research-journal.org/archive/4-130-2023-april/10.23670/IRJ.2023.130.93 (date of access: 15.03.2026).

7. Safiullina G.R. Bilingual Lexicography: Theory and Practice of a Master's Course// Philology and Culture. 2016. No. 2 (44). P. 126-130.

8. Topuria, V.F. Features of Scientific Texts Translation/ V.F. Topuria/ Language and Culture (Novosibirsk). 2015. [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-nauchnyh-tekstov/viewer (date of access: 15.03.2026)

9. Fedorova N.Yu., Yarmukhamedova F.M. Reasons for Difficulties in Translating Scientific Texts in Master's and Postgraduate Programs // Russian Linguistic Bulletin. 2023. No. 2 (38). [Electronic resource]. URL: https://rulb.org/archive/2-38-2023-february/10.18454/RULB.2023.38.19 (date of access: 15.03.2026).

10. Encyclopædia Britannica. [Electronic resource]. URL: https://www.britannica.com/ (date of access: 15.03.2026).

Информация об авторе

Хертек Евгения Владимировна, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Evgeniya W. Khertek, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plato st., 6/2).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 929.62
EDN: https://elibrary.ru/IDTNGK

ОПЫТ ГЕРАЛЬДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТРУКТУР, ПОДОБНЫХ ВОЙСКАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ВО ФРАНЦИИ

Авдошин Вадим Владимирович[1]
Анисимов Всеволод Русланович[2]
[1, 2] Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, Москва, Россия
[1]awdoshinv@yandex.ru, [2]vsevolod.anisimov@mail.ru

Аннотация. Ведомственная геральдика современных силовых структур прошла долгий период трансформации из эстетики и церемониала в строгую систему государственной идетификации. Данная статья посвящена сравнительно-историческому анализу геральдических систем Национальной жандармерии Франции (далее – НЖФ) (как структурно-функциональному аналогу ВНГ РФ) и Войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – ВНГ РФ). Проводится сравнение интегративной децентрализации Национальной жандармерии Франции и иерархического монизма ВНГ РФ в рамках дихотомии подходов (гомологация региональных и профессионально-ориентированных геральдических знаков противопоставляется доминированию единой стратегии и принципов геральдического обеспечения ВНГ РФ). Исходя из сравнительного анализа семантических систем, приводится обоснование частичной рецепии французского опыта геральдического обеспечения (историческая гомологация и расширение территориализации геральдических знаков) для повышения корпоративной культуры ВНГ РФ, учитывая принцип федерального цетрализма.

Ключевые слова: ведомственная геральдика, Национальная жандармерия Франции, Войска национальной гвардии РФ, визуальная идентификация, эмблематика, геральдическое обеспечение, гомологация, вексиллология, фалеристика.

Для цитирования: Авдошин В.В., Анисимов В.Р. Опыт геральдического обеспечения структур, подобных войскам национальной гвардии Российской Федерации, во Франции // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 1 (10). С. 68-77.

HISTORICAL SCIENCES

EXPERIENCE OF HERALDIC SUPPORT IN STRUCTURES SIMILAR TO THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION, IN FRANCE

Vadim V. Avdoshin[1], **Vsevolod R. Anisimov**[2]
[1, 2] Main Research Center of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation, Moscow, Russia
[1]awdoshinv@yandex.ru, [2]vsevolod.anisimov@mail.ru

©Авдошин В.В., Анисимов В.Р., 2026

Abstract. The departmental heraldry of modern law enforcement agencies has gone through a long period of transformation from aesthetics and ceremonial to a strict system of state identification. This article is devoted to a comparative historical analysis of the heraldic systems of the French National Gendarmerie (hereinafter referred to as the NLF) (as a structural and functional analogue of the VNG of the Russian Federation) and the Troops of the National Guard of the Russian Federation (hereinafter referred to as the VNG of the Russian Federation). A comparison is made between the integrative decentralization of the National Gendarmerie of France and the hierarchical monism of the VNG of the Russian Federation within the framework of a dichotomy of approaches (homologation of regional and professionally oriented heraldic signs is contrasted with the dominance of a single strategy and principles of heraldic support of the VNG of the Russian Federation). Based on a comparative analysis of semantic systems, a justification is given for the partial diffusion of the French experience of heraldic provision (historical homologation and expansion of the territorialization of heraldic signs) to enhance the corporate culture of the VNG of the Russian Federation, taking into account the principle of federal centralism.

Keywords: departmental heraldry, National Gendarmerie of France, Troops of the National Guard of the Russian Federation, visual identification, emblems, heraldic support, homologation, vexillology, faleristics.

For citation: Avdoshin V.V., Anisimov V.R. Experience of heraldic support in structures similar to the national guard troops of the Russian federation, in france // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 1 (10). P. 68-77.

Введение

Геральдические знаки, используемые военнизированными структурами с правоохранительными функциями, проецируют монополизации государством права на применение силы [31]. НЖФ и ВНГ РФ выполняют изоморфные задачи, такие как охрана общественного порядка и пресечение терроризма и экстремизма на территории страны и т.д. [3, 4]. Структуры сочетают военные и полицейские функции, тем не менее, их принципы геральдического обеспечения реализуются в рамках диаметрально противоположных концепций. ВНГ РФ использует как опору, жесткую подчинённость федеральному центру. Любой геральдических знак подчинён государственному гербу, как основе для создания [5]. НЖФ широко интегрирует знаки исторических провинций, элементы муниципальной айдентики, узкоспециализированные символы, при этом встраиваясь в единый вектор республиканской политики в области геральдики [19]. Стоит отметить, ВНГ РФ также имеет схожие направления создания знаков, однако, не имеет такой обширной практики, как НЖФ. Французский опыт, представляет собой идеальный прикладной материал для применения и рецепции.

Генезис геральдического языка

Исторические корни НЖФ имеют непосредственное отношение к институту Маршероссе. Первоначально, приматом их геральдического обеспечения служил монархический суверенитет [1]. Реформа Клода Ле Блана 1720 года создала базу для «геральдики цвета». Синий цвет сукна («bleu de roi») и серебряный галун визуально дистанцировали служителей от регулярной пехоты. Знаком отличия служили пуговицы с рельефным изображением королевской лилии – юридическим подтверждением полномочий на местах. Закон от 16 февраля 1791 года запустил процесс упрощения геральдики как чистой трансляции воли монарха. Структура получила название «Национальная жандармерия». Королевские лилии уступили место республиканским кокардам. Официальным символом стала «пылающая гренада» [26]. В военной иерархии Франции конца XVIII века гренада являлась прерогативой ударных частей. Передача

этого символа жандармерии повысила их престиж. В начале XX века закрепились восемь лучей пламени на гренаде – метафора восьми направлений розы ветров, отражающая повсеместное присутствие НЖФ. Французская гренада концентрирует внимание на корпоративной идентичности корпуса [19]. Российская традиция развивалась в рамках единого федерального вектора развития. От Внутренней стражи до ВНГ РФ визуальная линия всегда строилась вокруг центрального государственного символа. В парадигме ВНГ РФ идентичность каждого отдельного подразделения не имеет первостепенного значения. Региональные элементы выступают второстепенными дополнениями к федеральному базису [2].

Семиотика цвета и навигация

Дихотомия систем наглядно проявляется в цветовом кодировании. ВНГ РФ применяет утилитарно-ситуативный подход. Краповый цвет доминирует в парадной форме одежды, однако в условиях служебно-боевых задач он полностью редуцируется. Знаки переводятся в ахроматическую или защитную гамму ради тактической маскировки [2, 5]. Французская система использует приборный металл как функциональный навигатор для гражданского населения. Ордонанс 1820 года закрепил строгое разделение [29]. Департаментская жандармерия использует серебро, исторически ассоциирующееся с поддержанием порядка. Мобильная жандармерия и Республиканская гвардия применяют золото, сигнализирующее о функции силового резерва и государственном престиже [19]. Система головных уборов НЖФ выполняет похожую, стратифицирующую функцию. Базовым элементом полевого ношения выступает калот («calot») – складная пилотка с металлической эмблемой [8]. Для статусных задач используется кепи («képi»). Цветовое решение тульи кепи и система галунов жестко определены званием и ветвью службы [27]. В качестве общего повседневного атрибута НЖФ сохраняет белый плетеный аксельбант – наследственный визуализатор исключительного правового статуса [7]. Вексиллологический комплекс НЖФ функционирует как исторический архив. На полотнищах знамен полков и военных школ золотым шитьем наносятся боевые почести («Honneurs de bataille»). Главное знамя корпуса кодифицирует исторические триумфы: Ондскот, Вильодриго, Тагуин, Севастополь, Индокитай [31]. Знамя ВНГ РФ, напротив, транслирует приоритет действующей государственной власти через центральную эмблему двуглавого орла, вынося коммеморативную функцию на гравированные скобы древка [5].

Территориальная ассимиляция против централизма

В 1946 году французская жандармерия отказалась от единых ведомственных геральдических знаков для подразделений. На нарукавные щиты (экуссоны) были помещены гербы исторических провинций [19]. Пылающая гренада интегрируется в эти композиции, но визуальным ядром остается местная геральдика. Эта стратегия «символической мимикрии» превращает жандарма в хранителя локальных традиций, часть социокультурного ландшафта. Геральдическое обеспечение ВНГ РФ придерживается административного централизма. Использование элементов региональных гербов допускается исключительно в формате малых щитков. Доминантой выступает федеральный символ. Символика вузов Росгвардии строится по единому шаблону: основную площадь эмблемы занимает утвержденный федеральный стандарт, транслирующий монолитность военного управления [5].

Морфология специализированных формирований

Концепция профессиональной мимикрии достигает максимума в геральдике специализированных подразделений НЖФ. Командование осознанно редуцирует архаичные фигуры в пользу узкопрофильной семантики. Символика Главного управления («DGGN») использует золотую гренаду на геральдическом щите, манифестируя концентрацию властных полномочий [12]. Генеральная инспекция («IGGN») дополняет

композицию весами, мечом правосудия и фигурами сфинксов – хранителей тайн и символов беспристрастного контроля [28]. Эмблематика Группы вмешательства («GIGN») отказывается от щитов. Круглая форма знака означает когезию отряда, перекрестие прицела денотирует прецизионную точность, а парашют верифицирует аэромобильный статус [17]. Жандармерия вооружений («Gendarmerie de l'Armement») использует стилизованную «стрелу», мимикрируя под корпоративный стиль инженеров [23]. Жандармерия безопасности ядерных вооружений вписывает модель атома в черный треугольник, формируя код абсолютной непроницаемости [18]. Воздушная жандармерия модифицирует крылья, чтобы визуально отделиться от ВВС [16]. Морская жандармерия выносит гренаду на периферийные носители, заполняя центральный щит золотым якорем на черном фоне, что обеспечивает бесшовную интеграцию в среду военно-морского флота [13; 24]. Следственно-розыскная секция Версаля конструирует сложный семиотический аппарат: сияющее солнце Людовика XIV, галльские петухи, весы правосудия и лилии провинции Иль-де-Франс визуализируют исключительный престиж уголовной полиции [15]. Превотальная жандармерия (военная полиция за рубежом) синтезирует серебряную гренаду, весы, якоря и крылья, кодируя трансграничный характер юрисдикции [25]. Командование киберпространства использует образ совы поверх цифровой сетки [11]. Республиканская гвардия дублирует герб Парижа – серебряный корабль с девизом «Fluctuat nec mergitur» [22]. Группировки бронетехники мобильной жандармерии (GBGM) обременяют щит фронтальным силуэтом гусеничной машины [14]. Академический комплекс представлен эмблемой Военной академии (AMGN): силуэт офицера с обнаженной шпагой и девиз «DES CHEFS POUR VOTRE DÉFENSE ET VOTRE SÉCURITÉ» вербализуют целеполагание подготовки командиров [6]. Учебные центры (Монлюсон, Шомон) синтезируют ведомственную гренаду с муниципальным гербом города дислокации [10]. Кинологический центр в Грама помещает профиль служебной собаки на корпус гренады [9]. Оркестр мобильной жандармерии объединяет золотую лиру с королевскими лилиями [30].

Историческая гомологация

Во французской системе проблема самостоятельного конструирования неуставных знаков («геральдического произвола») решена через процедуру гомологации. Функцию высшего геральдического суда выполняет Историческая служба Министерства обороны («SHD»). Инструкции детально регламентируют процесс: запрещено использование устрашающих или политически ангажированных символов [20]. После историко-семантической экспертизы знаку присваивается уникальный номер (например, «GS 0120»). Этот идентификатор чеканится на реверсе. Наличие номера превращает элемент дизайна в легитимный юридический документ [19, 21].

Рекомендации для системы ВНГ РФ

Прямое заимствование французской модели территориализации недопустимо. Использование неизменных гербов субъектов РФ на ведомственных знаках нарушает принцип подчиненности войск исключительно федеральному центру [4]. Анализ опыта НЖФ позволяет сформулировать конкретные рекомендации по модернизации геральдического обеспечения Росгвардии. Во-первых, требуется внедрение модели гомологированной территориализации. При сохранении единого федерального щита и крапового креста целесообразно использовать узнаваемые фигуры региональной геральдики как элементы композиции для территориальных управлений. Слияние федерального базиса и локальной фигуры переводит региональный символ в статус чисто географического маркера зоны ответственности [5]. Во-вторых, необходимо углубление профильной фалеристики. В многофункциональных структурах визуальная унификация стирает профессиональ-

ную идентичность. Введение академически выверенной системы квалификационных инсигний для морских, инженерно-саперных, кинологических и ИТ-подразделений ВНГ РФ выступит катализатором формирования элитарного самосознания [2]. В-третьих, правовая чистота атрибутики невозможна без административного контроля. Опираясь на практику «SHD», необходимо создание единого цифрового реестра ведомственных знаков ВНГ РФ. Обязательная экспертиза каждого вводимого патча с присвоением буквенно-цифрового идентификатора пресечет использование нерегламентированной коммерческой продукции. В-четвертых, требуется кодификация стандартов тактической геральдики. Перевод многоцветных блазонов в ахроматические патчи носит фрагментарный характер. Необходима разработка единых правил редукции сложных композиций до монохромных силуэтов исключительно для утилитарного применения. Ведомственная геральдика работает как интерфейс взаимодействия государства и гражданского общества. ВНГ РФ располагает административными ресурсами для децентрализации атрибуции в рамках федерального канона и внедрения процедур исторической экспертизы. Это позволит выстроить адаптивную знаковую систему, отвечающую требованиям государственной репрезентации и оперативно-тактической реальности.

Заключение

Анализ фиксирует концептуальный разрыв в стратегиях визуальной легитимации. Национальная жандармерия Франции эксплуатирует механизм социокультурной ассимиляции, встраивая локальные гербы и узкопрофессиональные маркеры в ведомственный канон. Войска национальной гвардии Российской Федерации выстраивают айдентику на базе государственного монизма, где доминирование двуглавого орла стирает региональную индивидуальность. Прямое заимствование французской децентрализации недопустимо для ВНГ РФ. Размещение полноценных гербов субъектов федерации на форме военнослужащих вступает в юридический конфликт с принципом прямого подчинения войск федеральному центру [4]. Эффективное решение требует рецепции административных, а не графических механизмов. Первоочередной задачей становится внедрение процедуры жесткой исторической гомологации по образцу французской Исторической службы («SHD») [20]. Создание единого цифрового реестра и обязательная семантическая экспертиза каждого нарукавного знака с присвоением буквенно-цифрового кода исключат использование нерегламентированной коммерческой атрибутики в полевых условиях [5]. Одновременная разработка академически выверенной системы квалификационных знаков для узкопрофильных специалистов (кинологов, авиаторов, морских частей, ИТ-подразделений) обеспечит рост корпоративной сплоченности без нарушения федерального стандарта. Синтез российского исторического фундамента с французскими технологиями семантического контроля сформирует безупречную знаковую систему, отвечающую самым строгим требованиям государственной репрезентации.

Список источников

1. Андреева И.А. Генезис, становление и развитие Национальной жандармерии Франции / И.А. Андреева // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2011. № 6. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-stanovlenie-i-razvitie-natsionalnoy-zhandarmerii-frantsii-1 (дата обращения: 13.11.2025).

2. Геральдика: исследования и практика: материалы научной конференции, 20-22 февраля 2019 г. / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2020. С. 281-292.

3. Ланцова О.М. Задачи и организационная структура французской жандармерии / О.М. Ланцова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 4.

[Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zadachi-i-organizatsionnaya-struktura-frantsuzskoy-zhandarmerii (дата обращения: 13.11.2025).

4. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 226-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (часть I). Ст. 4159.

5. О геральдическом обеспечении Вооруженных Сил Российской Федерации : приказ Министра обороны РФ от 10 июля 2017 г. № 434 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2017. № 94.

6. Académie militaire des officiers de la gendarmerie nationale (AMGN): Formation // Gendarmerie nationale. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/amgn/formation (дата обращения: 30.01.2026).

7. Aiguillette blanche Gendarmerie Départementale (Cérémonie) // Balp France: Fournisseur de l'administration depuis 1830. [Электронный ресурс]. URL: https://balp-france.fr/fr/accessoires-pour-sabre/199-aiguillette-blanche-gendarmerie-departementale-ceremonie.html (дата обращения: 30.01.2026).

8. Calot Gendarmerie Départementale Patrol Équipement // VetSécurité: boutique spécialisée. [Электронный ресурс]. URL: https://vetsecurite.com/calots-kepis/43457-calot-gendarmerie-departementale-patrol-equipement.html (дата обращения: 02.02.2026).

9. Centre national d'instruction cynophile de la gendarmerie (CNICG) // Gendarmerie nationale: [Электронный ресурс]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/cegn/les-centres-de-formation/centre-national-d-instruction-cynophile-de-la-gendarmerie-cnicg (дата обращения: 30.01.2026).

10. Commandement des Écoles de la Gendarmerie Nationale (CEGN) // Gendarmerie nationale. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/cegn/les-ecoles-de-gendarmerie (дата обращения: 30.01.2026).

11. Écusson brodé COMCYBERGEND // Paul Boyé: vente directe aux forces de l'ordre. [Электронный ресурс]. URL: https://paulboye-ventedirecte.fr/ecussons-brodes/13786-ecusson-brode-comcybergend.html (дата обращения: 30.01.2026).

12. Écusson DGGN – Direction Générale de la Gendarmerie Nationale // Arsenal Collection: équipements pour les forces de l'ordre. [Электронный ресурс]. URL: https://arsenalcollection.com/ecusson-gendarmerie-blason/5612-ecusson-dggn-direction-gene ra l e-de-la-gendarmerie-nationale-et-des-grands-commandements-sur-scratch.html (дата обращения: 30.01.2026).

13. Écusson Gendarmerie Maritime // GITC: équipements pour les professionnels. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gitc.fr/produit/ecusson-gendarmerie-maritime-2/ (дата обращения: 30.01.2026).

14. Écusson Groupement Blindé de la Gendarmerie Mobile (GBGM) // Habimat : matériels pour les forces de l'ordre. [Электронный ресурс]. URL: https://www.habimat-shop.com/galons-gendarmerie/982-ecusson-groupement-blinde-gendarmerie-mobile.html (дата обращения: 30.01.2026).

15. Écusson Section de Recherches – Versailles // Fraternité Police : boutique spécialisée. [Электронный ресурс]. URL: https://fraternitepolice.fr/produit/ecusson-section-de-recherches-versailles-brode/ (дата обращения: 30.01.2026).

16. Gendarmerie de l'Air // Police-Nationale.net : missions et organisation des forces de sécurité. [Электронный ресурс]. URL: https://www.police-nationale.net/gendarmerie-air/ (дата обращения: 30.01.2026).

17. GIGN: Groupe d'intervention de la Gendarmerie nationale // Gendarmerie nationale. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/gign (дата обращения: 30.01.2026).

18. GSAN: Gendarmerie de la Sécurité de l'Armement Nucléaire // Police-Nationale.net: missions et organisation des forces de sécurité. [Электронный ресурс]. URL: https://www.police-nationale.net/gsan/ (дата обращения: 30.01.2026).

19. Insignes de la gendarmerie nationale. Tome 1: Les origines, les insignes homologués avant 1996 / Service historique de la Défense; sous la dir. de Richard Filmotte. Vincennes: SHD, 2004.

20. Instruction n° 1515/SGA/DMCA/SHD/DHS/DSD du 16 mai 2022 sur les filiations et l'héritage de tradition des unités dans les armées et dans la gendarmerie nationale. Paris: Bulletin officiel des armées, 2022.

21. Jaffré S. Des insignes de gendarmerie / Serge Jaffré. Metz: [б. и.], 2012. 1 т. ([74] л.): ил. [Электронный ресурс]. URL: http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb36628133t (дата обращения: 30.01.2026).

22. La Garde républicaine // Gendarmerie nationale. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/garde-republicaine/ (дата обращения: 30.01.2026).

23. La gendarmerie de l'Armement célèbre ses 50 ans // Gendinfo.fr : le média d'information de la Gendarmerie nationale. 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/gendinfo/en-images/la-gendarmerie-de-l-armement-celebre-ses-50-ans (дата обращения: 30.01.2026).

24. La Gendarmerie maritime // Gendarmerie nationale: [Электронный ресурс]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/notre-institution/notre-organisation/la-gendarmerie-maritime (дата обращения: 30.01.2026).

25. La prévôté: racine et ancrage militaire de la gendarmerie // Gendinfo.fr: le média d'information de la Gendarmerie nationale. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/gendinfo/dossiers/la-gendarmerie-a-l-international/la-prevote-racine-et-ancrage-militaire-de-la-gendarmerie (дата обращения: 30.01.2026).

26. Le 16 février 1791 : la naissance de la Gendarmerie // Gendinfo : le média institutionnel de la Gendarmerie nationale. 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/gendinfo/histoire/le-16-fevrier-1791-la-naissance-de-la-gendarmerie (дата обращения: 30.01.2026).

27. Le képi du gendarme // VetSécurité: [блог]. [Электронный ресурс]. URL: https://vetsecurite.com/en/blog/the-gendarme-s-kepi-n190 (дата обращения: 02.02.2026).

28. L'Inspection générale de la gendarmerie nationale (IGGN) // Gendarmerie nationale. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/notre-institution/notre-organisation/le-niveau-central/l-inspection-generale-de-la-gendarmerie-nationale-iggn (дата обращения: 30.01.2026).

29. Ordonnance du Roi concernant l'organisation de la Gendarmerie royale : du 29 octobre 1820 / Louis XVIII. Paris: Imprimerie Royale, 1820. [Электронный ресурс]. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6572081d/f1.image (дата обращения: 30.01.2026).

30. Recrutement à la Musique de la Gendarmerie Mobile // Fédération Batterie-Fanfare: portail de la musique d'ordonnance. [Электронный ресурс]. URL: https://www.batterie-fanfare.fr/recrutement-a-la-musique-de-la-gendarmerie-mobile/ (дата обращения: 30.01.2026).

31. Schmidt C. La gendarmerie nationale: essai de doctrine: [диссертация] / Charles Schmidt; Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne. Paris, 2019. 612 с. [Электронный ресурс]. URL: https://theses.hal.science/tel-02459016/file/SCHMIDT.pdf (дата обращения: 30.01.2026).

References

1. Andreeva I.A. Genesis, formation and development of the National Gendarmerie of France / I.A. Andreeva // Electronic supplement to the Russian Juridical Journal. 2011. No. 6. [Electronics resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-stanovlenie-i-razvitie-natsionalnoy-zhandarmerii-frantsii-1 (date of access: 13.11.2025).

2. Heraldry: research and practice: materials of the scientific conference, February 20-22, 2019 / The State Hermitage. St. Petersburg: State Hermitage Publishing House, 2020. P. 281-292.

3. Lantsova O.M. Tasks and organizational structure of the French Gendarmerie / O.M. Lantsova // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2007. No. 4. [Electronics resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zadachi-i-organizatsionnaya-struktura-frantsuzskoy-zhandarmerii (date of access: 13.11.2025).

4. On the National Guard Troops of the Russian Federation: Federal Law of July 03, 2016 No. 226-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 27 (Part I). Art. 4159.

5. On the heraldic support of the Armed Forces of the Russian Federation: Order of the Minister of Defense of the Russian Federation of July 10, 2017 No. 434 // Bulletin of normative acts of federal executive bodies. 2017. No. 94.

6. Académie militaire des officiers de la gendarmerie nationale (AMGN): Formation // Gendarmerie nationale: [official website]. [Electronics resource]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/amgn/formation (date of access: 30.01.2025).

7. Aiguillette blanche Gendarmerie Départementale (Cérémonie) // Balp France: Fournisseur de l'administration depuis 1830. [Electronics resource]. URL: https://balp-france.fr/fr/accessoires-pour-sabre/199-aiguillette-blanche-gendarmerie-departementale-ceremonie.html (date of access: 30.01.2025).

8. Calot Gendarmerie Départementale – Patrol Équipement // VetSécurité: boutique spécialisée. [Electronics resource]. URL: https://vetsecurite.com/calots-kepis/43457-calot-gendarmerie-departementale-patrol-equipement.html (date of access: 02.02.2025).

9. Centre national d'instruction cynophile de la gendarmerie (CNICG) // Gendarmerie nationale. [Electronics resource]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/cegn/les-centres-de-formation/centre-national-d-instruction-cynophile-de-la-gendarmerie-cnicg (date of access: 30.01.2025).

10. Commandement des Écoles de la Gendarmerie Nationale (CEGN) // Gendarmerie nationale. [Electronics resource]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/cegn/les-ecoles-de-gendarmerie (date of access: 30.01.2025).

11. Écusson brodé COMCYBERGEND // Paul Boyé: vente directe aux forces de l'ordre. [Electronics resource]. URL: https://paulboye-ventedirecte.fr/ecussons-brodes/13786-ecusson-brode-comcybergend.html (date of access: 30.01.2025).

12. Écusson DGGN – Direction Générale de la Gendarmerie Nationale // Arsenal Collection: équipements pour les forces de l'ordre. [Electronics resource]. URL: https://arsenalcollection. com/ecusson-gendarmerie-blason/5612-ecusson-dggn-direction-generale-de-la-gendarmerie-na ti onale-et-des-grands-commandements-sur-scratch.html (date of access: 30.01.2025).

13. Écusson Gendarmerie Maritime // GITC: équipements pour les professionnels. [Electronics resource]. URL: https://www.gitc.fr/produit/ecusson-gendarmerie-maritime-2/ (date of access: 30.01.2025).

14. Écusson Groupement Blindé de la Gendarmerie Mobile (GBGM) // Habimat: matériels pour les forces de l'ordre. [Electronics resource]. URL: https://www.habimat-shop.com/galons-gendarmerie/982-ecusson-groupement-blinde-gendarmerie-mobile.html (date of access: 30.01.2025).

15. Écusson Section de Recherches – Versailles // Fraternité Police: boutique spécialisée. [Electronics resource]. URL: https://fraternitepolice.fr/produit/ecusson-section-de-recherches-versailles-brode/ (date of access: 30.01.2025).

16. Gendarmerie de l'Air // Police-Nationale.net: missions et organisation des forces de sécurité. [Electronics resource]. URL: https://www.police-nationale.net/gendarmerie-air/ (date of access: 30.01.2025).

17. GIGN: Groupe d'intervention de la Gendarmerie nationale // Gendarmerie nationale. [Electronics resource]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/gign (date of access: 30.01.2025).

18. GSAN: Gendarmerie de la Sécurité de l'Armement Nucléaire // Police-Nationale.net: missions et organisation des forces de sécurité. [Electronics resource]. URL: https://www.police-nationale.net/gsan/ (date of access: 30.01.2025).

19. Insignes de la gendarmerie nationale. Tome 1: Les origines, les insignes homologués avant 1996 / Service historique de la Défense; sous la dir. de Richard Filmotte. Vincennes: SHD, 2004.

20. Instruction n° 1515/SGA/DMCA/SHD/DHS/DSD du 16 mai 2022 sur les filiations et l'héritage de tradition des unités dans les armées et dans la gendarmerie nationale. Paris: Bulletin officiel des armées, 2022.

21. Jaffré S. Des insignes de gendarmerie / Serge Jaffré. Metz: [s. n.], 2012. – 1 vol. ([74] p.): ill. [Electronics resource]. URL: http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb36628133t (date of access: 30.01.2025).

22. La Garde républicaine // Gendarmerie nationale. [Electronics resource]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/garde-republicaine/ (date of access: 30.01.2025).

23. La gendarmerie de l'Armement célèbre ses 50 ans // Gendinfo.fr: le média d'information de la Gendarmerie nationale. 2023. [Electronics resource]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/gendinfo/en-images/la-gendarmerie-de-l-armement-celebre-ses-50-ans (date of access: 30.01.2025).

24. La Gendarmerie maritime // Gendarmerie nationale. [Electronics resource]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/notre-institution/notre-organisation/la-gendarmerie-maritime (date of access: 30.01.2025).

25. La prévôté: racine et ancrage militaire de la gendarmerie // Gendinfo.fr: le média d'information de la Gendarmerie nationale. [Electronics resource]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/gendinfo/dossiers/la-gendarmerie-a-l-international/la-prevote-racine-et-ancrage-militaire-de-la-gendarmerie (date of access: 30.01.2025).

26. Le 16 février 1791: la naissance de la Gendarmerie // Gendinfo: le média institutionnel de la Gendarmerie nationale. 2021. [Electronics resource]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/gendinfo/histoire/le-16-fevrier-1791-la-naissance-de-la-gendarmerie (date of access: 30.01.2025).

27. Le képi du gendarme // VetSécurité: [blog]. [Electronics resource]. URL: https://vetsecurite.com/en/blog/the-gendarme-s-kepi-n190 (date of access: 30.01.2025).

28. L'Inspection générale de la gendarmerie nationale (IGGN) // Gendarmerie nationale. [Electronics resource]. URL: https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/notre-institution/notre-organisation/le-niveau-central/l-inspection-generale-de-la-gendarmerie-nationale-iggn (date of access: 30.01.2025).

29. Ordonnance du Roi concernant l'organisation de la Gendarmerie royale: du 29 octobre 1820 / Louis XVIII. Paris: Imprimerie Royale, 1820. [Electronics resource]. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6572081d/f1.image (date of access: 30.01.2025).

30. Recrutement à la Musique de la Gendarmerie Mobile // Fédération Batterie-Fanfare: portail de la musique d'ordonnance. [Electronics resource]. URL: https://www.batterie-fanfare.fr/recrutement-a-la-musique-de-la-gendarmerie-mobile/ (date of access: 30.01.2025).

31. Schmidt, C. La gendarmerie nationale: essai de doctrine: [dissertation] / Charles Schmidt; Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne. Paris, 2019. 612 p. [Electronics resource]. URL: https://theses.hal.science/tel-02459016/file/SCHMIDT.pdf (date of access: 30.01.2025).

Информация об авторах

Авдошин Вадим Владимирович, Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (111250, Москва ул. Красноказарменная, 9а).

Анисимов Всеволод Русланович, Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (111250, Москва ул. Красноказарменная, 9а).

Information about the authors

Vadim V. Avdoshin, Main Research Center of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation (111250, Moscow, Krasnokazarmennaya st., 9a).

Vsevolod R. Anisimov, Main Research Center of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation (111250, Moscow, Krasnokazarmennaya st., 9a).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 355.48
EDN: https://elibrary.ru/UDDHZH

ПОГРАНИЧНЫЙ КОНФЛИКТ КАК ПРОЛОГ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Виноградов Андрей Васильевич
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
vinogrand@rambler.ru

Аннотация. В статье приводятся определения вооруженного конфликта, локальной войны. Рассматривается пограничный конфликт как вид вооруженного конфликта. На исторических примерах иллюстрируется как пограничные конфликты и локальные войны перетекали в мировые войны. Делается вывод о нестабильности современной политической обстановки в мире, которая в ходе участившихся пограничных конфликтов может вылиться в мировую войну.

Ключевые слова: пограничный конфликт, вооруженный конфликт, локальная война, территориальные споры, мировая обстановка, передел территорий, сферы влияния, мировая война.

Для цитирования: Виноградов А.В. Пограничный конфликт как пролог мировой войны // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 1 (10). С. 78-83.

BORDER CONFLICT AS A PROLOGUE TO WORLD WAR

Andrey V. Vinogradov
Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard troops of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
vinogrand@rambler.ru

Abstract. The article provides definitions of armed conflict and local war. It examines border conflict as a type of armed conflict. Historical examples illustrate how border conflicts and local wars have escalated into world wars. The article concludes that the current political instability in the world, which has led to increased border conflicts, could potentially escalate into a global war.

Keywords: border conflict, armed conflict, local war, territorial disputes, global situation, redistribution of territories, spheres of influence, and world war.

For citation: Vinogradov A.V. Border conflict as a prologue to world war // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 1 (10). P. 78-83.

Введение

Со второй половины XX столетия в мире было зафиксировано свыше 500 локальных войн и вооружённых конфликтов. Подобные противостояния оказывали значительное воздействие как на систему межгосударственных отношений в регионах их возникновения, так и на последующее развитие политических и экономических процессов в других странах. Современные исследования в области политологии свидетельствуют о том, что вероятность возникновения новых конфликтов не снижается, а, напротив, демонстрирует тенденцию к росту, что определяет устойчивую актуальность их научного анализа.

©Виноградов А.В., 2026

Понятие «локальная война» трактуется как вооружённое противоборство между двумя или несколькими государствами, протекающее в пределах их территорий и ограниченное по целям и масштабам с позиции интересов ведущих мировых акторов. Как правило, такие конфликты сопровождаются прямым либо опосредованным участием крупных держав, которые используют их как инструмент реализации собственных геополитических стратегий. Под термином «локальная война» понимается война с участием двух или нескольких государств в границах их территорий, ограниченная по целям и масштабам с точки зрения интересов великих держав. Локальные войны, как правило, ведутся при прямой или косвенной поддержке крупных держав, которые могут использовать их для достижения собственных геополитических целей.

Вооруженный конфликт – это вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противоборствующими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт) [1, с. 4].

Отличие военного конфликта от локальной войны заключается в том, что война – это определенное состояние страны, а конфликт – в основном состояние вооруженных сил (отдельной их части). При вооруженном конфликте война не объявляется и не осуществляется переход страны на военное положение.

Международный вооруженный конфликт может перерасти в локальную войну, внутренний вооруженный конфликт – в гражданскую войну.

Пограничный конфликт является одной из разновидностей вооруженного конфликта.

Пограничные конфликты – это противоречия между сопредельными государствами, выливающиеся в открытые столкновения на государственной границе, в её нарушения [2]. Данное явление часто носит вооруженный характер и может перерастать в серьезные военные столкновения в приграничье.

Поводом пограничного конфликта могут быть:

- акты насилия над населением (ограбления, мародёрства), находящимся вблизи границы государства со стороны другого государства;

- террористическая деятельность какой-либо стороны по отношению к другой, дестабилизирование какими-либо способами обстановки в приграничном регионе;

- смещение пограничных столбов или других специальных пограничных знаков для формального увеличения территории;

- экономические споры стран региона по ресурсам и т.п.

Пограничные конфликты возникают под воздействием различных факторов.

Во-первых, их причиной могут выступать этнические противоречия (например, противостояние между Эфиопией и Сомали в 1977 году).

Во-вторых, они нередко формируются вследствие политического разделения территорий по линии боевого соприкосновения, как это произошло на Корейском полуострове после завершения Корейской войны.

В-третьих, приграничные столкновения могут выступать сигналом нарастающей напряжённости и предвосхищать более масштабные военные действия, что наблюдалось накануне Гражданской войны в США.

Кроме того, ряд конфликтов обусловлен историческим наследием колониальной эпохи (например, война за Фолклендские острова 1982 года, индо-пакистанское противостояние 1971 года, а также обострения на границе Индии и Пакистана).

Значимым фактором выступают религиозные противоречия (в частности, столкновения между Ираком и Саудовской Аравией в 1941 году), а также экономические интересы, связанные с использованием ресурсов, как это имело место в споре между Ираном и Ираком за контроль над водным путём Шатт-эль-Араб, ставшем одной из причин «танкерной войны» 1980-1988 гг.

Отдельную группу причин составляют нерешённые вопросы делимитации и демаркации государственных границ, а также различия в интерпретации международных соглашений и статусе отдельных территорий. Так, значительное количество спорных участков сохраняется в районе китайских границ, включая Парасельские острова, на которые претендуют Вьетнам и Тайвань, а также проблему статуса самого Тайваня [3].

Особую остроту вопросы установления границ приобрели для государств, образовавшихся после распада СССР. Наиболее заметные приграничные конфликты в постсоветском пространстве были зафиксированы в Закавказье и Центральной Азии, включая Нагорно-Карабахский конфликт между Арменией и Азербайджаном, а также противостояния в Грузии (Абхазия и Южная Осетия). Сохраняются и разногласия вокруг границы Молдовы и непризнанной Приднестровской Молдавской Республики.

Таким образом, вооружённые конфликты можно классифицировать по характеру противоречий, лежащих в их основе: политические, экономические, территориальные, национально-этнические и религиозные [4, с. 197].

К характерным чертам пограничных вооруженных конфликтов можно отнести:

1) начинаются без объявления войны;

2) ограничены по времени;

3) ограниченный пространственный размах (сопредельные пограничные территории);

4) окончание боевых действий путем перемирия и заключения мирного соглашения.

Однако в истории есть примеры, когда пограничные конфликты перерастали в локальные войны, а локальные войны – в региональные, а в последствии и в мировые.

Накануне Первой мировой войны происходили пограничные конфликты в разных регионах мира: на Балканах, Ближнем Востоке, в Африке и на Дальнем Востоке. Эти конфликты были связаны с борьбой за передел территорий, сфер влияния и ресурсов.

Первая Балканская война (1912-1913 гг.) представляла собой вооружённое противостояние между Османской империей и союзом балканских государств, включавшим Болгарию, Грецию, Сербию и Черногорию. Основной задачей Балканского союза являлось освобождение территорий, населённых родственными народами, от османского господства [5].

Вторая Балканская война (1913 г.) развернулась уже между бывшими союзниками: Болгарией, с одной стороны, и коалицией в составе Греции, Сербии и Черногории, к которым присоединились Румыния и Османская империя, – с другой. Причиной конфликта стали разногласия по поводу раздела территорий, полученных в результате первой войны [6].

На Ближнем Востоке обострение международной обстановки было связано с борьбой ведущих держав за влияние в арабских регионах. Германия стремилась укрепить свои позиции во владениях Османской империи и тем самым создать угрозу интересам Великобритании. Франция преследовала цель установления контроля над Сирией и Киликией, тогда как Великобритания ориентировалась на захват Ирака и Палестины и закрепление своего присутствия в Египте.

В Африке значительную роль сыграли Марокканские кризисы 1905 и 1911 годов, вызванные соперничеством Франции и Германии за влияние в султанате Марокко. Несмотря на отсутствие прямых боевых действий, напряжённость была высокой; в итоге Франция уступила Германии часть территорий в Конго в качестве компенсации [7].

На Дальнем Востоке усиливались противоречия между Соединёнными Штатами и Японией, связанные с борьбой за влияние в Китае. Это соперничество способствовало росту общей напряжённости в регионе и в акватории Тихого океана.

Все эти конфликты привели к началу Первой мировой войны, которая продлилась с 1914 по 1918 год.

Пограничные и вооруженные конфликты имели место и перед Второй мировой войной.

Конфликт между СССР и Китаем на КВЖД 1928 г. [8].

Оккупация Маньчжурии Японией (18 сентября 1931 г. – 18 февраля 1932 г.) в рамках Второй японо-китайской войны.

Итало-эфиопская война 1935-1936 гг. (Вторая итало-абиссинская война) – война между Итальянским королевством и Эфиопией, итогом которой стала аннексия последней и провозглашение на её месте, с присоединением колоний Эритрея и Итальянское Сомали, колонии Итальянская Восточная Африка [9].

Ремилитаризация Рейнской области (7 марта 1936 г.) – ввод немецких войск.

Аншлюс Австрии (11-13 марта 1938 г.) – присоединение Австрии к Германии.

Мюнхенское соглашение (1938 г.) – вторжение Германии в Судетскую область Чехословакии, раздел Чехословакии между Германией, Польшей и Венгрией, создание Протектората Богемии и Моравии.

Конфликт между СССР и Японией: боевые действия на озере Хасан 1938 г., боевые действия на реке Халхин-Гол 1939 г.

Как итог 1 сентября 1939 г. вторжение Германии в Польшу и начало Второй мировой войны.

В настоящее время пограничные конфликты также имеют место в мире.

Вспыхнувший вновь конфликт между Индией и Пакистаном (май 2025 г.).

Пограничный конфликт между Таиландом и Камбоджей из-за храмового комплекса (2025 г.).

Возобновление старого территориального конфликта между Афганистаном и Пакистаном (2025 г, февраль 2026 г.).

На Ближнем Востоке пограничный конфликт перерос в локальную войну Израиля с сопредельными странами (Палестинские территории (Палестино-Израильская война (7 октября 2023 г. по н.в.), Ливан, Йомен, Сирия), 12-дневная война с Ираном [10].

Заключение

Таким образом, возникновение очагов напряженности, выразившихся в пограничных конфликтах на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и в других регионах мира, говорит о нарастании напряженности во всем мире. Попытки решить старые территориальные споры, свержения «невыгодных» режимов соседними странами вооруженным способом приводят в настоящее время к локальным и региональным войнам. В современном глобальном мире, где в любом региональном конфликте увязаны интересы не только региональных держав (война Израиля и США против Ирана), но и крупных мировых «игроков», вовлекает последних к участию в этих конфликтах на одной из сторон. Вместе с тем последствия региональных войн могут оказывать влияние на всю мировую экономику. Все это, как показывает история, может привести к глобальной (мировой) войне.

К сожалению, вопрос безопасности мира в настоящее время стоит очень остро. Любой пограничный конфликт может перерасти в локальную войну, а локальная война вырасти в Третью мировую войну.

Список источников

1. Виноградов А.В. Локальные войны: учебное пособие. Новосибирск: Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. 97 с.

2. Большая Советская энциклопедия (БСЭ). [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru (дата обращения: 24.02.26).

3. Приграничные конфликты и споры // «Отечественные записки». [Электронный ресурс]. URL: https://strana-oz.ru/2002/6 (дата обращения: 24.02.26).

4. Виноградов А.В. Военная история и история войск национальной гвардии: учебное пособие. Новосибирск: Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. 340 с.

5. Первая Балканская война. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/ Первая_Балканская_война (дата обращения: 24.01.26).

6. Вторая Балканская война. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Вторая_Балканская_война (дата обращения: 24.01.26).

7. Первый и второй кризисы в Марокко. [Электронный ресурс]. URL: https:// spravochnick.ru/istoriya/pervyy_i_vtoroy_krizisy_v_marokko/ (дата обращения: 26.01.26).

8. Конфликт на Китайско-Восточной железной дороге. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Конфликт_на_Китайско-Восточной_железной_дороге (дата обращения: 24.01.26).

9. Вторая итало-эфиопская война. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/ Вторая_итало-эфиопская_война (дата обращения: 24.01.26).

10. 12-дневная война. [Электронный ресурс]. URL: https://руни.рф/12-дневная_война (дата обращения: 24.01.26).

References

1. Vinogradov A.V. Local wars: a textbook. Novosibirsk: NVI VNG named after Army General I.K. Yakovlev of the Russian Federation, 2025. 97 p.

2. Great Soviet Encyclopedia (TSB). [Electronic resource]. URL: https://dic.academic.ru (access date: 24.02.26).

3. border conflicts and disputes//" Domestic notes. " [Electronic resource]. URL: https://strana-oz.ru/2002/6 (date of access: 24.02.26).

4. Vinogradov A.V. Military history and history of the National Guard troops: a textbook. - Novosibirsk: Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute. Army General I.K. Yakovlev troops of the National Guard of the Russian Federation, 2024. 340 p.

5. First Balkan War. [Electronic resource]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/ First _ Balkan _ War (date of access: 24.01.26).

6. Second Balkan War. [Electronic resource]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/ Вторая_ Балканская_война (date of access: 24.01.26).

7. First and second crises in Morocco. [Electronic resource]. URL: https://spravochnick.ru/istoriya/pervyy_i_vtoroy_krizisy_v_marokko/ (date of access: 26.01.26).

8. Conflict on the Sino-Eastern Railway. [Electronic resource]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Конфликт_на_Китайско-Восточной_железной_дороге (date of access: 24.01.26).

9. The Second Italo-Ethiopian War. [Electronic resource]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/ Вторая_итало-эфиопская_война (date of access: 24.01.26).

10. 12-Day War [Electronic resource]. URL: https://руни.рф/12-дневная_война (date of access: 24.01.26).

Информация об авторе

Виноградов Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Andrey V.Vinogradov, candidate of historical sciences, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Научная статья
УДК 327.8
EDN: https://elibrary.ru/JWVVSH

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПОЛЬСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

Гавриленко Мария Витальевна
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
maria791gavrilenko@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматривается отражение ключевых событий Второй мировой войны в польских учебных пособиях по истории. Автор, анализируя содержание определенных глав, затрагивающих основные события Второй мировой войны, приходит к выводу о значительном искажении и фальсификации истории Второй мировой войны со стороны авторов рассматриваемых учебников. Все это является частью информационной гибридной войны против России, которая началась еще задолго до специальной военной операции. Безусловно, акцент в рассматриваемых учебниках делается на потерях среди польского народа, роли Советского Союза как оккупационного государства, государтства-агрессора.

Ключевые слова: история, Вторая мировая война, Польша, учебники, фальсификация, фашизм.

Для цитирования: Гавриленко М.В. Вторая мировая война в польских учебниках истории // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 1 (10). С. 84-88.

WORLD WAR II IN POLISH HISTORY TEXTBOOKS

Maria V. Gavrilenko
Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
maria791gavrilenko@yandex .ru.

Abstract. This article examines the portrayal of key events of World War II in Polish history textbooks. Analyzing the content of certain chapters covering key events of World War II, the author concludes that the authors of these textbooks have significantly distorted and falsified the history of World War II. This is all part of the hybrid information war against Russia, which began long before the special military operation. Certainly, the textbooks emphasize the losses among the Polish people and the role of the Soviet Union as an occupying power, an aggressive country.

Keywords: history, World War II, Poland, textbooks, falsification, fascism.

For citation: Gavrilenko M.V. World war ii in polish history textbooks // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 1 (10). P. 84-88.

Введение

К сожалению, в настоящее время в современных польских социально-гуманитарных науках происходит смещение значения победы СССР над фашистской Германией. Фокус исследования меняется на то, что боевые действия советских войск на территории Польши – это ни что иное как «смена

©Гавриленко М.В., 2026

оккупационного режима». Тем самым польские историки ставят знак равенства между коммунизмом и нацизмом, акцентируя внимание на том, что «Сталин и Гитлер причинили одинаковое зло польскому народу» [1, с. 77]. Политическая позиция, изложенная в польских учебниках истории, несомненно, служит средством формирования национального самосознания и мировоззрения польской молодежи.

Задача авторов подобных учебников – показать, что именно Советский Союз ставил под угрозу существование Польши как отдельного и независимого государства. В анализе военных событий Второй мировой войны в рассматриваемых учебниках очевидно прослеживается линия, что их исход напрямую зависел от участия в них польских войск [2, с. 209-210].

Основной акцент делается на героизме поляков, в то время как роль советских войск в сражениях Второй мировой войны значительно преуменьшена. Интересен тот факт, что главными событиями Второй мировой войны, согласно польской историографии, представлены оборонительные сражения, которые имели место осенью 1939 года. На наш взгляд, повествование наводит учащихся на мысли, что Польша абсолютно самостоятельно боролась конкретно за свою независимость от фашистской Германии, а не за общую победу над фашизмом [3, с. 60].

Нельзя не отметить, что в изложении боевых действий авторами учебников делается акцент на героизм поляков, мужественно сопротивляющихся советским войскам. Основная концепция проанализированных нами польских учебников: Польша существенно пострадала от столкновения и противоборства двух стран – агрессоров, двух идеологий – нацизма и коммунизма. Вина за пакт Молотова-Риббентропа, по мнению польских историков, лежит на Сталине и на Советском Союзе. Этот пакт оценивается как помощь и уступка Гитлеру со стороны СССР [4, с. 132].

Такой подход рисует образ врага в лице советского народа перед польскими учащимися. Слово «освобождение» используется авторами учебных пособий, когда речь идет исключительно о боевых действиях польских войск, а не советских. Такая предвзятость и избирательный субъективный подход польских историографов неизбежно ведут за собой фальсификацию ключевых событий Второй мировой войны.

Материалы и методы

Методологической основой статьи послужили работы О.В. Петриковской, которая является ведущим историографом-аналитиком в области стратегических исследований стран ближнего зарубежья.

В основе ее работ, где О.В. Петриковская анализирует попытки фальсификации истории России в зарубежных учебниках истории, применяются сравнительно-исторический метод, метод исторической реконструкции, а также ретроспективный метод и метод контент-анализа.

Источниковой базой исследования послужили самые популярные и распространенные в старших классах школ и лицеев учебники истории, изданные в Польше на польском языке: М. Кузняк «История. Вчера и сегодня» (Historia. Wczoraj i dziś), М. Залесский, А. Нерадо «Historia. Klasa...».

Результаты исследования

Таким образом, можно сделать вывод, что в польских учебниках истории, в разделах, посвященных Второй мировой войне, присутствует искажение исторической правды [5, с. 160].

Итоги войны рассматриваются с позиций интересов народа (акцент на борьбу поляков за независимость), а не с позиции государственных интересов. Этот этноцентрический подход придает изложению излишний субъективизм и эмоциональность, что, безусловно, снижает научную ценность данных изданий [6, с. 102]. Создается впечатление, что Польша одновременно и самостоятельно сражалась с двумя противниками: Германией и СССР. При этом даже действия украинских националистов интерпретиру-

ются как борьба с войсками НКВД. Украинские националисты выглядят народными героями и отважными партизанами, в то время как СССР напрямую обвиняется в депортации поляков, масштабы которой значительно завышены авторами, и в Катынском расстреле [7, с. 87].

Хочется подчеркнуть тот факт, что тема Второй мировой войны в польских учебниках истории стала своеобразным маркером построения новой национальной идентичности. Польша представлена как жертва двух тоталитарных режимов. Термин «Великая Отечественная война» не только не используется в изложении содержания, но даже несет в себе негативную коннотацию. В некоторых современных учебниках можно увидеть термин «русско-немецкая война» [8, с. 204]. Советский режим представлен гораздо более вредоносным для польского народа, чем фашизм. Случаи коллаборационизма оправдываются тем, что поляки увидели в немцах освободителей от советской оккупации, но с течением времени у поляков наступило разочарование и в них. Коллаборационизму придается характер национального освободительного движения. Понятие «патриотизм» практически не используется в польских учебниках, а заменено понятием «национальная идентичность» [9, с. 204].

Таким образом, польское освещение событий Второй мировой войны происходит в контексте анализа стратегических ошибок и тактических просчетов Гитлера, а ведущая роль СССР в победе над фашизмом вообще отрицается польскими историками.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод, что, фальсифицируя историческую правду о Второй мировой войне, Польша пытается встроиться в общеевропейскую идентичность. Слова «патриотизм», «народ», «этнос», «нация» ограничены в использовании. Поляки представляют себя «гражданами мира».

После прочтения глав о разделе Чехословакии создается впечатление, что Польша вообще в нем не участвовала. В проанализированных нами учебниках основной идеей является то, что поляки в большинстве своем были против коммунизма, видя в нем только военную диктатуру и жестокие репрессии. Неслучайно, одним из важнейших государственных праздников в Польше является «День проклятых солдат» – это солдаты, которые боролись с коммунистическим режимом [10, с. 258].

Нельзя не отметить тот факт, что количество репрессированных и депортированных поляков в учебниках увеличено как минимум в три раза (1,7 миллионов вместо 150 тысяч, по официальным данным, основывающимся на архивных документах). При этом количество поляков, погибших во время Второй мировой войны от немецких захватчиков, составляет 5 миллионов человек, но даже эта цифра не является аргументом для польских историков в том, что недопустимо ставить знак равенства между СССР и Германией. Напротив, подчеркивается, что Сталин намеренно обострял отношения между Германией и Польшей, тем самым ставя Польшу в зависимое от СССР положение.

Соединенным Штатам приписывается ведущая роль в борьбе над фашизмом, то есть проамериканская позиция польских историков весьма очевидна.

Кроме того, польские историки доказывают целесообразность использования ядерного оружия США против японских городов Хиросимы и Нагасаки.

Польские историографы считают, что в противном случае противостояние США и Японии бы затянулось на несколько десятилетий, а потери США в этом конфликте были бы значительно больше.

Геноцид евреев со стороны поляков оправдывается тем, что «евреи массово переходили на сторону советской власти» и активно сотрудничали с ней». Поляки считают, что для них война закончилась не в мае 1945 года, а в 1989 году и выражают недовольство послевоенными восточными и западными границами [11, с. 158].

В заключение можно сказать, что основными причинами фальсификации истории Второй мировой войны в польских учебниках истории является геополитическое давление на Польшу со стороны стран Западной Европы и США, стремление Польши сформировать антироссийские настроение у польской молодежи и органично встроить историю и культуру своей страны в общеевропейские и общеамериканские стандарты и ценности.

Нельзя не отметить, что одна из основных причин подобного искажения фактов, фальсификации и подмены понятий заключается в национальном менталитете поляков. В ментальности польского народа прочно закреплен образ страдающего героя-жертвы, который кидается с ножом под танки. Этот образ страдающей от несправедливостей мира страны-жертвы ясно виден в изложении материала и интерпретации фактов и событий Второй мировой войны польскими историками.

Список источников

1. Петровская О.В. «Оккупация» и «оккупанты»: польские учебники истории о Второй мировой войне / О.В. Петровская. Текст: непосредственный // Июнь 1941 г.: трагедия и героизм: материалы регионального круглого стола, посвященного 70-летию начала Великой Отечественной войны, Брест, 31 мая 2011 г. / Министерство образования Республики Беларусь, Брестский государственный технический университет; редколлегия: А.В. Мощук, М. В. Стрелец, А.Н. Баюра [и др.]. Брест: БрГТУ, 2021. С. 74-80.

2. Петровская О.В. Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках и сознании школьников славянских стран, 2024. М.: РИСИ. С. 205-250.

3. Вишневски Э. Вторая мировая война в современных польских учебниках истории. Вторая мировая и Великая Отечественная война в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации: материалы Международной конференции (8-9 апреля 2010 г. Москва). М.: РИСИ. С. 58-77.

4. Вассоевич А.Л. События Второй мировой войны в школьных учебниках объединенной Германии. Вторая мировая и Великая Отечественная война в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации: материалы Международной конференции (8-9 апреля 2010 г. Москва). М.: РИСИ. С. 130-135.

5. Едемский А.Б. К проблеме амбициозной задачи создания единого общеевропейского учебника по истории Европы: как в нем будут представлены Вторая мировая война и роль СССР в победе над нацизмом. Вторая мировая и Великая Отечественная война в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации: материалы Международной конференции (8-9 апреля 2010 г. Москва). М.: РИСИ. С. 154-164.

6. Григорьев М.С. Военные преступления киевского режима: материалы Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов 2023-2024 гг. / М.С. Григорьев, Д.В. Саблин. М.: Вече, 2025. 269 с.

7. Григорьев М.С. Обыкновенный фашизм: украинские военные преступления и нарушения прав человека (2017-2020) / М.С. Григорьев, Д.В. Саблин; [Фонд исследования проблем демократии]. М.: Международные отношения, 2021. 453 с.

8. История Польши: монография / М.С. Григорьев, Г. Грабаускас, А.Р. Дюков [и др.]; Фонд исследования проблем демократии, Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. М.: Международные отношения, 2025. 413 с.

9. История Украины: монография / М.С. Григорьев, В.Н. Дейнего, А.Р. Дюков [и др.]; Фонд исследования проблем демократии. М.: Международные отношения, 2022. 646 с.

10. Лесная Г.М. История и культура Польши: материалы Международной конференции (8-9 апреля 2019 г. Москва). М.: РИСИ. С. 254-260.

11. Гжегож Мотыка. Historia Polski. Nowa Era, 2023. 276 с.

References

1. Petrovskaya, O.V. "Occupation" and "Occupiers": Polish History Textbooks on World War II / O.V. Petrovskaya. Text: direct // June 1941: tragedy and heroism: materials of the regional round table dedicated to the 70th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War, Brest, May 31, 2011 / Ministry of Education of the Republic of Belarus, Brest State Technical University; editorial board: A.V. Moshchuk, M.V. Strelets, A.N. Bayura [and Brest: BrSTU, 2021. P. 74-80.
2. Petrovskaya O.V. The Second World War and the Great Patriotic War in textbooks and minds of schoolchildren of Slavic countries, 2024. M.: RISI. P. 205-250.
3. Vishnevski E. The Second World War in Modern Polish History Textbooks. The Second World War and the Great Patriotic War in the History Textbooks of the CIS and EU Countries: Problems, Approaches, and Interpretations: Proceedings of the International Conference (April 8-9, 2010, Moscow). M.: RISI. P. 58-77.
4. Vassoevich A.L. The Events of the Second World War in the School Textbooks of the United Germany. The Second World War and the Great Patriotic War in the History Textbooks of the CIS and EU Countries: Problems, Approaches, and Interpretations: Proceedings of the International Conference (April 8-9, 2010, Moscow). M.: RISS. P. 130-135.
5. Edemsky A.B. On the problem of the ambitious task of creating a single pan-European textbook on European history: how the Second World War and the role of the USSR in the victory over Nazism will be presented in it. The Second World War and the Great Patriotic War in the history textbooks of the CIS and EU countries: problems, approaches, interpretations: proceedings of the International Conference (April 8-9, 2010, Moscow). M.: RISI. P. 154-164.
6. Grigoriev M.S. War crimes of the Kiev regime: proceedings of the International Public Tribunal for Crimes of Ukrainian Neo-Nazis 2023-2024.S. Grigoriev, D.V. Sablin. M.: Veche, 2025. 269 p.
7. Grigoriev, M.S. Ordinary Fascism: Ukrainian War Crimes and Human Rights Violations (2017-2020) / M.S. Grigoriev, D.V. Sablin; [Foundation for Research on Democracy]. M.: International Relations, 2021. 453 p.
8. History of Poland: A Monograph / M.S. Grigoriev, G. Grabauskas, A.R. Dyukov, [et al.]; Foundation for Research on Democracy Issues, Foundation for Support and Protection of the Rights of Compatriots Living Abroad. Moscow: International Relations, 2025. 413 p.
9. History of Ukraine: a monograph / M.S. Grigoriev, V.N. Deinego, A.R. Dyukov [et al.]; Foundation for the Study of Problems of Democracy. Moscow: International Relations, 2022. 646 p.
10. Lesnaya G.M. History and Culture of Poland. Materials of the International Conference (April 8-9, 2019, Moscow). M.: RISS. P. 254-260.
11. Grzegorz Motyka. Historia Polski. Nowa Era, 2023. 276 p.

Информация об авторе

Гавриленко Мария Витальевна, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Informormation about the author

Maria V. Gavrilenko, candidate of historical sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630014, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Научная статья
УДК 93/94
EDN: https://elibrary.ru/OTZIRT

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ АРМИИ ВОЕННЫМ МИНИСТРОМ Д.А. МИЛЮТИНЫМ

Козлов Вячеслав Александрович
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
slavaslavik741@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается анализ проведения военных реформ министром Д.А. Милютиным, который проводил их на основе выводов, сделанных императором Александром II после неудачной Крымской войны, где выявились проблемы русской армии, где наиболее важные – техническое отставание, система комплектования и подготовки офицерских кадров, которые назревали, начиная с конца XVII века.

Ключевые слова: военные реформы, Д.А. Милютин, вооружение, комплектование, русская армия, Российская империя.

Для цитирования: Козлов В.А. Актуальные вопросы реформирования русской армии военным министром Д.А. Милютиным // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 1 (10). С. 89-97.

ACTUAL ISSUES OF REFORMING THE RUSSIAN ARMY BY MILITARY MINISTER D.A. MILYUTIN

Vyacheslav A. Kozlov
Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
slavaslavik741@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the implementation of military reforms by Minister D.A. Milyutin, who carried them out based on the conclusions made by Emperor Alexander II after the unsuccessful Crimean War, which revealed the problems of the Russian army, including its technical backwardness and the system of recruitment and training of officers, which had been brewing since the late 17th century.

Keywords: military reforms, D.A. Milyutin, armament, recruitment, Russian army, Russian Empire.

For citation: Kozlov V.A. Actual issues of reforming the russian army by military minister D.A. Milyutin // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 1 (10). P. 89-97.

Введение

Военная организация в качестве одной из важнейших составляющих государственного устройства была и остаётся объектом внимания как на самом высоком политическом уровне, так и у простых граждан страны, которые видят в ней защиту от угроз извне, защиту своей жизни. К армии всегда были прикованы взгляды многих учёных, мыслителей, военных теоретиков и полководцев, которые, начиная с древнейших времён, посвящали свои труды её содержа-

©Козлов В.А., 2026

нию и функционированию. Так, Платон в своём труде «Государство» отмечал, что в идеальном государстве войны должны вестись только оборонительные [1]. Знаменитый полководец средневекового Китая Юэ Фэй: ... «выстроить войско в боевом порядке, а потом вступать в битву – это обычное правило войны; секрет же применения войска таится в Едином Сердце» [2]. Макиавелли считал, что лучшая армия – та, «которая составляется из самих же граждан, и только этим путем можно такую армию образовать … Средством ведения войны является войско, состоящее из гарнизонов крепостей и городов, усиливаемых во время войны, и полевых войск, которые в мирное время распускались» [3].

В конце XVII века царём Петром I для вывода России из отсталого второстепенного государства требовалось ликвидировать ее изоляцию от развитых европейских государств. Для этого прежде всего была необходима новая армия, так как имеющиеся воинские формирования оказались не в состоянии решать сложные военно-политические задачи, с учётом обновлённых средств вооружённой борьбы, а соответственно, и новой тактики. Также реформатор понимал необходимость в новом современном флоте, где его важная роль в проведении крупных стратегических операций ни у кого не вызывала сомнений. Петр I остро почувствовал это в ходе Азовских походов (1695-1696 гг.), убедивших его в необходимости немедленного проведения военных реформ, а восстание стрельцов в 1698 году окончательно разуверило в их преданности. И он её создал, как и создал военно-морской флот. Эти две составляющие с успехом решили поставленные Петром стратегические задачи, выведя Российскую империю в ряд передовых и могущественных государств Европы.

XVIII в. по многим параметрам и показателям является пиком славы русского императорского оружия, «Золотым веком Екатерины». Русскую армию без преувеличения можно назвать одной из сильнейших в мире, о чём свидетельствуют Семилетняя война 1756-1763 гг., успешные военные кампании против армии Османской империи 1768-1774 и 1787-1791 года соответственно, Персидский поход 1796 года, Итальянский поход Суворова 1799 года. Однако за фасадом гениев Г.А. Потемкина, П.А. Румянцева, А.В. Суворова и Ф.Ф. Ушакова скрывались неприглядные проблемы в военной сфере, требовавшие существенной реформации, которую основательно смогли провести лишь во второй половине XIX века.

Царствование Николая I (1825-1855 гг.) характеризовалось в целом успешным как во внешней, так и во внутренней политике. За тридцать лет правления императором, по мнению многих историков, крупной неудачей можно считать лишь Крымскую войну (1853-1856 гг.). Поражение было вызвано множеством причин, например:

техническое отставание русской армии и флота в вооружении, снаряжении и обмундировании, что тянуло за собой устарелость в тактике действий;

громоздкая и сложная система управления войсками;

неспособность государственного бюджета обеспечивать комплектование и вооружение военной организации;

определённые проблемы офицерского состава в руководстве подразделениями и воинскими частями в бою и др.

Несмотря на, казалось бы, российское могущество в Европе, полученное в результате Отечественной войны 1812 года и успешного Заграничного похода (1812-1816 гг.), относительную внутриполитическую стабильность после подавления восстания декабристов (14 декабря 1825 г.) и вступления на престол Николая I, основной причиной следует считать экономическую и, как следствие, военно-техническую отсталость Российской империи, а именно отставание России от своих противников – Франции и Великобритании. Промышленное производство во Франции стало доминирующим сектором экономики, а ручное производство было заменено машинами и фабриками. Важные отрасли промышленно-

сти включали текстильное производство, металлургию, химическую промышленность и строительство. Массовое производство и внедрение новых технологий, таких как паровые машины и железные дороги, способствовало увеличению производительности и улучшению транспортной инфраструктуры. То есть в развитых европейских государствах, в большей степени во Франции и Великобритании, в первой половине XIX века шёл промышленный переворот. В этих державах была развита промышленность, которая своевременно обеспечивала массовую армию оружием и боеприпасами. Флот был преимущественно на паровой тяге. В Российской империи в это же время промышленный переворот хоть и начался при Николае I, но шёл медленно, в частности, из-за крепостного права как одного из ярких феодальных маркеров, что существенно тормозило аграрный сектор, который был основным, так как в нём было задействовано примерно 80-90 % населения России.

Из вышесказанного следует, что события начала второй половины XIX века, произошедшие в Российской империи, явили миру ее несостоятельность как сильного и стабильного государства, способного решать вопросы безопасности на геополитическом пространстве и противостоять военному воздействию развитых европейских держав. Это явилось следствием кризиса общественно-политической системы и послужило мощным толчком к осуществлению в стране ряда преобразований, в том числе и в области реформирования военной и охранительной организации. Непосредственно после трагических событий Крымской войны (1853-1956 гг.), с учётом новейших требований к техническому переоснащению, в структуре военной составляющей государства направлениями реформ были выбраны следующие:

1. Оптимизация структуры и количества личного состава военной организации.

2. Техническое переоснащение армии и флота, выраженное в замене устаревших видов вооружения на более современные; введение технических новшеств как в сухопутных войсках, так и на флоте.

3. Реформирование военного образования.

4. Нормативно-правовое регулирование взаимоотношений между военнослужащими.

5. Пересмотр системы боевой подготовки войск.

Проблематикой военных реформ Д.А. Милютина занимались многие ученые XX века, такие как: Белова Е.В. (Национально-освободительная борьба балканских народов и Крымская война) Осипова М.Н. (После Крымской войны), Крылов В.М. (Милютинские реформы в артиллерии), Шалашная В.М. (Д.А. Милютин и военные реформы в России в 60-70-е гг. XIX в), Ипатов А.М. (Военная реформа Д.А. Милютина в оценках А.А. Керсновского), Голиков А. (В нашей армии настало время коренных и обширных преобразований), Сапожников М.А. (Демократизация в Российской империи: реформа вооружённых сил Д.А. Милютина в 60-70-е годы XIX в.) и др.

Для проведения военных реформ выбор императора пал на Дмитрия Алексеевича Милютина (1816-1912 гг.). Он был образованным человеком и опытным военным специалистом, дослужившимся до генеральских званий, обладал не только административными способностями, но и знал проблему изнутри, видел перспективу в преобразовании армии, которая была бы способна решать задачи в новых реалиях.

Император Александр II остановил свой выбор на Дмитрии Алексеевиче Милютине (1816-1912 гг.), так как будучи сам образованным человеком и цесаревичем, достаточно подготовленным к трону, он разбирался в людях, знал, кому можно поручить то или иное направление деятельности, видел в Милютине военного министра, потому как тот тоже имел хорошее образование, носил генеральское звание, соответственно, обладал опытом службы в войсках. Ведь из печального опыта Крымской войны было ясно, что нельзя просто увеличить армию и

её перевооружить. Военный чиновник, проводящий военные реформы, должен разбираться и в вопросах экономики государства. Нужна была армия нового типа, которая обходилась государственной казне дешевле предыдущей, притом, что боеспособность её бы гораздо выросла. В Европе технический прогресс активно внедрялся в военную организацию, армии становились массовыми, мобильными и хорошо вооружёнными современным оружием, а это ещё и требовало несколько иной подготовки как офицеров, так и солдат. Поскольку техническое перевооружение безусловно требовало средств, то за счёт сокращения личного состава можно было снизить нагрузку на государственную казну, а массовость обеспечить за счёт подготовленного резерва, который в случае войны призывался бы на действительную военную службу. Отсюда следовало, что и система комплектования должна была меняться. Устаревшая рекрутская повинность должна быть заменена на всеобщую.

В своем дневнике Дмитрий Алексевич писал: *«Говоря совершенно откровенно, и я, как большая часть современного молодого поколения, не сочувствовал тогдашнему режиму, в основании которого лежали административный произвол, полицейский гнет, строгий формализм… Даже в деле военном, которым император занимался с таким страстным увлечением …гонялись за существенным благоустройством войска, не за приспособлением его к боевому назначению, а за внешней только стройностью, за блестящим видом на парадах, педантичным соблюдением бесчисленных мелочных формальностей, притупляющих человеческий рассудок и убивающих истинный воинский дух» [4].*

15 января 1862 г. Д.А. Милютин представил Александру II «Всеподданнейший доклад», который императором был одобрен и послужил основой для всех будущих преобразований по военному ведомству, явившись, по сути, общей программой военной реформы 1860-1870 гг.

Реформирование, по указу Александра II, началось с введением новой формы одежды, которая бы соответствовала современным требованиям не только к передвижению на поле боя, а также демонстрировала некий символизм, то есть некое перевоплощение проигравшей в Крымской войне армии – к армии побед новой России [5].

Как показывает практика военного реформирования, новая форма одежды – некий символизм, внешняя сторона реформы, вместе с тем, что безусловно, практическое составляющее тоже присутствует. Но штатную структуру, какие-то изменения в системе управления общая масса общества не видит, а вот военных в новой форме видят все. Вспоминается введение новый формы одежды в РККА (и других ведомствах) в 1943 году, когда введение погон и других знаков различия символизировало новый этап войны, связанный с победами, а поражения первого периода ВОв как бы остались со старой формой одежды, хотя практическая составляющая тоже была.

Следующее направление реформ – перевооружение армии. В особенности стрелковое оружие нуждалось в модернизации или замене на новые виды, так как в Крымской войне в боях на короткой дистанции старые виды показали полную несостоятельность, особенно в точности и скорострельности.

В 1856 году была изобретена 6-линейная капсульная винтовка, которая заряжалась со ствола, что на тот момент было достаточно инновационным, но многие высокоразвитые станы Европы уже массово перешли на такой же принцип заряжания и вид стрелковых боеприпасов. К 1862 году ею было вооружено около 260-ти тысяч солдат, а к 1865 году этой винтовкой на 100 % снабдили все войска. Затем, в 1868 году, на вооружение поступает винтовка Бердана, а в 1870 году в войска поступает ее модифицированная версия. Благодаря этим преобразованиям, к началу Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. вся русская армия имела на вооружении новые нарезные винтовки ма-

лого калибра, что уменьшало их вес и увеличивало дальность стрельбы. Это безусловно повлияло на ход боевых действий.

Крымская война также выявила очень большие проблемы с артиллерией. Выводы были сделаны, поэтому артиллерийский арсенал тоже стал модернизироваться. В описываемый период в русскую армию начали поступать новые виды орудий, такие как 4 фунтовая пушка Маевского. Они превосходили старые по дальности и точности. А уже в 1870 году армия получила скорострельные картечницы Гатлинга (10-ствольные) и картечницы Барановского (6-ствольные) со скорострельностью 200 выстрелов в минуту, что затем несомненно сказалось на результатах боевых действий Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В 1872 году на вооружение поступает 2,5-дюймовая скорострельная пушка Барановского, созданная согласно новейшим разработкам того времени.

Перед реформаторами стоял вопрос о качественном изменении артиллерийских орудий, но и о более массивом применении артиллерии, что несомненно должно было привести к увеличению количества орудий и в целом артиллерийских подразделений. Так, за все время проводимых реформ количество артиллерийских батарей возросло со 138 до 300, а количество орудий – с 1104 до 2400, при условии, что в резерве имелось 851 орудие [6].

Перед реформаторами в рамках изменения системы управления войсками стояла главная задача – её децентрализация. В этом отношении были приняты следующие меры:

1) формирование военно-окружных управлений (в 1864 г. территория России была разделена на 10 военных округов, а в 1867 г. их число возросло до 15);

2) реформирование военно-управленческих органов, прежде всего Военного министерства;

3) упрощение порядка делопроизводства.

К 1 января 1989 года была определена новая структура Военного министерства, где предполагались управления вместо департаментов, занимающиеся вопросами тылового обеспечения, военно-судебной работой, канцелярией и т. д. (таблица 1).

Таблица 1 – Военное министерство Российской империи после реформ 1860-х – 1870-х гг.

Императорская главная квартира	**Главная распорядительная**	**Управление генерал-интенданта**	**Главный штаб**		
Военный совет *(комитеты и комиссии)*	**Главный судья**	**Главное управление**	Управление 1-го генерал-квартирмейстера	Академия Генерального штаба	Мобилизационный комитет
			Управление 2-го генерал-квартирмейстера	Корпус офицеров генерального штаба	Комитет по передвижению войск
			Управление дежурного генерала	ВТУ	Фельдъегерский комитет
			Управление военных сообщений	Корпус офицеров-топографов	Хозяйственный комитет

Права военного министра были значительно расширены, сокращены штат офицеров и чиновников, а также бюрократическая переписка.

Военное министерство осуществляло общее направление деятельности нижестоящих структурных элементов военной организации, а военно-окружные управления – исполняли.

В рамках данных реформ в 1865 году Генеральный штаб также преобразовался в департамент генерального штаба, а затем объединился с Инспекторским департаментом, и они вместе становятся Главным штабом, в котором решаются все вопросы, связанные с руководством военно-сухопутными силами как в мирное время, так и в предвоенное, а именно – подготовка к войне.

Изменения были внесены в строевое, а также в полевое управление. В мирное время упразднено деление сухопутных войск на армии и корпуса, и высшей организационно-тактической единицей в пехоте и кавалерии стала дивизия, в артиллерии и инженерных войсках – бригада, произведен существенный пересмотр их штатов, введены новые. В 1868 г. было издано новое Положение о полевом управлении войск в военное время, устранившее многие недостатки, содержавшиеся в прежнем Уставе для управления армиями… 1846 г. [7].

В 1867 г. была проведена реформа в военно-правовой сфере, нашедшая отражение во вновь введенных Дисциплинарном уставе, Уставе внутренней службы. Уставы провозглашали охрану чести и достоинства солдата. Основы военно-судебного дела излагались в Военно-судебном уставе и «воинском уставе о наказаниях», вводивших новые, характерные для европейских армий принципы военного судоустройства и судопроизводства, вместе с тем сохраняли общий петровский принцип воспитания воинов на основе заботы офицеров о солдатах. Отменялись телесные наказания, хотя по факту они имели место быть, о чём неоднократно писал М. Драгомиров. Так называемые «зуботычины», которыми подчас пользовались офицеры, дабы «вразумить тупых солдат», как основным средством воспитательного воздействия. Но и на подготовку офицерских кадров военные реформаторы описываемого периода тоже обратили своё пристальное внимание.

В 60-х годах XIX века начинается реформирование учебных заведений. Основных целей было две, а именно: улучшение качества подготовки офицерских кадров, то есть сделать военное образование современным и доступным, и увеличение количества офицеров.

В ходе реформирования кадетские корпуса преобразовывались в военные гимназии, расширялась сеть военных училищ с двух- или трехгодичным сроком обучения. Для подготовки офицеров из лиц, не имевших среднего образования, с 1864 г. стали создаваться юнкерские училища. Были пересмотрены учебные программы, увеличилось количество часов по военно-профессиональным дисциплинам, общеобразовательные дисциплины отделялись от военно-профессиональных, повысился спрос за качество обучения. В военных академиях большое внимание начали уделять практической подготовке военных специалистов.

Из воспоминаний Д.А. Милютина: *«Приказом 16 сентября объявлены Положение, Штаты и табели вновь учреждавшихся военных училищ. Училища эти должны были постепенно открываться во всех военных округах и пополняться полковыми юнкерами. С учреждением этих училищ открывалась возможность постановить общим правилом – производить в офицеры не иначе, как по выдержании выпускного экзамена этих училищ. Такой мерой установилась на будущее время низшая норма общего и военного образования всей массы офицеров нашей армии» [7, с. 357].*

Боевая подготовка стала существенно изменяться. Вводились новые предметы обучения, такие как физическая подготовка. В ней стало больше внимания уделяться практической составляющей, особенно стрельбе. Разработан ряд новых уставных документов и учебных пособий, которые обобщали и систематизировали опыт Крымской войны, были сделаны определённые выводы, которые выразились в изменениях как в тактике и тактических приёмах, так и в средствах вооруженной борьбы.

Реформы не могли не коснуться Военно-морского флота, так как действия русского

черноморского флота в середине XIX века тоже вызывали определённые вопросы, основными из которых были его техническое оснащение и нехватка квалифицированных офицерских кадров. В целях децентрализации руководства флотом в июне 1867 г. введено Положение об управлении Морским ведомством, создан корабельностроительный технический комитет. Сокращался и оптимизировался управленческий (административный) аппарат. Также реформирования коснулось система подготовки офицерских кадров для флота, его комплектования и боевого обучения. В 1876 г. была принята принципиально новая кораблестроительная программа, предусматривавшая создание броненосного парового флота. На вооружение принимались новые образцы артиллерийского, минного и торпедного оружия, что требовало специализации офицеров на военно-морских артиллеристов, военно-морских инженеров и минёров.

Реорганизации также подверглась военная медицина и тыловое обеспечение. Существенной реорганизации в 1870-1871 гг. – санитарно-госпитальные части, получившие четкую структуру: постоянные военные госпитали и санитарные части, военно-врачебные заведения военного времени. Преобразовались и хозяйственные службы, находившиеся в частях, другие органы снабжения. Улучшались питание и обмундирование солдат, в целом их быт и условия службы, в том числе и положение офицерского состава.

Завершились реформы принятием Устава о всесословной воинской повинности 1 января 1870 года. Им были отменены морально устаревшие рекрутские наборы. В вышеназванном Уставе декларировалось, что каждый гражданин Российской империи обязан защищать Родину и престол, что это является священным долгом для каждого. Призыву подлежали все мужчины 21-летнего возраста, независимо от сословия. Таким образом появляется всеобщая воинская повинность. Через жеребьёвку решалось, что часть призывников зачислялись на действительную службу с переводом затем в запас армии и в ополчение, другая – сразу в ополчение(до 40 лет). Для сухопутных войск устанавливался 6-летний срок пребывания на действительной службе и до 9 лет в запасе, на флоте – соответственно 7 лет и 3 года. Отслужившие эти сроки зачислялись в ополчение. Это давало возможность обеспечить планомерное пополнение вооруженных сил в мирное и военное время, позволяло развернуть массовую армию в случае войны. Это стало началом всеобщей воинской повинности. Именно с тех пор российская армия стала напоминать современную как структурно, в правовом отношении, так и по системе военного образования.

Заключение

Таким образом, военная реформа 1860-1870 гг. в той или иной мере затронула все стороны военной системы России, обновив во многом весь армейский организм. В результате ее проведения русская армия превратилась в отвечавшую требованиям своего времени армию, характерную для европейского типа того периода, по боеспособности мало в чем уступавшую армиям тех же европейских держав. Именно в тот период, считается многими историками и публицистами, российская армия стала напоминать современную по принципу комплектования, штатной структуре и системе подготовки офицерских кадров. Не было только набора по контракту.

Именно военные реформы под руководством военного министра Д.А. Милютина во многом помогли русской армии одержать яркую и уверенную победу в Русско-турецкую войну 1877-1878 гг. Она значительно превосходила турецкую в техническом оснащении и в подготовленности к боевым действиям. Если в стрелковом вооружении не дотягивала до современных винтовок английского образца, коими были вооружены турецкие солдаты, то в артиллерии и массовости армии значительно превосходила.

Тем не менее следует отметить, что, несмотря на определённые успехи военных

реформ, начавшиеся необратимые политические и экономические процессы в Российской империи предрешили в будущем крушение монархии вследствие неудачных Русско-японской и Первой мировой войн и двух последующих за ними революций, что подтверждает одну из основных закономерностей военных реформ – невозможно достичь полного успеха, если нет политической воли изменений в экономике.

Список источников

1. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М.: Изд-во МГУ, 1993. [Электронный ресурс]. URL: http: // militera.lib.ru/h/rufus/02.html (дата обращения: 12.12.2025).
2. Древнекитайская философия: в 2 т. М., 1972-1973. 180 с.
3. Все войны мировой истории по Харперской энциклопедии военной истории Р.Э. Дюпюи и Т.Н. Дюпюи. Книга третья. 1500-1750 г. СПб., 2004. С. 120-125.
4. Тарле Е.В. Крымская война. Подарочные издания. Юр. Собр. соч. Е.В. Тарле, Том 1. М.: Эксмо, 2024.
5. Авилов Р.С. Реализация военно-окружной реформы 1862-1865 годов в Восточной Сибири и на российском Дальнем Востоке: создание Восточного Сибирского военного округа // Вестник ЧелГУ. 2012. № 16. С. 18-25.
6. Ипатов А.М. Военная реформа Д.А. Милютина в оценках А.А. Керсновского // Filo Ariadne, 2017. № 2 (6).
7. Милютин Дмитрий Алексеевич (1816-1912). Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1863-1864 / [Предисл. Л.Г. Захаровой; Подгот. текста, коммент., указ. Т.А. Медовичевой, Л.И. Тютюнник]; Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2003. 686, [1] с.: ил., карт., портр.: 22 см..; ISBN 5-8243-0350-9, 5-8243-0351-7.

Reference

1. Quintus Curtius Rufus, The History of Alexander the Great. Moscow: Moscow State University Press, 1993. [Electronic resource]. URL: http: // militera.lib.ru/h/rufus/02.html (date of access: 12.12.2025).
2. Ancient Chinese Philosophy: In 2 Volumes. M., 1972-1973. 180 p.
3. All the Wars of World History according to the Harper Encyclopedia of Military History R.E. Dupuy and T.N. Dupuy. Book Three. 1500-1750. St. Petersburg, 2004. P. 120-125.
4. Tarle E.V. The Crimean War. Gift Editions. E.V. Tarle's Collected Works, Volume 1. M.: Eksmo, 2024.
5. Avilov R.S. Implementation of the Military District Reform of 1862-1865 in Eastern Siberia and the Russian Far East: Creation of the Eastern Siberian Military District // Bulletin of ChelGU. 2012. No. 16. P. 18-25.
6. Ipatov A.M. "Military Reform of D.A. Milyutin in the Estimates of A.A. Kersnovsky" // "Filo Ariadne", 2017. No. 2 (6).
7. Milyutin, Dmitry Alekseevich (1816-1912). Memories of Field Marshal General Count Dmitry Alekseevich Milyutin, 1863-1864 / [Preface by L.G. Zakharova; Prepared by text, commentary, edict by T.A. Medovicheva, L.I. Tyutyunnik]; Edited by L.G. Zakharova. M.: ROSSPEN, 2003. 686, [1] p.: ill., maps, ports: 22 cm..; ISBN 5-8243-0350-9, 5-8243-0351-7.

Информация об авторе

Козлов Вячеслав Александрович, кандидат педагогических наук, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Informormation about the author

Vyacheslav A. Kozlov, candidate of pedagogical sciences, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630014, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Научная статья
УДК 930.2+94(3)
EDN: https://elibrary.ru/TCRFNO

ВОСПРОИЗВОДСТВО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН

Косыгина Светлана Валерьевна
Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище Министерства обороны Российской Федерации, Новосибирск, Россия
Ikodak21@yandex.ru

Аннотация. Среди проблем, которые изучает историческая демография, слабоисследованными остаются вопросы естественного воспроизводства городского населения во время Первой мировой и Гражданской войн. Период 1914-1920 гг. – особенно сложный, так как в это время происходили кардинальные перемены в стране, войны и революции. Все эти события напрямую отражались на численности народонаселения. До сих пор нет работ, посвященных изменениям численности горожан в указанный период. В связи с этим научный интерес для работы представляет демографическая ситуация в городах Тобольской губернии. В работе впервые предпринимается попытка в совокупности рассмотреть динамику населения городов Тобольской губернии в период 1914-1923 гг.

Ключевые слова: воспроизводство, городское население, историческая демография, естественный прирост, урбанизация.

Для цитирования: Косыгина С.В. Воспроизводство городского населения Тобольской губернии в период Первой мировой и Гражданской войн // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 1 (10). С. 98-105.

POPULATION OF THE TOBOLSK GOVERNORATE DURING THE FIRST WORLD WAR AND THE CIVIL WAR

Svetlana V. Kosygina
Novosibirsk higher military command order of Zhukov school, Novosibirsk, Russia
Ikodak21@yandex.ru

Abstract. Historical demography is learning a lot of different historical problems, there are poorly researched has stayed questions natural reproduction urban population during The First World and Civil War, the period of 1914-1920 especially complicated, because in this time are occurred global changes in country, wars and revolutions. All this tragical events are depictured populations quantity. Still there are not scientific researches, are devoted populations changes quantity in this period. Consequently, demography situation in Tobolsk region are presents scientific interest. At the first time is being undertaking attempt in the work to consider urban population dynamic in Tobolsk region in 1914-1920.

Keywords: reproduction, urban population, historical demography, natural growth, urbanization.

For citation: Kosygina S.V. Population of the tobolsk governorate during the first world war and the civil war // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 1 (10). P. 98-105.

©Косыгина С.В., 2026

Введение

Историю урбанизации Западной Сибири стали изучать еще в XIX веке. В XX веке с началом переселенческого движения сибирский регион оказался в центре внимания исследователей. Появилось значительное количество работ, посвященных Сибири. Тема изучения городов также затрагивалась в этих работах. Например, в сборнике «Азиатская Россия» [1], где содержится множество информации о малых и больших городах Сибири. С 1916 г. публикации о движении населения практически прекратились, и только в 1920-х гг. вновь возобновился интерес к изучению данной темы. Большое значение для учета численности населения имели многочисленные статистические бюллетени, справочники, адресные календари, разнообразные журналы, где приводились данные о социально-демографических характеристиках населения. Одной из таких работ является эпизодический курс лекций экономиста-статистика и профессора Н.П. Огановского [2], изданный в 1921 г. Автор рассматривает процессы прироста населения в городах и деревнях Сибири и Степном крае, приводит данные за 1897 г. и 1917 г.

Изданная в 1930 г. монография советского статистика Е.З. Волкова [3] позволяет узнать, с какой численностью жителей Сибирь вошла в XX век, как повлияли переселения крестьян из Европейской России на рост городов региона. В период, начавшийся в 30-е гг. и длившийся до конца 50-х гг. в советской историографии, вопросы демографии населения малых городов освещались в нескольких работах, но период 1914-1923 гг. не затрагивался.

На следующем этапе в историографии исторической демографии, в 60-80-х годах, число работ, посвященных населению городов, было незначительно.

С середины 80-х гг. XX в. наступает новый этап в изучении демографических процессов Западной Сибири. Появляются новые подходы в изучении истории и исторической демографии. Одной из значительных работ этого периода является монография А.С. Московского и В.А. Исупова о формировании городского населения Сибири [4]. Авторы характеризуют динамику численности горожан в границах Западной и Восточной Сибири. Вторая глава работы посвящена истории развития городов Сибири, где сопоставляются данные переписей 1858 г., 1897 г. первой Всероссийской переписи, до 1923 гг. по губерниям, анализируются источники роста численности городского населения. Необходимо обратить внимание на работы Пронина В.И. [5], его труды посвящены изучению демографических процессов региона в период капитализма. Автор не изучал население отдельных городов, но на основе большого числа демографических источников приводит данные о численности населения городов Сибири по губерниям за период 1897-1916 гг.

Отличительной чертой современного периода историографии демографии Сибири (последнее десятилетие XX – начало XXI в.) является появление работ, связанных с изучением крупных и малых городов, деревень. Например, монография Кононенко А.А. [6], где приведены данные о рождаемости и смертности в Тюмени в период 1918-1920 гг.

Неоценимое значение для изучения процессов динамики населения имеют переписи 1916 г., 1917 г., 1920 и 1923 гг., представленные в экономических и статистических обзорах. Они позволяют учитывать изменения в естественном воспроизводстве населения по городам и уездам с 1912-1916 гг.

Работ, посвященных естественному воспроизводству городского населения, где представлена цельная картина динамики численности населения городов Тобольской губернии с 1914-1920 гг., нет. В сложившейся обстановке представляет научный интерес изучение воспроизводства городского населения Тобольской губернии.

Хронологические рамки охватывают период с начала Первой мировой войны 1914 г. до окончания Гражданской войны. Основными задачами работы являются определение ежегодных изменений общей

численности городского населения Тобольской губернии, выявление неравномерности демографических показателей в динамике населения. Определение специфики естественного воспроизводства горожан в 1914-1920 гг., распределение населения по половым группам.

В дореволюционный период Западная Сибирь не относилась к числу урбанизированных территорий. Если в начале XX в. доля городского населения в России достигала 17-18 %, то в Западной Сибири менее 10 % [7, с. 34]. Быстрый рост городов и городского населения Западной Сибири являлся одной из особенностей региона в первой четверти XX века. На рост числа городов повлияли столыпинские переселения и изменение направления Сибирского тракта, что дало возможность для появления новых городов в Западной Сибири. Городское население за период с 1906-1910 гг. увеличилось на 55,6 %, а сельское почти на 35 % [5, с. 95]. Таких высоких темпов прироста населения в Сибири больше не было. Период 1910-1914 гг. характеризуется понятием «демографического взрыва», что было характерно для начального этапа демографической модернизации.

Тобольская губерния была слабоурбанизированной губернией, в сравнении с другими губерниями Западной Сибири. Чтобы представить темпы роста городского населения, необходимо воспользоваться данными переписи 1897 г. По данным переписи, городское население Тобольской губернии составляло 87,4 тыс. чел., или 6 % [8, с. 81].

В Западной Сибири административные центры были самыми крупными городами в своих губерниях и областях. Исключением был г. Тобольск. Население Тобольска в 1897 г. было 20,4 тыс. человек, а Тюмени 29,5 тыс. человек, число городов было 10 [9, с. 101]. До прокладки Транссибирской железнодорожной магистрали Тобольск был одним из самых крупных городов Западной Сибири, но постепенно хозяйственное значение города было подорвано. Многие старые города перестали быть транспортными, торговыми центрами, где могла развиваться промышленность. Население таких городов практически не увеличивалось [9, с. 102]. На 1 января 1914 г. городское население Тобольской губернии увеличилось до 7,4 % [10, с. 88]. Но с началом Первой мировой войны ситуация как в городах, так и в селах начала меняться.

Таблица 1 – Численность населения городов Тобольской губернии в 1913-1914 гг.

Города	Количество населения к 1.01.1913 г.			Количество населения к 1.01.1914 г.			Прирост/убыль к 1913 г. в %
	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего	
Тобольск	11 837	11 384	23 221	12 032	11 685	23 717	+ 1,0%
Березов			1 306	605	517	1 122	- 1,4%
Ишим	8 834	6 322	15 066	9 031	6 889	15 920	+ 0,5%
Курган	18 559	18 145	36 704	16 812	16 385	33 197	- 9,5%
Сургут	745	699	1 444	769	728	1 497	+ 0,3%
Тара	7 492	3 945	11 437	7 689	4 132	11 721	+ 0,2%
Туринск	1 470	1 714	3 184	1 432	1 702	3 134	+ 0,1%
Тюкалинск	3 786	1 717	5 503	3 727	1 063	5 690	+ 0,3%
Тюмень	21 481	21 081	42 562	21 421	21 129	42 550	- 0,002%
Ялуторовск	2 543	1 867	4 410	2 525	1 884	4 409	-
Всего:	77 419	67 418	144 837	75 943	67 014	142 957	- 1,3%

Источники: Обзор Тобольской губернии за 1912 г. Тобольск, 1913. С. 6-7; Обзор Тобольской губернии за 1914 г. Тобольск, 1916. С. 5-6.

Движение естественного прироста по городам Тобольской губернии за 1913 г.: браков было заключено 749, родилось 5200 чел., из них: 2666 м. п. и 2534 ж. п., умерло

2543 м. п. и 2037 ж. п., всего 4580 чел. [11, с. 6-7]. Данные за 1914 г.: родилось 4778 чел., умерло 4397, естественный прирост составил 381 чел. Число браков было заключено 871 [12, с. 4-5]. В сравнении с 1913 г., число браков увеличилось на 122, или на 16,2 %, рождаемость уменьшилась на 422, или на 8,11 %, смертность немного понизилась, на 183, или 3,99 %. Показатели рождаемости накануне войны были очень высокими. Динамика смертности имела тенденцию к сокращению, особенно в городах, что было связано с развитием сети медицинских учреждений и улучшением условий жизни горожан. Впервые смертность в городах стала ниже смертности сельских жителей. В Тобольской губернии в период 1913-1914 гг. наблюдается небольшое уменьшение численности горожан на 1,3 %.

Изменение направления Сибирского тракта из Екатеринбурга на Тюмень-Омск способствовало росту численности населения Ишима, Тюмени, Тюкалинска и Ялуторовска. В то же время замедлились темпы роста численности населения старых северных городов: Березов, Нарым и Сургут. Данные города выполняли административные и торговые функции. Их особенностью являлось наличие колоний ссыльных. Наименьшее население имели города с туземным населением, что было связано с образом жизни туземцев [13, с. 187]. Рост Кургана был связан со строительством Транссиба и тем, что город был центром многонаселенного округа Западной Сибири. Половой состав мужчин и женщин в 1914 г. в Тобольской губернии составлял: мужчин 53,1 % и женщин 46,9 %. Преобладание мужчин над женщинами в городах было характерно не только для Сибири, но и для всей России. Это было связано с сосредоточением в них военных гарнизонов, приходом на заработки в города крестьян, также большую роль играли переселения, так как среди переселенцев в основном преобладали мужчины.

Таблица 2 – Численность населения городов Тобольской губернии в 1916-1917 гг.

Города	Количество населения к 1.01.1916 г.			Прирост/ убыль к 1914 г. в %	Количество населения к 1.01.1917 г.			Прирост/ убыль к 1916 г. в %
	мужчин	женщин	всего		мужч.	женщ.	всего	
Тобольск	13 200	12 600	25 800	+ 8,7	9 198[1]	10 035[1]	19 233[1]	- 25,4
Березов	900	900	1 800	+ 6,0	611[1]	605[1]	1 216[1]	- 32,5
Ишим	9 000	8 000	17 000	+ 6,7	4 998[1]	5 102[1]	10 090[1]	- 40,6
Курган	18 400	18 400	36 800	+ 10,8			35 200[2]	- 4,3
Сургут	1 000	1 000	2 000	+ 3,3	541[1]	625[1]	1 166[1]	- 4,1
Тара	8 800	6 200	15 000	+ 27,9			9 200[2]	- 38,6
Туринск	2 200	2 300	4 500	+ 43,5	1 355[1]	1 842[1]	3 197[1]	- 28,9
Тюкалинск	4 700	3 600	8 300	+ 45,85			4 065[3]	- 51,0
Тюмень	20 000	19 900	39 900	- 6,2	19 604[1]	20 365[1]	39 969[1]	+ 1,7
Ялуторовск	3 300	3 100	6 400	+ 45,1	2 178[1]	2 491[1]	4 669[1]	- 27
Всего:	81 500	76 000	157 500	+ 10,1	38 485	41 065	107 556	- 31,7

Источники: Статистический Ежегодник России за 1916 г. Петроград: Издание ЦСУ К.В.Д., Вып. I, 1918. 122 с. С. 45; [1]Предварительные итоги переписи населения 1920 г. по Тюменской губернии. Тобольск: Издание Тюменского губстатбюро, Вып. I. 1920. 26 с. С. 21; [2]Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Эпизодический курс лекций, прочитанных на кооперативных курсах для служащих и рабочих кооперативных организаций г. Омска, в феврале-марте 1920 г. Омск: Издание Сиботделения Всероссийского Центрального союза, 1921. С. 155-156. С. 176; [3]Петров А.И. Перепись городского населения Сибири // Северная Азия. Общественно-научный журнал. Книга третья. Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока. Главнаука, 1927. С. 37-41. С. 40.

В период с 1914 по 1916 гг. по всей Западной Сибири число городского населения к 1916 г. сократилось до 703,6 (с 714,2 тыс. в 1914 г.) [5, с. 97]. В то же время городское население Тобольской губернии с 1914 по 1916 г. увеличилось на

14 543 человека, или на 10,1 %. Число мужчин по-прежнему превышало число женщин. В процентном соотношении мужчин было 51,7 %, а женщин 48,2 %. Несмотря на Первую мировую войну и призыв значительного числа мужчин в армию, половой дисбаланс в городах Тобольской губернии в 1916 г. еще не был преодолен. Но с 1917 г. ситуация начинает меняться в обратную сторону, процентное соотношение мужчин сократилось до 48,3 %, а женщин выросло до 51,7 %. Также с 1917 г. начинается значительное сокращение численности горожан. По отношению к 1916 г. сокращение составило 49 944 человека, или 31,7 %. Процент убыли городского населения Тобольской губернии в период с 1916 по 1917 гг. был наиболее высоким. Такое резкое падение численности населения объяснялось тем, что большинство промышленных предприятий, не работавших на оборону государства, стали сокращать свое производство, и семьи крестьян, которые остались жить в городах, потеряв работу, стали возвращаться обратно в деревни.

Но в отдельных городах, например, в Тюмени, в связи с военными действиями число жителей стало расти. В мае 1918 г. поток беженцев из Центральной России способствовал увеличению числа населения Тюмени до 55 тыс. человек. В отчете Тобольской губернской земской управы в декабре 1918 г. было зафиксировано 60 тыс. человек [6, с. 181]. В течение 1919 года до 17 декабря родилось 1044 ребенка. С 17 декабря 1919 г. по 4 сентября 1920 г. родилось 1337 детей [6, с. 182]. Если предположить, что за 8,5 месяцев рождалось в среднем 157 детей, и если следующие 4 месяца рождаемость осталась прежней, то в общей сложности за 1920 г. в Тюмени родилось 1965 детей. В сравнении с данными о рождаемости за 1914 гг., когда родилось по всем городам губернии 4778 чел., то здесь только в одном городе было зафиксировано почти 2000 рождений. Такой высокий показатель объясняется большим притоком беженцев в 1919-1920 гг. Умерло в течение 1920 г. 2293 человека [6, с. 182]. В итоге естественный прирост за 1920 г. имел отрицательную величину: минус 328 человек.

27 августа 1919 г. Тобольская губерния была переименована в Тюменскую. К 1920 г. число горожан Тюменской губернии еще более сократилось, это было связано не только с Гражданской войной, и преждевременной гибелью населения от войн и эпидемий, но и с тем, что в 1919-1920 гг. города Ишим, Тара, Тюкалинск, Калачинск перешли к Омской губернии.

Таблица 3 – Численность населения городов Тобольской губернии в 1920-1923 гг.

Города	Кол-во населения			Прирост/ убыль к 1917 г.	Кол-во населения	Прирост/убыль в % к 1920 г.
	1920 год				1923 год	
	мужчин	женщин	всего		всего	
Тобольск	6 265[2]	8 533[2]	14 798[2]	- 23,0 %	15 022[4]	+ 0,01
Березов	608[3]	647[3]	1 255[3]	- 0,03 %	1 358[4]	+ 0,8
Курган			25 596[1]	- 27,2 %	21 751[1]	- 15,0
Сургут	714[2]	835[2]	1 549[2]	+ 3,2 %	1 231[4]	- 2,0
Туринск	2 488[2]	2 620[2]	5 108[2]	+ 59,7 %	4 813[4]	- 0,5
Тюмень	19 975[3]	22 987[3]	42 962[3]	+ 7,4 %	43 426[4]	+ 1,0
Ялуторовск	2 331[2]	2 805[2]	5 136[2]	+ 10,0 %	5 387[4]	+ 0,4
Всего:	32 381	38 428	96 404	- 10,3 %	92 988	- 3,5

Источники: [1]Сибирская Советская энциклопедия, Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1929. В 4-х т. Т. 2. 1152 с. С. 1124; [2]Статистический ежегодник. Т. VIII, Вып. I. М., 1921. С. 19; [3]Предварительные итоги переписи населения 1920 г. по Тюменской губернии. Тобольск: Издание Тюменского губстатбюро. Вып. I, 1920. С. 21; [4]Халимова Э.С. Социальная типология городского населения Сибири по материалам демографической переписи 1923 г. // Хозяйственное освоение Сибири: история, историография, источники. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. С. 188-215. С. 210.

Проведенная 28 августа 1920 г. перепись населения охватила не всю территорию Тюменской губернии. Всего переписью было охвачено 190 волостей, 3035 населенных пунктов с числом наличного населения 1 109 902 душ об. п., или 94,5 % всего населения. Необследованными остались 18 волостей, 694 населенных пункта с количеством населения 65 190 человек [14, с. 3]. Диспропорция в сторону женщин в 1920 г. стала более значительна, мужчин было 45,8 %, а женщин 54,2 %. Особенности половой структуры городов губернии, в связи с призывом значительного количества мужчин на фронт, имели ярко выраженное преобладание женщин. Половозрастной состав горожан по Тюменской губернии в 1923 г. был представлен так: мужчин было 47,7 %, женщин 52,3 %. В целом к 1923 г. процент падения численности горожан стал ниже, в сравнении с периодом 1917-1920 гг. Незначительное увеличение населения по отдельным городам Тюменской губернии в 1920 и 1923 гг. было связано с механическим приростом, большим наплывом беженцев с Поволжья, в связи с катастрофическим неурожаем в 1921 г. В половом соотношении численности мужчин и женщин имело ярко выраженное преобладание последних.

Заключение

Революция и Гражданская война замедлили рост городов, многие города потеряли значительную часть населения. Начиная с 1917 г. динамика естественного движения населения городов Тюменской губернии имела тенденцию к убыли. Общая численность городского населения в 1923 г. сократилась до 92 988 тыс. человек, что практически достигло уровня 1897 г. Это была катастрофическая ситуация. В результате к 1923 году процесс урбанизации в губернии, как и по всей Западной Сибири, фактически прервался. Ситуацию усугублял практически полный паралич экономики и засуха 1920-1921 гг., продразверстка, бегство горожан в сельскую местность от голода. Помимо этого, продолжала бушевать эпидемия тифа и холеры, достигшей огромных размеров в 1920-1921 гг. Причина высокой убыли горожан заключалась и в том, что продолжалась деэвакуация беженцев, выезд на родину граждан государств, граничащих с Россией на западе (Польша, Литва, Латвия и др.).

В первой трети XX века Россия переходила от традиционного общества к индустриальному. Последовавший социальный кризис наблюдался в истории большинства стран. Но не в каждой стране происходила такая жестокая Гражданская война, как в России. По всей стране демографические итоги Гражданской войны обошлись России в 21,8 млн жизней [15, с. 68]. Определение людских потерь в ходе Гражданской войны нуждается в особом изучении. Несмотря на большое количество публикаций о демографическом развитии Тобольской губернии, отсутствие исследований об изменении демографических параметров в результате Гражданской войны остается открытым.

Список источников

1. Северная Азия. Общественно-научный журнал. Книга третья. Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока. Главнаука, 1927. 120 с.

2. Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Эпизодический курс лекций, прочитанных на кооперативных курсах для служащих и рабочих кооперативных организаций г. Омска, в феврале-марте 1920 г. Омск: Сиботделение Всероссийского центрального союза потребительских обществ. 1921.175 с.

3. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.-Л.: Государственное издательство, 1930. 272 с.

4. Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926-1939 гг.) / А.С. Московский, В.А. Исупов; отв. ред. Н.Я. Гущин. Н.: Наука Сибирское отделение, 1984. 168 с.

5. Пронин В.И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Бахруш. Чтения: сб. н. тр. Н-ск: НГУ, 1984. С. 88-102.

6. Кононенко А.А. Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917-1921 гг.: монография. 2-е изд. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2011. 280 с.

7. Исупов В.А. Урбанизация или псевдоурбанизация. (Динамика численности городского населения Сибири в начале XX в.) // Городская культура Сибири: история и современность / Редкол.: Д.А. Алисов. Омск: Сиб. фил. Рос. ин-та культурологии, 1997. С. 32-39.

8. Скубневский В.А. Новониколаевск: становление города многофункционального типа // Урбанизационные процессы в Сибири второй пол. XIX – начала XX в.: избранные статьи / В.А. Скубневский; под ред. Ю.А. Гончарова. Барнаул: АГУ, 2010. С. 80-93.

9. Скубневский В.А. Городское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири: межвузовский сб. науч. ст. Барнаул: АГУ, 1990. С. 98-119.

10. Горюшкин Л.М. К характеристике народонаселения Сибири периода империализма // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии, 1976. С. 75-89.

11. Обзор Тобольской губернии за 1912 г. Тобольск: Типография Губернского управления, 1913. 33 с.

12. Обзор Тобольской губернии за 1914 г. Тобольск: Типография Губернского управления, 1916. 40 с.

13. Шиловский М.В. Функции городов Западной Сибири во второй пол. XIX – начала XX в. //Актуальные вопросы истории. Третьи науч. чт. памяти проф. А.П. Бородавкина: материалы Всерос. Конф. / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина, В.А. Скубневского. Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2002. С. 185-189.

14. Предварительные итоги переписи населения 1920 г. по Тюменской губернии. Тобольск: Издание Тюменского Губстатбюро. Вып. I. 1920. 26 с.

15. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.

Reference

1. Northern Asia. Social and Scientific Journal. Book Three. Society for the Study of the Urals, Siberia, and the Far East. Glavnauka, 1927. 120 p.

2. Oganovsky, N.P. The National Economy of Siberia. An episodic course of lectures delivered at the cooperative courses for employees and workers of cooperative organizations in Omsk, in February-March 1920. Omsk: Siberian Branch of the All-Russian Central Union of Consumer Societies. 1921. 175 p.

3. Volkov, E.Z. Dynamics of the USSR Population over 80 Years. Moscow-Leningrad: State Publishing House, 1930. 272 p.

4. Moskovsky, A.S., and Isupov, V.A. Formation of the Urban Population of Siberia (1926-1939). /A.S. Moskovsky, V.A. Isupov. Ed. by N.Ya. Gushchin. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1984. 168 p.

5. Pronin, V.I. Urban and Rural Population of Siberia in the Late 19th and Early 20th Centuries. //City and Village of Siberia in the Pre-Soviet Period. Bakhrush Readings. Collection of Scientific Papers. N-sk: NSU, 1984. P. 88-102.

6. Kononenko A.A. Tyumen at the Crossroads: Power and Society in 1917-1921: a Monograph. 2nd ed. Tyumen: TSU Publishing House, 2011. 280 p.

7. Isupov V.A. Urbanization or Pseudo-Urbanization. (Dynamics of the Urban Population in Siberia at the Beginning of the 20th Century) // Urban Culture of Siberia: History and Modernity / Ed. by D.A. Alisov. Omsk: Sib. fil. Ros. In-ta kul'turolo-gii, 1997. P. 32-39.

8. Skubnevsky V.A. Novonikolaevsk: Formation of a Multifunctional City // Urbanization Processes in Siberia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: Selected Articles / V.A. Skubnevsky; ed. by Yu.A. Goncharov. Barnaul: ASU, 2010. P. 80-93.

9. Skubnevsky V.A. Urban Population of Siberia According to the 1897 Census // Problems of the Genesis and Development of Capitalist Relations in Siberia. Interuniversity Collection of Scientific Articles. Barnaul: ASU, 1990. P. 98-119.

10. Goryushkin L.M. Characteristics of the Population of Siberia during the Period of Imperialism // Issues in the History of Social, Economic, and Cultural Life in Siberia. Novosibirsk: Institute of History, Philology, and Philosophy, 1976. P. 75-89.

11. Overview of the Tobolsk Province for 1912. Tobolsk: Printing House of the Provincial Administration, 1913. 33 p.

12. Overview of the Tobolsk Province for 1914. Tobolsk: Printing House of the Provincial Administration, 1916. 40 p.

13. Shilovsky, M.V. Functions of the Cities of Western Siberia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries. Actual Issues in History. The Third Scientific Readings in Memory of Professor A.P. Borodavkin: Proceedings of the All-Russian Conference. Edited by Yu.F. Kiryushin and V.A. Skubnevsky. Barnaul: Altai University Press, 2002. P. 185-189.

14. Preliminary results of the 1920 census in the Tyumen province. Tobolsk: Tyumen Gubstatburo. Issue I. 1920. 26 p.

15. Isupov V.A. Demographic Catastrophes and Crises in Russia in the First Half of the 20th Century: Historical and Demographic Essays. Novosibirsk: Sibirskiy Khronograf, 2000. 244 p.

Информация об авторе

Косыгина Светлана Валерьевна, Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище Министерства обороны Российской Федерации (630117, Новосибирск, ул. Иванова, 49).

Information about the author

Svetlana V. Kosygina, Novosibirsk higher military command order of Zhukov school (630117, Novosibirsk, Ivanova st., 49).

Научная статья
УДК 355/233
EDN: https://elibrary.ru/TZYSXW

ВЫПОЛНЕНИЕ СЛУЖЕБНО-БОЕВЫХ ЗАДАЧ ВОЙСКАМИ НКВД В ГОДЫ ВОВ ПО ОХРАНЕ ОСОБО ВАЖНЫХ ОБЪЕКТОВ И ОБЪЕКТОВ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Трусов Владимир Геннадьевич[1]
Цыбулько Алексей Александрович[2]
[1, 2] Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
[1]volodya-trusov60@mail.ru, [2]Tsybulko-79@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются выполняемые задачи войсками НКВД СССР в период Великой Отечественной войны по охране объектов на железнодорожных коммуникациях и особо важных объектов. Показано, как увеличение количества охраняемых объектов ведёт к росту количества частей и численности личного состава. Изменение и совершенствование тактики действий при выполнении служебно-боевых задач.

Ключевые слова: принятие под охрану объектов, увеличение численности войск.

Для цитирования: Трусов В.Г., Цыбулько А.А. Выполнение служебно-боевых задач войсками НКВД в годы ВОв по охране особо важных объектов и объектов на железнодорожных коммуникациях // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 1 (10). С. 106-111.

CARRYING OUT COMBAT MISSION BY THE NKVD TROOPS DURING THE GPW TO PROTECT ESPECIALLY IMPORTANT OBJECTS AND STRUCTURES ON RAILWAY COMMUNICATIONS

Vladimir G. Trusov[1], **Alexey A. Tsybulko**[2]
Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
[1]volodya-trusov60@mail.ru, [2]Tsybulko-79@mail.ru

Abstract. The article reveals the tasks performed by the troops of the NKVD of the USSR. During the Great Patriotic War, the task of protecting railway communications facilities and critical assets was explored. It is shown how increasing the number of protected facilities will lead to an increase in the number of units (subunits) and personnel. Tactics for performing combat missions will be modified and improved.

Keywords: acceptance of objects under protection, increase number of troops.

For citation: Trusov V.G., Tsybulko A.A. Carrying out combat mission by the NKVD troops during the gpw to protect especially important objects and structures on railway communications // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 1 (10). P. 106-111.

Введение

В первые дни Великой Отечественной войны начался резкий рост количества объектов, взятых под охрану, и, соответственно, пропорциональное увеличение объёма служебно-боевых задач (далее – СБЗ) по охране и обо-

©Трусов В.Г., Цыбулько А.А., 2026

роне объектов на железнодорожных коммуникациях, предприятий промышленности и важных государственных объектов (далее – ВГО).

Перестройка отдельных объектов и в целом экономики страны была направлена на обеспечение выпуска военной продукции и обеспечение нужд фронта, а для войск это было связано с увеличением количества подразделений и их численности для обеспечения охраны и обороны, кроме выполнения СБЗ по предназначению и участия в боевых действиях, подразделения оказывали помощь в эвакуации и монтаже *(демонтаже)* заводского оборудования.

Так, в качестве сравнения, если на январь 1941 г. подразделения войск охраняли 153 различных объекта при численности личного состава более 29 тыс. человек задействованного на их охрану. А уже по состоянию на август 1941 г., после проведения эвакуационных мероприятий объектов промышленности, выпускающих продукцию военного назначения, количество объектов увеличилось до 250. Помимо выполнения основной задачи – охраны объектов, выполняли задачи по борьбе с разведкой и диверсионно-разведывательными группами (далее – ДРГ) противника вблизи охраняемых объектов. Более того, количество охраняемых объектов увеличивалось в зависимости от положения дел на фронте и требований по наращиванию выпуска продукции для нужд армии, и в связи с этим на начало 1943 г. количество охраняемых объектов увеличилось до 428, а обеспечивающих гарнизонов – до 1017.

По мере продвижения на запад и освобождения захваченных территорий количество охраняемых объектов возрастало и по состоянию на конец 1944 г. их было 487, при численности войск более 73 тыс., а это 6 дивизий и 9 бригад.

На освобожденных от захватчиков территориях шло активное восстановление охраны объектов, в первую очередь энергетики, кроме того, дополнительно на войска возложили задачу по охране портов, так как в конце 1944 г. увеличились поставки по ленд-лизу.

С началом войны произошло резкое увеличение грузопотока по железной дороге, что было связано с проводимой эвакуацией предприятий промышленности и мирного населения в глубину страны, доставкой техники, боеприпасов и личного состава к линии фронта.

Железнодорожный транспорт являлся основным видом транспорта и имел большое значение в достижении победы в войне, а это, в свою очередь, требовало увеличения численности войск для охраны железнодорожных коммуникаций. Так, в июне 1941 г. войска НКВД СССР по охране железнодорожных коммуникаций имели 7 дивизий и 6 бригад с численностью личного состава более 63 тыс. человек. Охраняли 1697 объектов 1486-ю гарнизонами.

С началом войны и проведением отмобилизования войск по охране железнодорожных коммуникаций к 30 июня 1941 г. было принято под охрану 3120 объектов, из них: *шоссейных мостов – 420, тоннелей и мостов – 2227, водокачек 459 и др. объектов, которые охранялись 2664-мя гарнизонами.* Кроме того, в июле 1941 г. на подразделения войск НКВД по охране железнодорожных и ВГО дополнительно возложили задачу по охране линий правительственной «ВЧ» связи. Таким образом, уже летом 1942 г. войска НКВД по охране железных дорог охраняли 4304 объекта.

С целью предотвращения диверсий и обеспечения безопасного передвижения эшелонов с различными грузами и личным составом в 1942 году был сформирован 31 отдельный дивизион бронепоездов для охраны железных дорог и сопровождения литерных поездов. На начало 1943 г. для охраны подвижного состава на территории страны было задействовано 12 дивизий и 4 бригады войск НКВД, от которых ежедневно несли службу от 810 и более караулов.

В результате продвижения наступающей Красной Армии на запад уже в конце 1943 и начале 1944 гг. охрана с 441 объекта была

снята для взятия под охрану объектов и сооружений освобождённых территорий Белоруссии, Юго-Западной и Одесской железных дорог. Далее, по мере продвижения частей Красной Армии на запад, количество охраняемых объектов и привлекаемого личного состава постоянно изменялось (как пример: на начало октября 1944 г. подразделения по охране железных дорог охраняли 3606 объектов, на охрану которых привлекалось 98 тыс. человек, а в январе 1945 г. – 3925 объектов 2961-м гарнизоном).

В связи с окончанием боевых действий необходимость охраны отдельных объектов пересматривалась и вносились изменения в перечень охраняемых особо важных объектов (далее – ОВО), соответственно менялась и численность личного состава. Но наряду со снижением численности личного состава, количества подразделений объём СБЗ возрастал, совершенствовалась тактика действий при выполнении задач в различных условиях обстановки.

Тактика применения войск на различных этапах менялась в зависимости от обстановки на фронте. Так, в 1942 г. несение службы было организовано гарнизонами (мера вынужденная), а это, в свою очередь, обязывало часть подразделений привлекать для выполнения других СБЗ.

Подразделения, входящие в гарнизоны, находились вблизи тех объектов, которые они охраняли, а поэтому распределялись на несколько смен часовых и резерв. Нагрузка была высокая: на постах часовые несли службу по 4-6 часов, а на отдых отводилось не более 5-6 часов.

Комплектование подразделений производилось в основном военнослужащими, имеющими ограничения по состоянию здоровья, предельного призывного возраста, а с начала 1943 г., учитывая большой некомплект войск по охране железнодорожных коммуникаций, призывать стали женщин.

На случай возникновения чрезвычайных ситуаций было принято решение готовить в батальоне роту, а в полку батальон для выполнения задач в отрыве от ППД продолжительностью до 3-х и более суток. На приведение в готовность для выполнения задач было определено время не более 45 минут.

Зона радиуса действий караулов увеличивалась до 25 км за счет увеличения количественного состава дежурных подразделений, имеющих задачу при осложнении обстановки усиливать караулы, а при нападении вступать в бой до прибытия сводных отрядов, в некоторых случаях переходить на преследование до уничтожения (пленения), а при – невозможности передать соседним гарнизонам подразделений НКВД или Красной Армии.

Одна из основных задач при обороне охраняемого объекта – не допустить проникновения на охраняемый объект, а это достигалось постоянными тренировками и обучением личного состава ведению наблюдения за подступами к объекту. Обменом информацией с соседними гарнизонами НКВД и Красной Армии на подступах к объекту в радиусе не менее 25 км, при необходимости – решительное вступление в бой, активные оборонительные действия с последующим переходом в решительное наступление, а при необходимости и преследование до полного уничтожения (пленения) противника. Достигалось это умелым руководством караулами и подразделениями, сочетанием разведки с проведением маневра подразделениями и огнем.

При организации обороны охраняемого объекта в первую очередь учитывались следующие факторы:

- условия местности, где расположен объект, и подступы к нему;
- размеры объекта;
- удаление подразделений и органов НКВД от охраняемых объектов;
- оперативная обстановка в районе выполнения задач.

В зависимости от перечисленных выше факторов, оборона, как правило, организовывалась круговая или на отдельных наиболее важных направлениях. В этих ситуациях

высылались дозоры и патрули на наиболее опасные направления с сохранением часовых на постах (практиковалось выставление парных часовых), при этом караулы усиливали вызывными группами с целью выделения дозоров для проверки бдительности несения службы караулами и часовыми.

Так как объекты находились зачастую на большом удалении друг от друга и других подразделений, на объектах и подразделениях создавался дополнительный запас боеприпасов, продовольствия и других материальных средств, а учитывая оперативную обстановку в районе, где находился объект, он мог создаваться на пять и более суток.

Охраняемые объекты готовились в инженерном отношении для ведения оборонительного боя. Помимо окопов на подразделения и одиночных окопов оборудовались запасные огневые позиции и пулеметные гнезда (в основном полевого типа), хода сообщений и перекрытые щели, блиндажи и КНП (НП), в том числе закрытого типа, ну и, конечно, ложные огневые позиции.

Железнодорожные коммуникации являлись объектами особой важности для противника, поэтому, как правило, подразделения НКВД, охраняющие их, в бой вступали первыми.

Гарнизоны, охраняющие железнодорожные коммуникации, выделяли войсковые наряды для ведения войсковой разведки в радиусе до 5 км вокруг объекта, кроме того, в обе стороны от объекта на железнодорожных путях высылались дозоры на удаление до 10 км. Обслуживаемыми службами безопасности был ужесточен пропускной режим и проверка документов на охраняемых объектах и прилегающей территории.

Для прикрытия наиболее важных направлений и железнодорожные объектов *(узловых станций, станций разгрузок и складов, сопровождения наиболее важных воинских эшелонов)* выделялись бронепоезда. Для усиления подразделений, охраняющих железнодорожные объекты, в связи с осложнением обстановки на фронте в июле 1942 г. было принято решение создать противотанковые подразделения: *резервные батальоны по 18 противотанковых ружей, роты по 6-9 ружей*.

Выполняя СБЗ по охране объектов, в 1941 г. задержали более 25000 расхитителей государственной собственности и установленного пропускного режима. С января 1942 г. до осени 1943 г. войсковыми нарядами было выявлено и задержано за различные нарушения установленного режима более 248000 человек.

Разведка противника предпринимала многократно попытки совершения диверсий в тыловых районах на объектах железнодорожных коммуникаций (1943 г. – попытка подрыва железнодорожных мостов на р. Волге), совершение диверсий на промышленных предприятиях Урала и других важных объектах ВПК.

В этот период подразделениями войск и оперативными работниками было уничтожено и обезврежено более двадцати диверсионно-разведывательных групп и их пособников.

Неся большие потери и масштабные поражения на фронтах, противник в 1944 г. резко активизировал действия ДРГ в тылу нашей армии и, в первую очередь, для срыва поставок на фронт необходимого количества боевой техники, боеприпасов, продовольствия, личного состава и выполнения эвакуационных мероприятий по планам ГКО СССР.

В 1944 г. диверсанты подорвали и подожгли 36 мостов, подорвано 99 железнодорожных поездов (составов) различного предназначения.

Подразделениями войск, выполняющими СБЗ по охране железнодорожных коммуникаций, было предотвращено более 20 диверсий, задержано: *бандитов и их пособников – более 1350, диверсантов – 24, расхитителей народно-хозяйственных грузов – более 11000*.

За 1944 г. подразделениями и войсковыми нарядами войск НКВД СССР, охраняющих железнодорожные коммуникации выявлено, задержано или уничтожено более

1300 бандитов, 170 бандитов и их пособников, 24 шпиона и диверсанта, кроме того, более 600000 нарушителей пропускного режима и 3969 уголовных элементов, предотвращено более 20 диверсий по устройству крушений на охраняемых объектах.

Заключение

Таким образом, подразделения войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности в период Великой Отечественной войны выполняли СБЗ, имеющие важное государственное значение; обеспечивали бесперебойную работу предприятий военно-промышленного комплекса государства; показали высокую эффективность, надежность охраны и обороны в экстремальных условиях; организованная система управления доказала свою достаточно высокую и устойчивую жизнедеятельность. Выполняя задачи военного времени, войска НКВД по охране особо важных объектов и объектов на железнодорожных коммуникациях обеспечили надежную охрану и оборону предприятий оборонной промышленности.

Опыт, приобретённый в период ВОв, актуален и в наше время, это показывают примеры применения подразделений по охране особо важных объектов и объектов на железнодорожных коммуникациях ВНГ, при выполнении задач СВО (Запорожская и Курская АЭС, Херсонское водохранилище). Как показывает опыт участия в СВО, подготовка грамотных командиров и специалистов, способных успешно решать задачи в условиях ведения гибридных войн и быстроразвивающегося технического прогресса, в применении наиболее эффективных средств разведки и поражения (*особенно БПЛА различного класс*а) играет важную роль в успешном решении поставленных задач.

Список источников

1. Бунин С.В., Марценюк Ю.А., Беркутов А.С., Климов А.А., Ченцов А.С. Войска НКВД в Великой Отечественной войне: военно-исторический труд. В 3 т. Том II. Войска НКВД в первый и второй периоды Великой Отечественной войны (1941-1943). М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2015. 328 с.

2. Золотов В.В. Войска НКВД в Великой Отечественной войне. Уроки и выводы. М.: Академический вестник внутренних войск МВД России, 2015.

3. Ченцов А.С. Организация выполнения служебно-боевых задач руководством войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации, 2019.

4. Трусов В.Г., Цыбулько А.А. Работа органов и войск НКВД СССР по формированию диверсионно-разведывательных подразделений в начальный период ВОв / Яковлевские чтения: сборник научных ст. IV Межведомственной научно-практической конференции с международным участием. в 2 частях. Ч. 1 / Под общ. ред. В.В. Косухина. Новосибирск: Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. 400 с. [Электронный ресурс]: URL: CD-ROM (дата обращения: 12.01.2026).

Reference

1. Bunin S.V., Marzenyuk Yu.A., Berkutov A.S., Klimov A.A., Chentsov A.S. NKVD Troops in the Great Patriotic War. Military-Historical Work. In 3 volumes. Volume II. NKVD Troops in the First and Second Periods of the Great Patriotic War (1941-1943). Moscow: Editorial Office of the "On Combat Duty" Magazine of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2015. 328 p.

2. Zolotov V.V., NKVD Troops in the Great Patriotic War. Lessons and Conclusions. M.: Academic Bulletin of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2015.

3. Chentsov A.S., Organization of Service and Combat Tasks by the Leadership of the NKVD Troops of the USSR during the Great Patriotic War. M.: Academic Bulletin of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2019.

4. Trusov V.G., Tsybulko A.A., The Work of the USSR NKVD Bodies and Troops in Forming Sabotage and Reconnaissance Units in the Initial Period of the Great Patriotic War / Yakovlev Readings: Collection of Scientific Articles. IV Interdepartmental Scientific and Practical Conference with International Participation / in 2 parts. Part 1 / Edited by V.V. Kosukhin. Novosibirsk: Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, 2025. 400 p. [Electronic resource]: URL: CD-ROM (date of access: 12.01.2026).

Информация об авторах

Трусов Владимир Геннадьевич, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Цыбулько Алексей Александрович, кандидат педагогических наук, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Informormation about the authors

Vladimir G. Trusov, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630014, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Alexey A. Tsybulko, candidate of pedagogical sciences, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630014, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

О ЖУРНАЛЕ

Научный журнал «Сибирский социально-гуманитарный журнал» является рецензируемым электронным сетевым изданием, основанным в 2023 году. Периодичность издания – 4 раза в год.

Издательство: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации».

Цель научного журнала – публикация актуальных для обсуждения в научном сообществе научно-исследовательских работ, имеющих теоретическую и практическую значимость для повышения качества военного образования.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи, а также аналитические материалы, научные сообщения, научно-информационные материалы на русском языке по следующим специальностям: психологические, филологические, философские науки.

КОНТАКТЫ

Юридический (почтовый) адрес:
630114, г. Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2
E-mail: nvi-svnv@mail.ru
Телефон: (383) 338-08-29 (доб. 43-86)
Ответственный секретарь – Колухамбеков Алексей Садович
Режим (график) работы:
пн-пт: с 9.00 до 18.00
сб: с 9.00 до 13.00
вс: выходной

Научный журнал

СИБИРСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Ответственный редактор: **Колухамбеков** Алексей Садович
Компьютерная верстка: **Назырова** Валентина Владимировна
Корректоры: **Филиппова** Ольга Алексеевна, **Маматова** Мария Александровна

Подписано к использованию 20.03.2026 Объем издания: 3,07 МБ